

НАЦИОНАЛЬНАЯ АКАДЕМИЯ НАУК БЕЛАРУСИ
Институт истории

Е.Н. Филатова

КОНФЕССИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

ЦАРСКОГО

ПРАВИТЕЛЬСТВА

В БЕЛАРУСИ

1772—1860 гг.

Минск
«Белорусская наука»
2006

УДК [94+2](476)«1772/1860»

ББК 63.3(4Бел)

Ф 51

Научный редактор

кандидат исторических наук В. В. Яновская

Рецензенты:

кандидат исторических наук, профессор О. А. Яновский,
кандидат исторических наук М. А. Соколова

Филатова, Е. Н.

Ф 51 Конфессиональная политика царского правительства в Беларуси. 1772–1860 гг. / Е. Н. Филатова. — Мн.: Бел. наука, 2006. — 192 с.

ISBN 985-08-0706-7.

В книге анализируется политика царского правительства в отношении православия, католичества, униатства, протестантства, старообрядчества, иудаизма и ислама в Беларуси. Выделены и рассмотрены основные направления этой политики: унификация церковного руководства и структур конфессий, укрепление статуса православной церкви, законодательное оформление межконфессиональных отношений. Работа написана на основе архивных материалов, отечественной и зарубежной историографии.

Рассчитана на научных сотрудников, преподавателей и студентов. Окажется полезной для всех, кого интересует конфессиональная история Беларуси.

УДК [94+2](476)«1772/1860»

ББК 63.3(4Бел)

© Филатова Е. Н., 2006

© Оформление. РУП «Издательский дом «Белорусская наука», 2006

ISBN 985-08-0706-7

ПРЕДИСЛОВИЕ

Происходящие в нашей стране в последние годы политические, социальные, экономические изменения серьезно отразились и на духовной жизни белорусского общества. В общественном сознании повысился престиж конфессиональных организаций, наблюдается интерес к религии прежде равнодушных людей. Процесс этот неоднозначен. С одной стороны, церковь и религия, опираясь на свой богатейший исторический опыт, могут оказать серьезную помощь в преодолении духовной нищеты, остановить нравственную деградацию общества. Но с другой — процесс этот сопровождается рядом негативных моментов. Это увлечение вневероисповедной мистикой и различными формами оккультизма, межконфессиональное соперничество, вторжение в духовную жизнь наших граждан зарубежных религиозных и псевдорелигиозных объединений. Располагая богатым опытом и финансовыми возможностями, они стремятся заполнить образовавшуюся посткоммунистическую духовную пустоту, втягивая религиозные организации и граждан Беларуси в межнациональные противоречия. Понять современную религиозную ситуацию без глубокого исторического исследования, осмысления предшествующих периодов просто невозможно. Все, что мы сегодня наблюдаем, имеет свои исторические корни. Многие из того, свидетелями чего мы являемся, уже имело место (в той или иной форме) в нашей истории.

Многоконфессиональность в Беларуси складывалась на протяжении семи последних веков. Территория привлекала внимание не только православных, но и като-

лических миссионеров. И если в Великом княжестве Литовском (в дальнейшем ВКЛ) при довольно долгом сохранении остатков язычества господствовало православие, то в соседнем Польском королевстве — католичество. Вхождение ВКЛ в состав Речи Посполитой привело к образованию в конце XVI в. как бы компромиссной конфессии (за счет православия) — униатства, которое стало подчиняться Папе Римскому, приняло догматы католической церкви при сохранении в богослужении православных обрядов (на определенное время) и церковнославянского языка.

Приглашение в XIV—XV вв. великими литовскими князьями татарского и еврейского населения привело к появлению на территории нехристианских конфессий: ислама и иудаизма. Реформация в Западной Европе содействовала появлению и распространению в ВКЛ во второй половине XVI в. протестантизма (реформатства, лютеранства и арианства). А в конце XVII в. на территории Беларуси появились старообрядцы, пришедшие из России.

Контрреформация в Речи Посполитой в XVII в. привела к установлению господствующего положения католической церкви. Униатская же церковь, хотя и продолжала оставаться самой многочисленной в ВКЛ, особого веса и влияния в обществе не имела. Привилегии, которые давала принадлежность к католической конфессии, способствовали переходу униатской и православной шляхты в католичество. Униатами и православными оставались в основном бедная шляхта, мещане и крестьяне.

Положение православных и протестантов (так называемых диссидентов) в Речи Посполитой вызвало вмешательство православной Российской империи и протестантского Прусского королевства в ее внутренние дела. Разделы Речи Посполитой в 1772, 1793, 1795 гг. и вхождение территории ВКЛ в состав Российской империи привели к резкому изменению конфессиональной ситуации, обострив и без того сложные межконфессиональные отношения.

Глава 1

ИСТОРИОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКИ

В течение последних двух столетий взгляды на роль церкви и отдельных конфессий в историческом процессе в целом и контексте исследуемого периода и территории в частности менялись разительно и неоднократно. Основанием для этого служила смена государственности и государственного строя, принадлежность к различным конфессиям, национальность и т. д. Все это не позволяет дать целостную историографическую картину исследуемой проблемы, предопределяя ее некоторую мозаичность, введение определенной схемы проведения историографического анализа. И если российская, равно как и белорусская, историография требует анализа по определенным хронологическим периодам (досоветский, советский, постсоветский), то польская, в силу того что историческая преемственность в исследованиях по данной проблеме не прерывалась, анализируется в целом.

Характерными чертами досоветской историографии являются: отсутствие работ, посвященных исследованию всех конфессий, целостному анализу конфессиональной ситуации, межконфессиональных отношений, предпочтение, отдаваемое авторами православной конфессии. Но и среди работ по истории православной церкви конца XVIII — первой половины XIX в. нет таких, которые исследовали бы состояние православия на всей территории Беларуси в целом, а есть только по отдельным епархиям. Здесь особо следует выделить работы С. Г. Рункевича и Н. Д. Извекова [97, 55]. Они как бы хронологически и территориально (созданная в 1839 г. Литовская право-

славная епархия получила территорию, которая до этого времени входила в состав Минской православной епархии) продолжают и дополняют друг друга. Историю Полоцкой православной епархии с 1833 по 1839 г. затрагивает исследователь униатской церкви Г. Шавельский [146]. В этих исследованиях авторы на основе архивных источников пытались дать оценку положения православной церкви в белорусско-литовских губерниях как до 1839 г., так и после присоединения к православию униатства. Но при всем стремлении к объективности они не могли выйти за рамки официальной православной точки зрения, согласно которой считалось, что большинство населения Беларуси — русские по национальности и православные по вере. При этом подчеркивалось, что борьба на этой территории на протяжении столетий между православием и католичеством «была не только состязанием между двумя исповеданиями, она не менее касалась двух народностей — русской и польской», а присоединение униатства к православию в 1839 г. «было ударом не только для католической церкви, но и для нации польской» [146, с. 380].

Что же касается Белорусской (Могилевской), да и дальнейшей истории Полоцкой православной епархий, то они выпали из поля зрения исследователей. Работы А. Сапунова, П. Горючки, а также книги, посвященные отдельным приходам и церквям этих епархий, не дают полного представления об их истории [101, 99, 34, 36, 38, 39, 15, 6, 72, 43]. Определенный материал по исследуемой проблеме содержится в работах российских историков, которые посвящены состоянию православной церкви в Российской империи в целом. В работе профессора И. М. Покровского даны сведения о структуре, границах православных епархий, существовавших на территории Беларуси в XVIII в. (2-й том); трехтомник В. В. Зверинского включает материалы и по монастырям Беларуси [87,33]. Ценность всех этих работ для современных исследователей определяется наличием богатейших архивных материалов, многие из которых бесследно исчезли или недоступны сейчас белорусскому историку.

Еще более скудна дореволюционная историография, посвященная старообрядчеству в Беларуси. Кроме «Собрания постановлений по части раскола», которое, являясь сборником указов, дает представление об изменении политики царского правительства в отношении старообрядцев, есть только небольшая работа П. Горючко [103, 37]. В какой-то степени затрагивает положение старообрядцев в Литовской православной епархии и Н. Д. Извеков [55].

Не часто обращалась дореволюционная историография к истории католической церкви. Связано это было с тем, что католичество считалось одним из иностранных исповеданий в Российской империи и на него обращалось внимание только в отдельных случаях. Единственным крупным исследованием XIX в. по истории католической церкви была работа обер-прокурора Св. Синода Д. А. Толстого [107]. Он уделил большое внимание политике правительства в отношении католической и униатской церквей, взаимоотношениям Российской империи с Римом. Во 2-м томе даются в качестве приложения архивные документы. Работа тенденциозна, автор придерживается официальной точки зрения, что не удивительно при его должности. Интерес к жизни и деятельности первого митрополита всех католических церквей в Российской империи С. Богуша-Сестренцевича вызвал публикацию его дневников [41], которые охватывают конец XVIII в. В них он предстает скорее опытным царедворцем, человеком, который заботится о своем благосостоянии и своих родственниках, чем известным католическим деятелем. Интересны его оценки Павла I, членов Виленской ассоциации, встреч с бывшим королем Речи Посполитой Станиславом Августом Понятовским. Из многочисленных католических орденов, которые действовали на территории Беларуси, внимание дореволюционных российских исследователей привлек только орден иезуитов. Д. А. Толстой, М. Морошкин, А. П. Сапунов [107, 75, 100] рассказали об истории его возникновения и деятельности, взаимоотношении с российским правительством и Римом, системе иезуитского образования и его влияния на молодежь. При этом Д. Толстой отмечал,

что «оставление в России иезуитов было важною государственною ошибкою» [107, с. 18]. Наряду с исследованиями публиковались и документальные сборники по истории католичества. Так, в 1849 г. были опубликованы акты, грамоты, буллы римских пап Пия VI, Пия VII, Григория XVI, папских нунциев того времени кардиналов Аркетти, Литты [1].

Досоветская историография униатской церкви в отличие от историографии других конфессий довольно обширна. Помимо того, что отдельные аспекты проблемы затрагивались в той или иной степени почти во всех вышеназванных работах, существует целый ряд специальных исследований [18, 30, 33, 35, 51, 52, 61, 62, 64, 74, 81, 92, 145, 146]. Всех их объединяет общая идеологическая установка: униатское население белорусско-литовских губерний сберегло любовь и преданность вере своих предков и стремилось вернуться в православие. Отсюда и термин, характерный для российской историографии того времени в отношении ликвидации униатской церкви, — «воссоединение».

В дореволюционной историографии довольно основательно рассмотрены меры, которые предпринимались правительством по подготовке к ликвидации униатской церкви и ее присоединению к православию. Вместе с тем в трудах исследователей практически отсутствуют ответы на вопросы: в какой степени униатское население было предано своей вере? Какие обстоятельства дали возможность царскому правительству так легко провести ликвидацию унии в 1839 г.? В некоторой степени эти вопросы затрагивали исследователи Г. Шавельский и Н. Глубоковский. Они указывали на религиозную индифферентность не только униатского населения, но и его духовенства, отмечали, что процесс осознанного возвращения в православие был довольно длительным. Н. Глубоковский утверждал, что остатки униатского самосознания существовали в западных губерниях до начала XX в. [30, № 4, с. 483].

Польские исследователи в области конфессиональной истории как в XIX в., так и в XX в. главное внимание уделяли различным аспектам истории католической церкви. Работа С. Шантыра [182] содержит интересный факти-

ческий материал. Во втором томе приведены архивные документы. Хотя основная задача работы — это история католической церкви, автор уделяет большое внимание и униатской, не отделяя ее от католической, что характерно вообще для польской историографии. История католических орденов рассмотрена в работах С. Заленского и И. Гижицкого (псевдоним — Воляняк) [190, 185—188].

Среди современных исследований католической церкви выделяются работы Б. Кумора, П. Гаха, С. Литака [156; 167; 171] и др. С. Литак рассмотрел структуру католического костела на 1772 г.; П. Гах — процессы постепенной ликвидации значительной части католических орденов в Российской империи. Б. Кумор исследовал положение и структуру «польского костела» в конце XVIII — начале XX в. в России, Австрии и Пруссии.

Большой информационный материал содержит коллективная работа «Studia Teologiczne» [179], которая посвящена 600-летию Виленской католической епархии. Статьи написаны известными историками церкви, как светскими, так и духовными (Т. Крахель, Б. Кумор, Ю. Мандзюк, С. Литак, Я. Скарбек и др.). Они освещают все стороны жизни и деятельности епархии: изменения ее территориальной структуры, историю орденов, подготовку духовенства, а кроме того, и деятельность других христианских конфессий, которые находились на ее территории: православной, униатской, лютеранской и кальвинистской.

Вопросам участия католического духовенства в восстаниях и конфедерациях посвящена работа Х. Дылянговой [154]. Автор пришла к выводу, что высшее духовенство во многих случаях шло на соглашение с оккупационными властями, надеясь на небольшие выгоды для костела и народа или лично для себя. Низший клир был расколот. Часть его вела активную политическую жизнь, шла на каторгу и в ссылку, другие же, наоборот, оставались политически пассивными. Это вполне справедливая оценка, опровергающая сложившееся в российской, белорусской и польской историографии мнение о том, что все католическое духовенство принимало активное участие в по-

литической борьбе. Сложилось оно, видимо, под влиянием того, что царское правительство использовало любое участие ксендзов и монахов в тайных организациях и восстаниях как повод для нанесения удара по влиянию и богатству католической церкви западных губерний. Однако в целом автор придерживается традиционных для польской историографии взглядов. Х. Дылянгова рассматривает земли Беларуси, Литвы и Украины в XIX в. как бывшие польские, а местное католическое духовенство считает польским. Да и в целом католическое исповедание отождествляется с польской национальностью.

Интересные работы по истории католицизма были подготовлены во Франции и переведены на польский язык. Среди них исследование А. Буду, которое посвящено взаимоотношениям между Римом и Российской империей. Систему католического образования затронул Д. Бовуа [149, 148]. Что же касается польской историографии по униатской церкви, то она всегда придерживалась мнений, отличных от российской. Суть их можно выразить следующим образом: униатская церковь к концу XVIII в. находилась на грани слияния с католической, а присоединение униатской церкви к православной всегда рассматривалось польскими историками как «уничтожение» [169, 170, 152, 153, 162]. Однако, как и российские исследователи, они не замечали или не хотели замечать специфику конфессиональной истории Беларуси, униатское население которой вряд ли, в своей основной массе, видело различия между тремя основными конфессиями: католичеством, униатством и православием.

Из предложенной нами схемы историографического анализа выпадают работы, посвященные исследованию протестантских и нехристианских конфессий Беларуси. Объясняется это практически полным отсутствием специальных исследований. И если отдельные аспекты по истории лютеранской и кальвинистской церковью затрагивали некоторые исследователи [150, 151, 163, 176, 180], то положение нехристианских конфессий (ислама, иудаизма) только частично рассмотрено в работах, посвященных истории татарского и еврейского народов [25, 31, 45, 47, 59, 66, 161, 165, 147, 178, 183, 184].

Российские исследователи, изучая ситуацию в Российской империи в целом, уделяли лишь частичное внимание конфессиональной истории Беларуси, не замечая ее специфики. Тем не менее все эти работы представляют ценность как содержащимся в них фактическим материалом, так и анализом законодательной базы.

Особого внимания заслуживает 8-й том «Истории русской церкви» [58], который был написан И. К. Смоличем. Эта книга охватывает так называемый «синодальный период» (1700—1917 гг.) в истории Русской православной церкви. Кроме других вопросов в ней, через призму православия, рассматриваются различные аспекты политики правительства Российской империи в отношении католической, униатской, протестантских и нехристианских конфессий. Однако стремление автора к объективному анализу ситуации наталкивается на ортодоксальную православную доктрину во взглядах на неправославные конфессии.

Отдельные аспекты конфессиональной политики рассматриваются и в работе «Русское православие. Вехи истории» [98]. Вопросы межконфессиональных браков и отношение к ним правительства исследуются в работе Л. Е. Горизонтова [32], затрагивая в некоторой степени и бело-русско-литовские губернии.

Оживление конфессиональной жизни в Беларуси, характерное для последнего десятилетия, вызвало повышенный интерес к конфессиональной истории. Появились работы, касающиеся различных ее аспектов и конфессиональных периодов. Но, к сожалению, научных, базирующихся на глубоком научном анализе архивных материалов, среди них не так много. В 1999 г. была опубликована книга А. Горбацкого [24], в которой представлен богатый фактический материал, собранный в архивах Москвы, Петербурга, Минска и Гродно, а также в этнографических экспедициях. Однако в работе сохранился традиционный православный взгляд на старообрядчество, как бы оставая в тени своеобразии белорусской территории. Действительно, указы, касающиеся старообрядцев всей Российской империи, распространялись и на бело-русско-литовские губернии. Но в большинстве случаев они не действовали, так как в отличие от российских старообрядцев

местные, как правило, поддерживали российские власти. А некоторые православные иерархи (например, Литовский православный митрополит Иосиф Семашко) полагали, что лучше сохранять со старообрядцами дружеские отношения, видя в них союзника в противостоянии с католической церковью.

Исследования Е. Анищенко [3—5] затрагивают некоторые аспекты политики царского правительства в отношении конфессий. Работы содержат обширный архивный материал, но при его анализе автор, на наш взгляд, не всегда последователен и убедителен. Вопросы образования духовенства, религиозного образования молодежи анализируются в монографии С. Я. Куль-Сельвестровой [68]. Культурные аспекты деятельности униатской церкви рассмотрены в работе С. В. Морозовой [71], представляющей собой учебное пособие для студентов. Работа базируется на широком архивном материале. Автор пытается соединить европейский контекст с национальным подходом и продолжает популярную идею об униатстве как о «национальной религии» белорусов. Секуляризации церковных имений посвящен один из разделов монографии В. А. Сосно [104].

В связи с различными юбилейными датами православной и униатской церковью опубликован ряд сборников с неоднозначными по характеру статьями, так как среди авторов были не только ученые и преподаватели, но и представители духовенства [19, 49, 108]. Истории конфессий посвящены статьи в изданиях «Наш радавод», «Беларусіка», сборниках статей, издаваемых БГПУ, БГУ, а также в других сборниках и журналах [9, 22, 23, 28, 29, 44, 79, 83].

Историографический анализ, показывающий отсутствие специальных работ по теме, фрагментарность изучения отдельных ее аспектов, наличие различных точек зрения, свидетельствует о том, что всестороннее и объективное исследование конфессиональной жизни Беларуси конца XVIII — первой половины XIX в., взаимоотношений правительства и конфессий невозможно без использования архивных источников. К сожалению, архивы этого периода крайне плохо сохранились (нет архивов Белорусской

католической епархии, Могилевского католического и Полоцкого униатского архиепископств конца XVIII в., Инфлянтской, Пинской католических, Брестской и Виленской униатских епархий, очень мало дел в фонде Белорусской православной епархии). Многие архивы уже не существовали и в первой половине XIX в. (причины — пожары, война 1812 г.).

При подготовке этой работы были использованы документы, которые находятся в Российском государственном историческом архиве С.-Петербурга: ф. 1284 — департамент общих дел МВД, ф. 1282 — канцелярия министра внутренних дел, ф. 1269 — Еврейский комитет, ф. 823 — канцелярия митрополитов греко-униатских церквей, ф. 796 — канцелярия Св. Синода, ф. 797 — канцелярия обер-прокурора Св. Синода, ф. 821 — департамент духовных дел и иностранных исповеданий при МВД, ф. 802 — комиссия духовных училищ; Историческом архиве Литвы: ф. 604 — Виленская римско-католическая консистория, ф. 634 — Литовская греко-униатская духовная консистория, ф. 378 — канцелярия Виленского генерал-губернатора, ф. 1004 — Литовский епархиально-училищный совет; Национального исторического архива Беларуси: ф. 295 — канцелярия Минского гражданского губернатора, ф. 2001 — канцелярия Могилевского гражданского губернатора, ф. 1297 — канцелярия Витебского, Смоленского и Могилевского генерал-губернатора, ф. 136 — Минская православная духовная консистория, ф. 1781 — Могилевская римско-католическая консистория, ф. 3245 — Белорусская униатская консистория, ф. 3367 — Полоцкая униатская консистория, ф. 1952 — евангелико-лютеранская церковь в Беларуси, ф. 2617, 2311, 2313, 2542, 2316, 2425, 1549, 2548, 1323, 1315, 1577, 1532 — католических, базилианских и православных монастырей; Национального исторического архива в Гродно: ф. 1 — канцелярия Гродненского гражданского губернатора. Кроме того, изучались архивные материалы в рукописных отделах Российской национальной библиотеки в С.-Петербурге, библиотеках Академии наук Литвы и Вильнюсского университета, католического университета в Люблине (Польша).

Глава 2

УНИФИКАЦИЯ ЦЕРКОВНОГО УПРАВЛЕНИЯ И СТРУКТУР КОНФЕССИЙ

Одним из важнейших направлений конфессиональной политики царского правительства Российской империи на присоединенных территориях было стремление упорядочить церковную структуру и управление всех конфессий, используя в качестве образца структуру православной церкви, в которой на протяжении XVIII в. были проведены реформы, коснувшиеся управления, церковной структуры и положения духовенства. До реформ Петра I православная церковь не опускалась до уровня государственного учреждения и при всех конфликтах стояла вне государственных институтов. Желая полностью поставить церковь под контроль монарха, реформы призваны были превратить ее структуру в разновидность государственного аппарата.

К концу XVIII в. все управление православной церкви оказалось в руках Екатерины II, которая так и называла себя — «начальница греческой церкви» [58, ч. 1, с. 116]. Она стремилась привести взаимоотношения между государством и церковью в систему. Императрице был подчинен высший церковный управляющий орган — Святейший Правительствующий Синод (в дальнейшем Св. Синод). И вся церковная структура приобрела стройность государственного аппарата (см. приложение 1). За деятельностью Св. Синода наблюдал специальный чиновник — обер-прокурор Св. Синода. После секуляризации церковных имений по указу от 26 февраля 1764 г. православные епархии и монастыри были поделены на три класса, причем соответственно классу определялись

и суммы на их содержание [98, с. 284]. В результате епархиальный архиерей, по сути, становился чиновником, отвечающим перед Св. Синодом за свою работу. Его полномочия не зависели от того, в каком он был сане — митрополита, архиепископа или епископа. Он отвечал за состояние веры и нравственности, наблюдал за проповеднической и богослужебной деятельностью духовенства, руководил многочисленными церковными учреждениями и возглавлял духовный суд, а также наблюдал за хозяйственной деятельностью церквей и монастырей. Архиерей представлял интересы церкви перед местными органами власти, с которыми у него нередко возникали трения из-за нечеткости в разграничении компетенций. Местопребыванием архиерея и его свиты был архиерейский дом. Так как православные монастыри входили в состав епархий, то они также подчинялись руководителю епархии, который был архимандритом одного из них.

Центральным органом епархиального управления была духовная консистория. Ей были подчинены духовные правления, не были учтены в штатах и содержались за счет приходского духовенства. Епископ назначал благочинных, возглавлявших благочинные округа (или благочиния), на которые делилась епархия. Нижнюю ступень в епархиальной структуре занимали приходские общины или церковные приходы, число которых в епархиях сильно колебалось. Церкви делились на кафедральные и городские (в уездных городах) соборы, приходские, приписанные (к приходам), домовые. Имелись также часовни и временные молитвенные дома.

Приходы отличались друг от друга по количеству дворов и по численности причта. И если штаты 1722 г. устанавливали норму в 300 дворов на одну церковь, то новые штаты 1778 г. зафиксировали норму в 150 дворов на одну церковь. С этого же времени выдача разрешений на возведение новых церквей стала исключительным правом Св. Синода [58, ч. 1, с. 268, 273, 277, 279, 282].

Духовенство формировалось как отдельное довольно замкнутое сословие, состоявшее из приходского духовенст-

ва и его потомков. Со времени Петра I рядом указов была ограничена возможность личного выбора профессии сыновьями священников и принадлежность к сословию становилась наследственной. А епархиальное руководство, чтобы сберечь социальное равновесие внутри духовного сословия, поддерживало браки кандидатов на вакантные должности с дочерьми духовных лиц. Духовенство состояло из белого (священнослужители) и черного (монашествующего) (см. приложение 2). Такая структура и была положена в основу преобразования управления и структур конфессий, находившихся на присоединенной к Российской империи территории ВКЛ. К концу XVIII в. (на 1791 г.) на его территории (по подсчетам литовских исследователей) с общим количеством населения 3 млн 850 тыс. человек, униаты составляли 1 млн 500 тыс., католики — 1 млн 470 тыс., иудеи — 385 тыс., православные — 250 тыс., старообрядцы — 140 тыс., протестанты (кальвинисты, лютеране) — 60 тыс., мусульмане — 40 тыс., караимы — 5 тыс. человек [181, s. 29].

В 1772 г. белорусские земли находились в основном в составе Виленской католической диоцезии, а незначительная их часть — в составе Инфлянтской, Жмудской и Смоленской диоцезий, входивших в Гнезненскую метрополию. Церковная структура Виленской католической диоцезии состояла из 2 архидеанатов, 26 деканатов, 429 парафий и 138 филий с 821 костелом и каплицами. Количество католических монастырей (по воеводствам) было следующим: в Виленском — 9 мужских и 10 женских, в Инфлянтском — 16 мужских, в Троцком — 34 мужских и 7 женских, в Брест-Литовском — соответственно 37 и 4, в Витебском — 21 и 6, в Новогрудском — 28 и 8, в Полоцком — 17 и 2, в Мстиславском 17 и 1, в Минском — 25 и 6, на Жмудзи — 17 и 3 [171, s. 42, 68, 95, 97].

За время своего существования Виленская католическая диоцезия неоднократно меняла свои границы. До разделов Речи Посполитой она имела самую большую территорию в Европе и в 1772 г. насчитывала около 226 тыс. км², на которых проживали 1 млн 305 тыс. католиков [179, s. 114]. В 1772 г. в этой диоцезии было

18 мужских монашеских орденов, которые территориально входили в состав 23 провинций с количеством монахов 3186 чел. (см. приложение 3), что составляло 20,2% от общего количества монашеского духовенства Речи Посполитой. Количество женских орденов было значительно меньшим. Среди них были бенедиктинки, бернардинки, доминиканки, кармелитки босые, мариавитки, визитки, шаритки.

Униатские церкви входили в состав митрополий Киевско-Виленской, Полоцкой и Пинской униатских диоцезий. В 1772 г. в Киевско-Виленской униатской диоцезии было 2430 парафий и 1 804 338 прихожан, в Полоцкой — соответственно 598 и 765 154, в Пинской — 238 и 85 109 [162, с. 119]. Католическая и униатская церкви были подчинены духовной власти Папы Римского и прimate Речи Посполитой, который находился в Варшаве.

По условиям «вечного мира» (1686 г.), который был заключен между Речью Посполитой и Россией, православных епископов назначал Киевский митрополит, который подчинялся Московскому Патриарху, а затем Св. Синоду, утверждал их кандидатуры король Речи Посполитой. В XVIII в. в Речи Посполитой осталась всего одна православная епархия — Белорусская. Назначенный в эту епархию в 1755 г. епископ Георгий (Конисский) нашел в ней всего 130 церквей [72, с. 335].

Еще во второй половине XVI в. в Речи Посполитой в основном сложилась территориальная и организационная структура кальвинистской (или реформатской) церкви. Ее Литовская провинция состояла из 6 дистриктов: Виленского, Завилейского, Новогрудского, Белорусского, Брестского, Жмудского. Общины дистриктов возглавляли супер-интенданты. Организационным и управляющим центром была Виленская община. Важные идейные и церковно-религиозные проблемы выносились на обсуждение партикулярных (по дистриктам), провинциальных (всех кальвинистских общин ВКЛ) и генеральных (с участием польских протестантов) синодов. Раз в год в Вильно собирались синоды, на которых должны были присутствовать представители всех общин ВКЛ. Люте-

ранские общины ВКЛ были немногочисленными. В центре лютеранской церкви — Вильно находились две общины — немецкая и польская. В 1648 г. доктор философии и медицины Ян Маюс подготовил каноны, которые регламентировали порядок внутрицерковной жизни лютеранских общин. Лютеранские синоды собирались крайне редко [54, с. 60, 62]. В 1768 г. на кальвинистском Синоде в Вильно была рассмотрена идея унии этих двух протестантских конфессий. Но она не встретила поддержки у присутствующих [163, с. 54].

С конца XVII в. на территорию ВКЛ начали переходить из России старообрядцы. С территории Левобережной Украины, через Стародубье, на Гомельщину переходили поповцы, а с севера, через Ригу, на Витебщину и Виленщину — беспоповцы. В начале XVIII в. мест. Ветка стало крупным центром старообрядчества, но «выгонки», которые были проведены российскими войсками на территории ВКЛ в 1735 и 1764 гг., ослабили его и центр старообрядчества переместился в Стародубье.

На протяжении нескольких столетий мусульмане ВКЛ, которые появились здесь в XIV в., сохраняли культурные и конфессиональные связи с Крымом и Турцией, признавая до конца XVIII в. духовную власть над собой турецкого султана как халифа всех мусульман. При необходимости, по спорным вопросам в делах веры, мусульмане общины обращались к муфтию Османской империи [183, с. 28]. Органом самоуправления евреев, которые также поселились в ВКЛ в XIV в., был кагал, в состав которого выбирался раввин. Главными среди других в ВКЛ считались еврейские общины в Брест-Литовске, Гродно и Пинске [27].

2.1. Начальный период реорганизации. 1772—1796 гг.

В 1772 г. в результате первого раздела Речи Посполитой часть Витебщины и Могилевщины вошла в состав Российской империи. На этой территории находились: Белорусская православная епархия с центром в Могилеве, возглавляемая епископом Георгием (Конисским); часть

Полоцкой униатской диоцезии во главе с архиепископом Ясоном Юношей-Смогоржевским; часть Виленской католической диоцезии, центр которой остался за пределами империи. Здесь же находились и провинции различных католических и базилианского орденов, провинциалы которых не подчинялись руководству соответствующих епархий. Кроме того, на этой территории проживало протестантское (лютеранское и реформатское), иудейское и старообрядческое население.

Первые указы Екатерины II не затронули церковную структуру трех основных конфессий присоединенной территории. Они касались лишь духовенства, которое должно было принести присягу на верность российской императрице, и необходимости проведения «особой переписи» иезуитов. Монахам, не пожелавшим принести присягу, разрешалось выехать за границу. При этом было оговорено, что если монастыри останутся пустыми, то их деревни необходимо «взять в казенное управление» (указ от 28 мая 1772 г.). Касательно иезуитов императрица считала, что они «не могут быть по законам терпимы в наших областях» и что «оставление в их руках училищ вредно правлению». Но, не желая обострять отношения с жителями присоединенной территории, решила их оставить до более подходящего момента [88, т. 19, с. 509, 510].

22 ноября 1772 г. в Совете при Екатерине II обсуждался вопрос о границах православных епархий. Был заслушан доклад Белорусского генерал-губернатора графа З. Чернышева, а также приложенное к нему мнение тайного советника Салдерна о положении православного духовенства на присоединенной территории. Совет принял решение о присоединении православного духовенства Двинской, Полоцкой и Витебской провинций к Псковской православной епархии. Мнение Совета по Могилевской (Белорусской) епархии было двояким: либо оставить все, как есть (до смерти епископа Георгия), либо присоединить ее к Смоленской епархии [7, т. 1, ч. 1, с. 206]. По указу от 14 декабря 1772 г., данному Сенату, Витебская, Полоцкая и Двинская провинции вошли в состав Псковской православной епархии; Могилевская, Оршанская,

Мстиславская и Рогачевская провинции — в Могилевскую православную епархию [7, т. 1, ч. 1, с. 206]. Православная церковь на присоединенной территории была немногочисленной. В 1774 г. здесь действовало не более 50 православных церквей и монастырей [8, с. 279].

Гораздо сложнее решались проблемы, касающиеся структуры и управления католической и униатской церквей. Этому вопросу было посвящено заседание Совета 10 декабря 1772 г. На нем в присутствии императрицы был оглашен подготовленный заранее указ, в котором излагалась ее точка зрения по данному вопросу. Согласно указу, униатам был оставлен Полоцкий архиепископ Я. Смогоржевский и назначался католический епископ с подчинением ему всех римско-католических церквей Российской империи (без указания на тот момент персонального назначения). И католическому, и униатскому архиереям предписывалось обращаться по всем экономическим делам в Лифляндскую, Эстляндскую и Финляндскую юстиц-коллегию и в Сенат. Запрещалось обнародовать папские буллы без специального разрешения властей. Белорусскому генерал-губернатору вменялось в обязанность запрещать католическому и униатскому духовенству обращаться в свою веру православных [7, т. 1, ч. 1, с. 13].

В основу законодательного урегулирования положения католической и униатской церквей, их отношений с правительством был положен «Регламент» от 12 февраля 1769 г., предоставленный католической общине Петербурга, который допускал взаимоотношения с Римом только по вопросам веры. Важным моментом, шедшим вразрез с канонами Римско-католической церкви, была попытка подчинить католические и базилианские монастыри архиереям (по подобию православной конфессии) [88, т. 19, с. 683]. Подобная политика вызывала недовольство Рима. Спорным вопросом между Екатериной II и Римом стала кандидатура С. Богуша-Сестренцевича, назначенного главой Белорусской католической епархии (1773 г.), а затем — Могилевского католического архиепископства (1783 г.). Акт о канонической номинации

С. Богуша-Сестренцевича и учреждение архиепископства в г. Могилеве были подписаны папским нунцием Аркетти только 17 (28) января 1784 г. Кроме того, нунций подтвердил указ от 9 августа 1778 г., который давал право Богушу-Сестренцевичу осуществлять руководство орденами [156, s. 54].

Произошло столкновение между Екатериной II и Римом и по вопросу признания бреве Климента XIV «*Dominus et Redemptor*» от 10 июля 1773 г., которым объявлялось о роспуске ордена иезуитов. Несмотря на свое довольно негативное мнение об этом ордене, императрица наперекор Папе Римскому разрешила деятельность ордена в Российской империи. Иезуиты на этой территории принадлежали к провинциям Мазовецкой и частично Литовской, провинциалы которых оказались после первого раздела Речи Посполитой за границей. Руководство орденом осуществлял ректор полоцкого коллегиума, вице-провинциал Станислав Черневич. В 1779 г., видимо, не желая обострять отношений, Папа Пий VI разрешил открыть новициат ордена. Открытие состоялось в феврале 1780 г. в г. Полоцке. Императрица разрешила на генеральной конгрегации ордена в 1782 г. избрать генеральным викарием С. Черневича. В 1783 г. Папа устно разрешил деятельность ордена в Российской империи, что вызвало приток в созданную Белорусскую иезуитскую провинцию бывших иезуитов из Италии, Англии, Германии, Америки, Азии [156, s. 48].

Структура католической церкви была достаточно громоздкой (см. приложение 4). В 1775 г. в Белорусской католической епархии было 6 деканатов, 15 пробств, 74 прихода и 24 монастыря [3, с. 28, 29]. Изменения структуры католической церкви продолжались и в 80-е годы. Указом от 17 января 1782 г. вместо Белорусской католической епархии учреждалась новая — Могилевская. Был принят ряд распоряжений об устройстве католической церкви в Российской империи. Указами от 28 февраля 1782 г. и от 11 ноября 1783 г. было объявлено об основании Могилевской католической консистории. Несмотря на общий запрет о привлечении священнослужителей

из-за границы, С. Богушу-Сестренцевичу разрешили приглашать белое католическое духовенство (указ от 28 февраля 1784 г.), которого не хватало, при условии принесения ксендзами присяги на верность императрице [88, т. 22, с. 58].

19 декабря 1783 г. папский нунций кардинал Аркетти утвердил создание митрополичьего капитула в Могилеве в составе 4 прелатов (препозита, архидиакона, кустоша и схоластика), 4 генеральных каноников и 4 почетных. На содержание капитула были выделено 8 богатых парафиальных бенефициев. Капитул занимался вопросами кафедры, воспитания католической молодежи, как духовной, так и светской, методами обучения и школьными делами костела и т. д. [166, с. 161, 162].

Изменения в административно-церковной структуре и управлении униатской конфессии проходили по тем же направлениям, что и римско-католической. В 70-е годы в состав Полоцкого униатского архиепископства входили 24 протопопии, 500 церквей и 21 монастырь [3, с. 28, 29]. В 1780 г. были произведены некоторые изменения в его руководстве, так как архиепископ Я. Смогоржевский согласился на предложение короля Станислава Августа стать митрополитом униатских церквей в Речи Посполитой. Екатерина II приказала З. Чернышеву учредить консисторию для управления духовными делами униатских церквей в Полоцком и Могилевском наместничествах [88, т. 20, с. 953]. В состав консистории вошли базилиане: провинциал Белорусской базилианской провинции Милановский, игумен Полоцкого базилианского монастыря Жаба, игумен Пустынского монастыря Кириат и игумен Онуфриевского — И. Лисовский [64, с. 186]. Коллегия консистории управляла Полоцким униатским архиепископством с 1782 до 1785 г., когда Полоцким униатским архиепископом был назначен Ираклий Лисовский.

Что же касается протестантских конфессий, то ни в 70-е, ни в 80-е годы практические шаги по их структурной реорганизации не предпринимались. 26 февраля 1789 г. Совет рассмотрел вопрос об учреждении «предполагаемого духовного правительства протестантского ис-

поведания». На заседании было высказано мнение, что его надо бы организовать по примеру католической церкви [7, т. 1, ч. 1, с. 17]. Возможно, потому, что лютеран и кальвинистов в Полоцком и Могилевском наместничествах было только 4908 человек [3, с. 157], этот вопрос так и не был окончательно решен.

На немногочисленную христианскую конфессию — старообрядчество были распространены указы, которые касались внутренних губерний империи. Так как православная церковь не считала старообрядчество отдельной конфессией, а рассматривала ее как сектантство, то молитвенные дома и скиты старообрядцев должны были входить в состав православных епархий. В 1777 г. на присоединенной территории насчитывались 11 502 чел. поповцев и беспоповцев, значительная часть которых проживала в пределах Гомельского староства Могилевской губернии [3, с. 152]. Указ от 21 июля 1788 г. разрешил старообрядцам Белорусского, Малороссийского и Екатеринославского наместничеств иметь свои церкви и вести службу по старопечатным книгам [103, с. 6].

Большим по численности было еврейское население, которое исповедовало иудаизм. В первые годы правительство не спешило вмешиваться в духовные дела иудеев, которых в 1773 г. насчитывалось 52 212 чел. [3, с. 163]. Согласно указам они должны были быть приписаны к кагалам, которые учреждались по мере надобности губернатором [88, т. 19, с. 571]. Духовным руководителем кагальной организации являлся раввин. Он санкционировал решения кагала, председательствовал в религиозном кагальном суде, исполнял религиозные обряды, накладывал херем (анафему) на непослушных и виновных, наблюдал за религиозным образованием, был толкователем Закона и решал возникавшие религиозные вопросы [66, с. 4].

В начале 1773 г. могилевский купец Б. Шнеер подал на имя Екатерины II записку, в которой выступил против всеислия кагалов. Он писал, что раввинство почти в каждом местечке сдавалось «на откуп». В итоге раввинские должности занимали недостойные люди, а власть кагалов строилась «на интригах, прихотях и всегда была

предметом ненасытному сребролюбию таких людей и их покровителей». В итоге «некоторые люди обогащаются во время, когда большая часть народа приходит в совершенную бедность» и обременяется «незаслуженными долгами» [5, с. 32]. Депутаты от кагалов Полоцкой, Двинской и Витебской провинций Псковской губернии собрались в Полоцке 26 августа 1773 г. и до 6 сентября в присутствии губернатора Кречетникова составили «Учреждение о кагалах». Б. Шпеер перевел его на русский язык. Согласно «Учреждению...» раввины должны были избираться пожизненно из старшин и кандидатов. Вместе с судьями раввин разбирает духовные дела, денежные споры, отношения с иноверцами. За отправление услуг и функций он получал половину судебных доходов [5, с. 38—41].

Следующие изменения в церковной структуре основных конфессий Беларуси были вызваны вторым и третьим разделами Речи Посполитой. 13 апреля 1793 г. был издан указ, согласно которому на территории трех новых губерний образовывалась новая православная епархия — «Минская, Изяславская и Брацлавская». По штату она была отнесена ко 2-му классу. На ее содержание выделялось 5500 руб., а ее архиерей Виктор (Садковский) получил титул «архиепископа минского, изяславского и брацлавского» и становился независимым от Киевского митрополита, хотя и оставался коадьютором Киевской митрополии [97, с. 156, 157].

В 1793 г. в этой епархии было 329 церквей, но даже на это небольшое количество храмов не хватало священно- и церковнослужителей. По ревизии 1794 г. в ней было 150 протопопов, священников, протодиаконов, диаконов и иподиаконов и 210 дьячков [97, с. 166]. Духовная консистория епархии находилась в Слуцке. В пределах Минской губернии было 6 духовных правлений: слуцкое, петриковское, мозырское, туровское, давид-городокское и пинское; на Украине их было 8. Во главе правления стоял протопоп, который выбирался духовенством, а епископ должен был лишь утвердить его кандидатуру. Но архиепископ Виктор назначал их сам. Протопопу было подчинено все духовенство протопопии [97, с. 307].

После третьего раздела Речи Посполитой территория этой епархии стала еще более громадной (Минщина, Виленщина, Гродненщина, Волынь и Подолия). Екатериной II была создана комиссия в составе митрополита Гавриила, канцлера графа А. А. Безбородко и генерал-губернатора Т. Тутолмина. Комиссия разработала проект изменения структуры этой епархии. Из нее выделялась одна самостоятельная епархия и учреждалась одна викарная. Проект был утвержден и Виктор (Садковский) получил титул «архиепископ минский и волынский». В 1796 г. было решено перенести кафедру Минской православной епархии из Слуцка в Минск. Реальный же переезд произошел только в 1799 г., когда в православное ведомство поступили здания двух закрытых базилианских монастырей [97, с. 234—236]. Изменения коснулись и Могилевской православной епархии. Указом от 10 января 1795 г. в ее состав вошли церкви и монастыри Полоцкой губернии, которые до этого времени были в составе Псковской православной епархии [88, т. 23, с. 613].

После второго и третьего разделов Речи Посполитой в состав Российской империи вошли оставшиеся части Полоцкого униатского архиепископства и Виленская униатская митрополичья епархия. Указом от 19 октября 1795 г. Екатерина II ликвидировала все униатские епархии, передав все руководство над униатами Полоцкому униатскому архиепископу И. Лисовскому [179, с. 275]. В своем послании «*Adeo manifesta*» от 19 февраля 1795 г. на имя католического митрополита С. Богуша-Сестренцевича Папа Пий VI поручил ему руководство и униатской церковью [167, с. 27]. Как митрополит всех римско-католических церквей в Российской империи С. Богуш-Сестренцевич без предварительного согласования распространил свою власть над католиками присоединенных, после второго и третьего разделов, территорий, которые вошли в состав Могилевского католического архиепископства [191, с. 245].

Указом от 6 сентября 1795 г., данным Сенату, Екатерина II учредила две новые католические епархии с консисториями. Одна из них — Пинская включала в

свой состав территории Минской и Волынской губерний. Ее епископу Г. Цецишевскому разрешалось пользоваться «впредь именами столовых деревень». В состав второй — Инфлянтской епархии с центром в г. Вильно входили все костелы и монастыри Литовской губернии, которые были ранее подчинены Виленскому епископу. Ее епископу И. Коссаковскому выделялось на содержание 4 тыс. руб. в год. Монашеские католические ордена ставились в зависимость от епархиальных архиереев и консисторий [88, т. 23, с. 761]. Однако канонически Виленская католическая епархия, на территории которой была создана Инфлянтская, не переставала существовать [179, с. 118].

Период 1772—1796 гг. в области структурных преобразований конфессий на присоединенных территориях характеризуется следующим.

Объявляя о своем нежелании касаться догматов веры, императрица тем не менее активно стремилась подчинить себе управление всеми конфессиями. Об этом свидетельствовали принимаемые указы: о создании новых римско-католических епархий, о назначении епархиальных архиереев и др., в чем первенствующая и решающая роль принадлежала императрице, а не Папе Римскому.

Важным аспектом структурных преобразований явились попытки подчинения католических и базилианского орденов руководству епархиальных архиереев (по аналогии с православной конфессией).

Политика Екатерины II в отношении католической и униатской конфессий как бы противопоставлялась политике Рима, который был вынужден следовать за решениями императрицы в вопросах создания новых епархий, назначения архиереев, подчинения им орденов, в передаче руководства униатской церковью в руки католического митрополита и др.

Создание новых церковных структур сопровождалось назначением на высшие духовные должности преданных Российской империи и Екатерине II людей (С. Богуш-Сестренцевич, Георгий (Конисский), Виктор (Садковский), И. Лисовский).

При сохранении давно существовавших епархий сохранялись и некоторые старые церковные структуры, так как процесс реорганизации церковных структур не был завершен. Кроме этой незавершенности существовали еще некоторые льготы в отношении конфессий присоединенных территорий. В отличие от положения православной церкви в центральных регионах империи здесь не только не была проведена секуляризация церковных имений, но при их сохранении епархиальным архиереям и консисториям, православным монастырям дополнительно назначалось содержание согласно штатам и классу.

2.2. Изменения в церковном управлении и пересмотр границ епархий. 1797—1825 гг.

В эти годы продолжались поиски наиболее оптимальных (в представлении властей) путей реорганизации органов управления и церковных структур, продолжались изменения границ епархий и т. д. В начале XIX в. реформирование центрального аппарата управления затронуло и управление православной церковью. В 1803 г. обер-прокурор Св. Синода стал непосредственно подчиняться императору, а личные доклады членов Св. Синода были отменены. Следующим шагом явилось создание двойного министерства (манифест от 17 октября 1817 г.) — Министерства духовных дел и народного просвещения, которое возглавил А. Н. Голицын. Оно состояло из двух департаментов: духовных дел и народного просвещения. Первый департамент имел четыре отделения: по делам православного вероисповедания; по делам римско-католического, униатского и армянского вероисповедания; по делам протестантских исповеданий и по делам нехристианских исповеданий (см. приложение 5) [98, с. 320].

Такое уравнивание православной церкви с прочими, в том числе и нехристианскими исповеданиями, фактически снижало статус «первенствующей» церкви и было встречено православным духовенством с негодованием. Толчком к ликвидации этого министерства послужила жалоба Александру I Санкт-Петербургского и Новгород-

ского православного митрополита Серафима (Глаголевского). Он выступил против деятельности Библейского общества и перевода Священного Писания на русский язык, а также против публикаций мистических брошюр без ведома Св. Синода, которые осуществлялись при поддержке этого министерства. 15 мая 1824 г. А. Н. Голицын был смещен с поста министра, который занял адмирал А. С. Шишков, назначенный министром народного просвещения и главноуправляющим духовными делами иностранных исповеданий [98, с. 323, 324].

Изменения коснулись и границ православных епархий. 4 августа 1799 г. был принят указ, которым предусматривалось приведение границ епархий в соответствии с административно-территориальным делением. Но из-за постоянных реорганизаций губерний он не был полностью осуществлен. 16 октября 1799 г. Минская православная епархия была переименована в Минскую и Литовскую. В ее состав, кроме Минской, входила и Литовская губерния, которая не имела в то время ни одной православной приходской церкви. Лишь в 1807 г. в уездных городах Виленской губернии были учреждены православные церкви. Окончательно территория епархии сформировалась к 1803 г. В ее состав вошли три губернии: Минская, Виленская и Гродненская (с 29 уездами). К 1815 г. ее церковно-административная структура состояла из консистории, 6 духовных правлений, 2 благочиний (Минского и Игуменского) и 268 приходских церквей [97, с. 447, 448, 529].

Территория Белорусской (Могилевской) православной епархии на короткое время совпадала в конце XVIII в. с территорией Белорусской губернии, сохраняя старую церковную структуру. Так, в 1798 г. в этой епархии было 4 духовных правления, 3 заказа, семь протопопий, одно десятиначалие и 385 церквей [38, с. 1; 39, с. 6].

Приходские церкви этих епархий содержались за счет добровольных пожертвований. 24 января 1798 г. Св. Синод разрешил в них продажу свечей, доход от которых шел на нужды храма [58, т. 8, ч. 1, с. 149]. Источником дохода для церкви была и земля. По указу Павла I от 18 декабря 1797 г. наделение церковных причтов землей

было распространено и на западные губернии. 11 января 1798 г. были приняты положения, разработанные Сенатом и Св. Синодом. Согласно этим положениям: 1) минимальная норма надела должна была составлять 33 дес.; 2) отведенная земля считалась предоставленной в долгосрочное пользование, но ее обработка оставалась за прихожанами; 3) урожай духовенство должно было получать натурой (зерно, сено, солома), но оно имело право заменить натуру деньгами [58, т. 8, ч. 1, с. 367].

Осуществление этого проекта вызвало сопротивление со стороны крестьян, особенно в отношении обработки ими церковных земель. Кроме того, помещики, забрав себе церковные наделы, выдавали духовенству недостаточное содержание. В некоторых приходах прихожане выделяли людей для обработки церковной земли, но делалось это несвоевременно. Ввиду того, что положение 1798 г. поставило духовенство в крайнюю зависимость от прихожан, которым не понравилась такая новая повинность, в приходскую жизнь был внесен элемент раздора. Поэтому указ Сената от 3 апреля 1801 г. отменил данное положение. Духовенству предписывалось, как и прежде, самому обрабатывать землю. Но и возврат к прежнему порядку оказался сложным в силу того, что помещики, взявшие церковную землю, возвращали неудобные участки и в меньшем количестве. Возникло множество тяжб, часто заканчивающихся не в пользу православного духовенства, которое в ряде случаев не имело документов на отданную землю [38, с. 10].

Чтобы поддержать православное духовенство, правительство приняло ряд указов, которые разрешали церковным учреждениям приобретать землю. Так, указ от 8 июня 1805 г. разрешил православным епископам и монастырям приобретать незаселенные земли при наличии особого разрешения, 4 января 1819 г. это право получили и церкви. С этого времени церковные учреждения начали приобретать городские дома и земельные участки, которые с повышением цен на землю приносили значительные доходы. К тому же согласно указам 1808, 1811 и 1821 гг. церковное землевладение пользовалось налоговыми при-

вилегиями и освобождалось от военного постоя [58, т. 8, ч. 1, с. 257].

В этот период продолжались поиски путей реформирования управления католической и униатской конфессиями. Еще при Екатерине II Рим пытался наладить дипломатические отношения с Россией и добиться открытия нунциатуры. В 1783—1784 гг. в Петербург в качестве уполномоченного от Рима прибыл Иоанн Андреас Аркетти, который сумел добиться некоторых успехов в этом направлении. При Павле I римская курия направила в Петербург, в качестве временного апостолического нунция, Лоренцо Литта (1796—1799 гг.). В 1799 г. он был выслан по приказу императора, до которого дошли сведения, что Рим был против его назначения великим магистром Мальтийского ордена. В 1803 г. в Петербург был направлен Томас Ареццо. Но в 1806 г. он был выслан главным образом из-за споров с католическим митрополитом С. Богушем-Сестренцевичем. Последний требовал для себя большей свободы и самостоятельности в вопросах управления [58, т. 8, ч. 1, с. 301].

Так как униаты были подчинены центральному административному органу Римско-католической церкви в России — Департаменту римско-католических дел Лифляндской, Эстляндской и Финляндской юстиц-коллегии, то они оказались под властью католического митрополита. Ситуация в отношении их не изменилась и после выделения департамента из юстиц-коллегии в самостоятельный орган (указ от 26 января 1798 г.) [88, т. 25, с. 49]. В этом департаменте у униатов не было своих представителей. В созданной в 1801 г. вместо департамента главной духовной консистории (или римско-католической духовной коллегии) (см. приложение 6) председательствовал католический митрополит С. Богуш-Сестренцевич. В состав этой коллегии входили также: два члена (епископ и прелат-инфулат), назначаемые митрополитом, и заседатели, избираемые каждые три года в епархиях из прелатов и каноников [12, F 43-1858, л. 1].

В результате длительной переписки с Петербургом Полоцкий униатский архиепископ И. Лисовский добился

того, что 12 июля 1804 г. к католическим представителям от епархий были присоединены униатский епископ и три заседателя от униатских епархий. 16 июля 1805 г. коллегия была разделена на два департамента: один по делам католической, а другой — униатской церковью. Возглавил униатский департамент Полоцкий униатский архиепископ и митрополит И. Лисовский [12, Ф 43-1858, л. 1]. В 1810 г. было учреждено Главное управление духовными делами иностранных исповеданий. Оно назначало духовных лиц на епископство и другие должности, утверждало провинциалов орденов, раздачу бенефициев, наблюдало за семинариями и монастырями, духовными имениями, капиталами церквей и рассматривало жалобы на епархиальных епископов [62, с. 145, 146].

По-прежнему происходило упорядочение границ епархий. На территории Белорусской губернии продолжало действовать Полоцкое униатское архиепископство во главе с И. Лисовским. Указом от 28 апреля 1798 г. были созданы новые: Брестское униатское епископство (на территории Минской и Литовской губерний) во главе с епископом А. Глоневским и Луцкое — во главе с епископом С. Левинским [10, т. 1, с. 112]. В 1807 г. в Полоцком униатском архиепископстве было 445 парафий, 452 священника, 568 788 прихожан, 22 базилианских монастыря со 133 монахами и 3 женских — с 30 монахинями (см. приложение 7). В Брестском епископстве было 802 парафии, 950 священников, 748 582 прихожанина, 45 базилианских мужских монастырей с 349 монахами и 5 женских — с 64 монахинями [172, с. 322, 324].

В 1810 г. уже действовали 4 униатские епархии — митрополичья в Вильно, архиепископская в Полоцке и 2 епископские: Брестская с пребыванием епархиального архиерея в Жировицах и Луцкая — в Жидичине. В Брестскую епархию входила территория Белостокской области, вся Гродненская губерния и часть Минской с уездами: Слуцким, Пинским, Мозырским Речицким. Остальные же уезды Минской, Виленская и Курляндская губернии образовывали Виленскую митрополичью униатскую епархию (см. приложение 8) [18, с. 53]. По исповедным

книгам униатских прихожан в 1812 г. (после войны) было не более 1,5 млн душ обоего пола: из них в Виленской епархии до 291 тыс., в Полоцкой — свыше 540, в Брестской — 535, в Луцкой — не более 120 тыс. [18, с. 71].

Вторым указом, также от 28 апреля 1798 г., объявлялось о том, что в империи учреждалось 6 римско-католических епархий. Белорусские земли вошли в три из них. В состав Могилевского католического архиепископства входили Белорусская и Киевская губернии. Во главе архиепископства находился архиепископ, который именовался митрополитом католических церквей в России. До 1826 г. им был С. Богуш-Сестренцевич. Виленское епископство охватывало Литовскую и Курляндскую губернии (за исключением земель Жмудзи или Самогии, где было образовано Самогитское епископство) и возглавлялось епископом И. Коссаковским. Минское епископство включало территорию Минской губернии и возглавлял его прелат Я. Дедерко. Согласно указу епископы должны были иметь в епархии одного суффрагана с титулом епископа, одного официала или генерального викария, которые бы заседали в консистории вместе с вице-викарием и ассессорами. От архиерея зависела раздача бенефиций, аббатств, прелатства, приходов и т. д. [10, с. 112, 119].

В силу договоренности с Римом декретом папского нунция В. Литты «Pro commissa a Christo Domino» от 8 августа 1796 г. Виленское католическое архиепископство было выделено из Гнезненской католической митрополии и присоединено к Могилевской. К ней также были отнесены Минская, Жмудская, Луцкая католические епархии. В состав Могилевского архиепископства вошли все оставшиеся за пределами вышеназванных епархий костелы Российской империи.

Изменения затронули и монастыри трех основных конфессий. Православные монастыри по штатам были разделены на лавры, кафедральные, I, II и III классов, заштатные, приписные и закрытые. В конце XVIII в. на территории Беларуси и Литвы I-классным был только мужской Богоявленский братский Пинский монастырь; II-классными — мужской Свято-Духовский Виленский

и женский Спасо-Ильинский Слуцкий; III класса — не было ни одного. Остальные монастыри (28) были отнесены к заштатным, 3 монастыря считались закрытыми. С 1797 г. монастыри I класса получали от государства 1753 руб. в год, II класса — 1095 руб., заштатные монастыри денег не получали, им оказывалась ежегодная помощь — 300 руб. Монахам же монастырей, которые считались закрытыми, денежной помощи не оказывали (см. приложение 9) [53, т. 2, с. 2, 4, 12, 13, 28].

Монастыри православных епархий в этот период были в основном немногочисленными. Так, к 1812 г. на территории Минской епархии действовало 10 монастырей, в которых проживали всего 45 человек, в том числе 4 архимандрита, 10 иеромонахов, 8 иеродиаконов, 1 монах и 11 вдовых священников [97, с. 493]. Большинство православных монастырей были бедными. Лишь один монастырь Минской епархии — Дятловичский, имел доход — 600 руб. в год. Остальные еле сводили концы с концами. Например, Друйский монастырь в 1795 г. имел доход 84 руб. 10 коп. Дрогичинский и Заблудовский монастыри и вовсе объявили себя несостоятельными из-за неурожая зерновых [97, с. 323].

Еще в годы правления Екатерины II были предприняты меры по подчинению католических и базилианских монастырей местным архиереям. Эта политика продолжалась и в дальнейшем. В 1797 г. в Петербурге была заключена конвенция между Россией, Австрией и Пруссией, согласно которой провинциалы и другие руководители орденов должны были выполнять свои обязанности только на той территории, где находились их резиденции [179, s. 181]. 3 ноября 1798 г. был издан «Регламент для церквей и монастырей римско-католического исповедания в Российской империи», который вновь подтверждал подчинение орденов местным архиереям [88, т. 25, с. 436]. Однако ни одно из этих решений не было реализовано.

В 1801 г. Александр I подписал новый регламент, в котором была определена сфера деятельности епископов в отношении орденов. Согласно этому регламенту они

не могли вмешиваться в дела управления монастырями, которые подчинялись провинциалам. Однако епископ получал право визитации монастырей, находившихся на территории вверенной ему епархии. Провинциалы же должны были информировать архиерея о результатах выборов, личном составе и состоянии финансов монастырей. Вновь был подтвержден также запрет на отношения провинциалов с заграничным руководством орденов. В случае смерти провинциала орден представлял своего кандидата на утверждение в римско-католическую коллегию в Петербурге.

В конце XVIII — начале XIX в. базилианский орден униатской церкви был разделен на три провинции: Белорусскую, Литовскую и Русскую. По епархиям они разделялись соответственно данным, приведенным в приложении 10. Согласно регламенту 1801 г. монастыри этого ордена также управлялись провинциалами, консультой и настоятелями, должности которых были выборными. Для выборов протоархимандритом (генералом) созывался из представителей ордена генеральный капитул. К этим выборам униатские епархиальные архиереи отношения не имели [18, с. 38].

Своим имуществом, которое было значительным, базилианский орден распоряжался самостоятельно. Доходы базилианских монахов были значительно выше доходов белого униатского духовенства. Так, по сведениям Брестского капитула о фундушевых землях, капиталах, доходах духовенства в Брестской униатской епархии в 1824 г. видно, что 26 монастырей со 166 монахами этой епархии владели 42 880 дес. земли с 3825 крестьянами (мужского пола), а 539 церквей с 719 священниками и 1785 церковнослужителями — 30 280 дес. земли с 451 крестьянином (мужского пола). Сумма фундушей монашества составила 249 016 руб. 37½ коп., у духовенства — 23 341 руб. серебром 47 коп.; доходы монахов — 62 876 руб. серебром 43 коп., а священников — 6556 руб. 50 коп. Отсюда видно, что на одного монаха приходилось 259 дес. земли, 137 крестьян (мужского пола), 1500 руб. капитала и 380 руб. дохода, а на каждого священника — 42 дес. земли, 3212 руб. ка-

питала, менее одной души крестьянина и только 9 руб. серебром дохода [84, с. 71].

Такое несоответствие вызывало жалобы со стороны белого униатского духовенства. 28 января 1810 г. в римско-католическую коллегию было сделано представление Брестской униатской консистории, в котором указывалось, что «базилиане захватили фундуши белого духовенства»[18, с. 59, 80].

Аналогичные жалобы поступали и от других униатских епархий. Хотя еще «Регламент» (1798 г.) определил, что духовные имущества как движимые, так и недвижимые, числившиеся за белым духовенством или монашествующим, считались общим достоянием духовенства, а не принадлежностью отдельных церквей и монастырей, которые ими пользовались, потому что на их имя такие имущества были записаны. Монастырям было запрещено продавать его, дарить, выменивать. А епископы должны были наблюдать, чтобы церковная собственность не была расхищена. В свою очередь это позволяло при закрытии монастырей передать их имущество, земли, фундуши в ведение епархиального архиерея [107, т. 2, с. 117].

Еще Екатерина II начала проводить политику закрытия в центральных губерниях империи православных монастырей. Затем это направление в политике попытались распространить и на базилианские монастыри. Так, в 1822 г. князь А. Голицын предложил греко-униатскому департаменту упразднить и переделать в приходские церкви (с передачей земли и крестьян) 8 монастырей Полоцкой униатской епархии, 12 — Брестской, 5 — Виленской. Однако конкретных действий в данном случае правительство не предпринимало [109, с. 530].

Вся эта непоследовательность, а порой и нерешительность, в осуществлении имперской конфессиональной политики на присоединенных территориях отражалась и во взаимоотношениях с католическими орденами. Этот период был для одного из богатейших и влиятельнейших на территории Беларуси католических орденов — ордена иезуитов — периодом взлета и падения. Под влиянием генерала ордена иезуитов Г. Грубера Павел I направил

11 (23) августа 1800 г. послание Папе с просьбой официально признать общество Иисуса в России, что и было сделано папским бреве «Catholicae fidei» от 7 марта 1803 г. Расположение Александра I также способствовало дальнейшему усилению влияния ордена, миссии которого действовали по всей территории Российской империи, не исключая и Сибирь. К 1814 г. Белорусская иезуитская провинция в Российской империи насчитывала 342 члена и 20 орденских домов [58, т. 8, ч. 2, с. 301]. Иезуитам удалось даже отстранить на некоторое время от занимаемой должности католического митрополита С. Богуша-Сестренцевича [158, с. 51], который вернулся из ссылки только с приходом к власти Александра I.

20 декабря 1816 г. иезуиты были высланы из Петербурга, а 13 марта 1820 г. — вообще из Российской империи. В докладе, который был подготовлен под руководством министра народного просвещения и духовных дел А. Н. Голицына, орден иезуитов был обвинен по ряду пунктов: 1) неподчинение епархиальному архиерею (Могилевский архиепископ и митрополит С. Богуш-Сестренцевич); 2) привлечение в католичество юношей из других вероисповеданий из разных регионов империи; 3) слабая забота о материальном положении крестьян, которые принадлежали ордену в Беларуси. Поэтому «иезуитов как забывших священный долг не только благодарности, но подданнической присяги и потому недостойных пользоваться покровительством российских законов» высылали за пределы империи. Все имения и капиталы монастырей и церквей ордена сохранялись на правах казенных имений [10, т. 1, с. 428—435].

Указ от 14 января 1821 г. решил вопрос о выплате долгов ордена, фондушей на учебу, средств на содержание 6 бывших иезуитских монастырей и 9 приходских церквей, которые были к ним приписаны. Из казны было выделено 22 тыс. в год на содержание училищ в Полоцке, Орше, Мстиславле и Витебске, а также средства на поддержание монастырей и костелов. Долги же переводились на Комиссию погашения государственных долгов. Указ от 13 апреля 1822 г. окончательно оставлял в казенном

ведомстве имени ордена [10, с. 443—445], которые только по Витебской губернии (на 1828 г.) составляли 45 297 дес. 2244 саж. земли с 18 338 крепостными [77, ф. 1297, оп. 1, д. 4378, л. 5 об, 8].

Католические монахи не только обслуживали костелы при монастырях, но и работали в парафиях в качестве пробащей и викарных. Так, в 1803 г. около 60% приходского духовенства Виленской католической епархии состояло из монахов различных орденов [179, с. 182]. Кроме приходской и педагогической деятельности некоторые ордена занимались и миссионерской деятельностью, иногда в местах, достаточно удаленных от своих монастырей. Например, в 1806 г. из Белорусской иезуитской провинции была отправлена группа миссионеров в Северную Америку, где в Джорджтауне была открыта философско-теологическая школа для клириков [160, с. 255]. Доминиканцы занимались миссионерской деятельностью в Выборге и Финляндии (1799—1866 гг.), Ревеле и Эстонии (1799—1860 гг.), Грузии (1817—1830 гг.) и т. д. [156, с. 62].

Количество монахов различных орденов в католических епархиях было довольно значительным (см. приложения 12, 13). Так же, как и базилианские, католические монастыри владели большим количеством крепостных и капиталами. Так, на начало 20-х годов XIX в. на 3402 монаха, 661 монахиню католического и базилианского ордена, 4028 человек белого приходского католического и униатского духовенства приходилось 141 990 крестьян (мужского пола) и 4 202 038 руб. серебром капитала [18, с. 41].

Указ от 13 марта 1817 г. в очередной раз вменял в обязанность епископам визитацию монастырей лично или через делегатов. Акты визитации вместе с замечаниями епископов должны были высылаться в римско-католическую коллегию. Поэтому в соответствии с указанием коллегии от 31 июля 1820 г. в консисториях были разработаны инструкции по визитации монастырей, которые включали такие разделы, как состояние костела и монастыря, опись имений и фундушей, дома плебана, хозяйственных построек, школ, шпиталей братства, библиоте-

ки, архива, доходы костелов и численность духовенства, прихожан и т. д. [157, s. 65].

Изменения же в жизни протестантских конфессий белорусско-литовских губерний были весьма незначительными. По церковному уставу (опубликованному в 1780 г. в Варшаве), известному под названием «диссидентское право», вся власть в протестантской церкви (как в реформатской, так и в лютеранской) принадлежала Генеральному Синоду. Находился он в Биржах (Литва) и занимался церковными делами через консистории, в состав которых входили депутаты от шляхты, духовенства и городского общества. Царское правительство в 1797 г. упразднило Биржанский Синод, однако к «диссидентскому праву» по мере необходимости продолжало возвращаться [89, т. 5, с. 655].

Виленская лютеранская консистория осуществляла руководство лютеранской церковью. Для нее еще в 1785 г. Биржанским Синодом был составлен специальный устав, согласно которому консистория состояла из 10 членов: трех представителей от шляхты, трех членов от духовенства, трех — светских и секретаря. Члены консистории должны были собираться один раз в год в Вильно и подчинялись Синоду лютеранских обществ. Он собирался каждые два года и учреждал членов этой консистории, которые выбирались всеми лютеранскими приходами. Синод же был и последней инстанцией в решении дел, касавшихся лютеранских прихожан в случае их недовольства решением консистории.

Литовский Синод, которому подчинялись реформатская (или кальвинистская) церковь, собирался 1—2 раза в год. Чаще всего заседания Синода проходили в Вильно, но иногда и в других местах: мест. Белице (Лидского уезда), мест. Изабелине (Волковысского), мест. Койданове (Минского), Копыле (Слуцкого), Рясне (Брестского), Слуцке (Слуцкого) и Осташине (Новогрудского). Провинциальные сессии также проходили в Вильно, Изабелине (1808, 1814 гг.) и др. [176, s. 14, 18, 49].

Литовский реформатский Синод владел рядом имений и крепостными, которые приносили ему доход. Между его съездами всеми делами, кроме судебных, зани-

малась Литовская евангелико-реформатская коллегия в г. Вильно. В начале XIX в. евангелико-реформатские сборы входили в состав дистриктов (округ): Занеманского, Белорусского, Виленского и Жмудского [12, ф. 40, д. 833, л. 13] (см. приложение 14). Реформатский сбор в мест. Копыси (Могилевская губерния) находился до 22 марта 1782 г. в ведении Лифляндской, Эстляндской и Финляндской юстиц-коллегий, до 1810 г. имел свою отдельную консисторию с одним духовным, а затем был подчинен Литовскому реформатскому Синоду [77, ф. 2001, оп. 1, д. 18, л. 8, 8 об.].

Старообрядческие молитвенные дома, часовни и скиты по примеру внутренних губерний Российской империи были закреплены за православными епархиями. При этом учитывались и желания самих старообрядцев. Так, некоторые скиты Могилевщины не возражали против присоединения их к Екатеринославской православной епархии. 1 мая 1797 г. Белорусский православный епископ Афанасий (Вольховский) передал их просьбу Св. Синоду. 8 мая Св. Синодом было принято решение о разрешении Лаврентьеву, Чонскому мужским и женским скитам Спасовой Слободы, а также старообрядцам мест. Белица присоединиться к Екатеринославской православной епархии [37, с. 5, 9].

В конце XVIII — начале XIX в. царское правительство обратило особое внимание на евреев. В 1804 г. было принято новое положение о евреях. Оно сохраняло право выборов раввинов, но при утверждении их кандидатур губернским правлением. В особой статье было оговорено, что в обязанности раввину вменялось: «надзирать за обрядами веры и судить все споры относительно религии». Вместе с тем запрещалось прибегать к херему. Раввинов выбирали на три года. И так как эта должность считалась почетной, а не доходной, то раввины не вправе были требовать вознаграждение за совершение обрядов, но они получали жалованье от еврейского общества [27, с. 230]. Положение 1804 г. узаконило наличие религиозного раскола в еврейском обществе. Оно позволило хасидам иметь свои синагоги и хедеры, выбирать раввинов [66, с. 9, 10].

Иудейская конфессия на землях Беларуси и Литвы была довольно многочисленной. Принимая во внимание религиозную и национальную идентификацию («иудей» — «еврей»), приведем данные о количестве еврейского населения, которое составляло в 1818 г. 280 249, а в 1826 г. — 550 тыс. чел. [175, s. 410]. Правда, это не совсем точные данные, так как кагалы скрывали численность населения при ревизиях, чтобы не платить большие налоги.

После второго и третьего разделов Речи Посполитой на присоединенных к империи землях оказалось мусульманское население. Ревизия 1795 г. показала, что в Слонимской и Виленской губерниях проживали 2332 татарина [191, s. 332], которые имели свои мечети и общины (см. приложение 16). Функции мусульманской общины были довольно простые. Собрание прихожан выбирало патронат мечети из наиболее уважаемых ее членов, который занимался проблемами общины, а также муллу и мезима (помощника). В связи с тем что у мусульман белорусско-литовских губерний не было духовных училищ, эти должности занимали люди, которые были знакомы с религиозными ритуалами и обрядами веры и могли читать Коран.

В начале XIX в. правительство пыталось подчинить мусульманское население белорусско-литовских губерний Оренбургскому духовному правлению. В 1803 г. татары обратились к министру внутренних дел графу В. Кочубею с прошением, в котором указывалось, что «они со времени водворения своего в Литве через 500 лет, в силу привилегий от польских королей им дарованных ... никакому муфтию подчинены не были» и просят избавить их от этого [57, ф. 378, о/о, 1803, д. 451, л. 1, 1 об]. На западные губернии был распространен указ от 26 августа 1755 г., согласно которому мусульманский приход должен был иметь не менее чем 200 душ (мужского пола). Тем самым было положено начало формированию сети мусульманских приходов [77, ф.299, оп.5, д.85, л.1].

Строительство и ремонт мечети производились за счет прихожан. Мечеть строилась на землях (вакуфах),

подаренных богатыми прихожанами, деньги на строительство храма собирали в мусульманских семьях [94, ф. 821, оп. 8, д. 686, л. 17]. Выделить землю на строительство мечети могли и христиане. Так, весной 1809 г. татары — мусульмане мест. Мир обратились к князю Доменику Радзивиллу с просьбой выделить землю и дать разрешение на строительство храма. Князь выделил им землю на Татарской улице, а мечеть была построена на средства прихожан. В 1803—1804 гг. на земле, полученной от помещика Бажымовского, была построена мечеть в Слониме [184, с. 153, 154].

Источники доходов на содержание мечети и муллы были разные. Например, татары Довбутишской общины платили мечети особый налог, который в 1802 г. ввел мулла Якуб Лебедь. Кроме того, в пользу мечети собирались «посошные» по два злотых с каждой рабочей сохи. Всего мечети платили 176 татарских сох. Доходы увеличивались и за счет наследственных дарений. Так, в 1805 г. Я. Уричинский дал муэдину этой же мечети Якубу Радкевичу документ, в котором завещал в вечное пользование свои постройки, поля и огороды. В 1819 г. такой же документ, на половину десятины земли, дал мечети от себя и своего брата Элияз Юшинский [42, с. 18, 19].

Таким образом, в 1797—1825 гг. политика царского правительства в вопросах реорганизации церковного управления и структур характеризовалась непоследовательностью, а в отдельных случаях и нерешительностью, что не позволило ему завершить начатый ранее процесс:

не удалось совместить в силу ряда особенностей границы епархий и губерний на территории Беларуси и Литвы;

не была проведена секуляризация церковных земель, хотя имения ордена иезуитов в связи с их высылкой были переданы в казну при мотивировке, что орденом были оставлены значительные долги, которые должно было погасить государство;

не был окончательно решен вопрос об управлении протестантскими и нехристианскими конфессиями;

политика Павла I, а затем Александра I привела к тому, что руководство над униатской церковью было

практически передано в руки католического митрополита С. Богуша-Сестренцевича и римско-католической духовной коллегии.

2.3. Завершение реорганизации. 1826—1860 гг.

Одним из основных направлений конфессиональной политики правительства в Беларуси во второй четверти XIX в. было стремление укрепить православие за счет ликвидации униатской и ослабления католической церкви. Решение этих вопросов потребовало активных мер по завершению реорганизации церковных структур и их управления. 1 августа 1836 г. при обер-прокуроре Св. Синода графе Н. Протасове была открыта канцелярия, которой было предоставлено право решать все дела, касающиеся церковного управления. Административный аппарат церкви был настолько централизован, что в руках обер-прокурора оказались все нити. Церковные дела предварительно обсуждались в канцелярии обер-прокурора и только затем передавались на рассмотрение Присутствия Св. Синода. Именно при Н. Протасове закончился процесс подчинения духовного ведомства представителю государственной власти (см. приложение 17) [16, с. 396, 398].

Одновременно происходили изменения и в законодательстве. В концентрированном виде они были отражены в Своде законов 1832 г. (вступил в действие с 1 января 1835 г.). Документы, вошедшие в законодательство, затрагивали практически все стороны жизни конфессий Российской империи, в том числе и структурные преобразования.

Что же касается изменения территорий епархий, то в первую очередь они коснулись униатской церкви. В 1828 г. в Российской империи было четыре униатские епархии: Полоцкая, Брестская, Виленская, Луцкая (см. приложение 18). По указу от 22 апреля 1828 г. вместо них были учреждены две — Литовская и Белорусская епархии. К Белорусской епархии, кроме церквей Витебской и Могилевской губерний, были отнесены церкви уездов: Дисненс-

кого, Борисовского, Игуменского, Бобруйского, Речицкого и Мозырского (Минской губернии); Житомирского, Овручского (Волынской губернии); Радомысльского, Сквирского и Махновского (Киевской губернии); Зельбургского (Курляндской губернии). К ней же были причислены и четыре прихода Херсонской губернии. Церкви Виленской, Гродненской и оставшиеся уезды Минской губернии вошли в состав Литовской униатской епархии [146, с. 1].

Сокращая число епархий, правительство преследовало цель: оградить униатское духовенство от католического влияния, создать более выгодные условия для сближения униатов с православием. Подтверждением этому могут служить слова епископа Иосифа Семашко, который 25 апреля 1834 г. писал, что две ликвидированные епархии (Виленская и Луцкая) по местопребыванию епархиального начальства были слишком подвержены влиянию римлян [52, т. 1, с. 665]. Министр внутренних дел Д. Блудов в 1835 г. считал, что униатское духовенство этих епархий, находясь вдали от своего руководства, вынуждено будет обращаться за помощью к православному и таким образом «отдаленность, ласковое обхождение православных духовных» приведет его к православию [146, с. 2].

В Литовской и Белорусской униатских епархиях были учреждены консистории в Жировичах и Полоцке, действовали семинарии и низшие духовные училища. Для высшего богословского образования предполагалось учредить при Полоцкой духовной семинарии духовную греко-униатскую академию. Все базилианские монастыри были подчинены местным епархиальным архиереям и консисториям. Базилианские провинциалы только с разрешения консисторий могли делать распоряжения по управлению монастырями и проводить их визитацию. Настоятели монастырей назначались и смещались греко-униатской коллегией [61, с. 66].

Рим выступил с протестом против сокращения числа униатских епархий. В нотах к российскому правительству от 31 декабря 1828 г. и 12 января 1829 г. указывалось на грозившую униатской церкви опасность. Рим

опасался, что в случае сокращения количества базилианских монастырей униатское белое духовенство будет не в состоянии удовлетворить религиозные потребности прихожан из-за своего невежества, бедности и многодетности [61, с. 70].

В 1835 г. структура униатских епархий выглядела следующим образом: в составе Белорусской были 583 приходские церкви, 123 приписные, 629 каплиц, 937 священников и 664 911 прихожан обоюго пола; в Литовской — 722 приходские церкви, 85 приписных, 326 каплиц, 954 священника и 864 639 прихожан [94, ф. 797, оп. 87, д. 18, л. 15, 19]. Фундуши белого униатского духовенства составляли: в Белорусской епархии — 9714 крепостных крестьян обоюго пола, обеспечение на имениях или в казенных местах — 119 908 руб. серебром 50 $\frac{1}{4}$ коп. и 50 154 руб. серебром, необеспеченные доходы, полученные от недвижимых имений, капиталов, аннуат и пр. — 84 750 руб. серебром; в Литовской — 3966 крестьян, обеспечение на имениях или в казенных местах — 21 444 руб. серебром 83 $\frac{1}{4}$ коп. и необеспеченных — 3000 руб. серебром, доход от недвижимых имений, капиталов, десятин, аннуат — 3685 руб. серебром 5 $\frac{1}{2}$ коп. [94, ф. 821, оп. 1, д. 11, л. 5—6].

Указ от 22 апреля 1828 г. не только подчинил базилианских провинциалов епархиальному руководству, но и в очередной раз коснулся вопроса сокращения количества базилианских монастырей. Ускорило этот процесс и восстание 1830—1831 гг., в котором приняли участие и базилианские монахи. В связи с указом греко-униатской коллегии от 14 июня 1833 г. в Литовской униатской епархии было упразднено 13 монастырей, а в Белорусской — 21 (см. приложение 19) [77, ф. 295, т. 1, д. 438, л. 146, с. 10, 11]. Здания и фондуши упраздненных базилианских монастырей передавались в ведение не только униатской церкви, но и православной, особенно в тех местах, где монастыри находились среди православного населения.

Проводя последовательную политику, направленную на ликвидацию униатской церкви, ее слияние с право-

славной, правительство стремилось держать под контролем и католическую. Административные вопросы, права и обязанности католической церкви и ее духовенства регулировались статьями 324—358 (т. 9) свода законов 1832 г. «О духовенстве римско-католической веры как гражданском сословии». В статье 47 (т. 11) подчеркивалось, что представители римско-католической церкви должны сообщаться «с римским двором не иначе как через министра внутренних дел» и без разрешения российского правительства не имеют права исполнять ни одну из булл, энциклик, инструкций Рима и вообще ни одного из изданных папским правительством распоряжений.

Согласно своду законов департамент духовных дел иностранных исповеданий окончательно включался в состав Министерства внутренних дел, которому и была подчинена римско-католическая генеральная консистория. Ее председателем являлся митрополит Римско-католической церкви в России (без царства Польского), который одновременно был и Могилевским архиепископом (см. приложение 20). По новому законодательству католической церкви запрещалась всякая миссионерская и пропагандистская деятельность, что ограничивало права конфессии [58, гл. 2, с. 297].

В начале 30-х годов на белорусских землях продолжали действовать три католические епархии: Могилевская, Минская и Виленская. В 1834 г. их структура выглядела, как представлено в табл. 1 [167, s. 196]:

Т а б л и ц а 1. Структура католических епархий (1834 г.)

Название епархии	Кол-во деканатов	Кол-во парафий	Кол-во филий	Кол-во каплиц	Кол-во духовенства	Кол-во католиков
Могилевская (вместе с Белостокской обл.)	17	254	90	409	320	735 086
Минская	13	91	48	174	209	231 869
Виленская	23	299	59	209	582	682 566

Конкордат, заключенный в 1847 г. между Российской империей и Ватиканом и определивший основные позиции их взаимоотношений, внес определенность и в воп-

рос структуры католической церкви. Была определена численность католических епархий в Российской империи — 7, их территория и границы, количественный состав кафедрального капитула, духовных судов, консисторий, вопросы профессиональной подготовки духовенства и др. [149, t.1, s. 582—587]. После заключения конкордата проводятся некоторые изменения в структуре. Разрешение на их проведение было дано буллой Пия VI «*Universalis Ecclesiae cura*» от 3 июля 1848 г., а фактическая их реорганизация произошла в 1849—1854 гг. Несмотря на некоторые территориальные потери, Могилевская католическая архиепархия осталась самой большой в мире. Она охватывала территорию от Балтийского моря до Камчатки, от Урала до Каспийского моря. Католические парафии в сибирских, северных и украинских губерниях не были объединены в деканаты. В 1851 г. архиепархия насчитывала 20 деканатов, 165 парафий, 14 филий, 266 каплиц с 369 735 прихожанами [167, s. 197, 198].

В отличие от Могилевской Минская католическая епархия охватывала только Минскую губернию. Но и она при территориальных изменениях губернии в 1842 г. потеряла Радошковичский и частично Полоцкий деканаты, получила Новогрудский с 8 парафиями и 31 каплицей [167, s. 198]. Церковная структура этой епархии выглядела так, как представлено в приложении 21.

Виленская католическая епархия оставалась в границах Виленской и Гродненской губерний, но при этом в 1842 г. получила ряд парафий и филий Минской епархии (в уездах Вилейском и Дисненском) и 54 парафии с 6 филиями Белостокской области. По количеству парафий и прихожан эта епархия была самой большой в Российской империи. В 1850—1860 гг. она насчитывала 23 деканата, 312 парафий, 66 филий, 264 каплицы с 856 151 верующим [167, s. 198, 199] (см. приложение 22).

Сокращение количества католических монастырей происходило по тем же причинам, что и базилианских. Одни монастыри попадали под сокращение из-за своей малочисленности, в других — ограничили прием в новициаты или вообще запрещали его, что также вело к малочис-

ленности монахов. В 1829 г. было издано постановление, согласно которому человек, желающий вступить в какой-либо католический орден, должен был просить разрешения у департамента духовных дел и иностранных исповеданий. Срок новициата был ограничен тремя, а возраст вступления в монашество — 22 годами [156, s. 153].

Так же, как и базилиане, католические монахи приняли участие в восстании 1830—1831 гг. В результате свои монастыри потеряли ордены цистеров, мариан, камедулов, каноников регулярных латеранских, миссионеры и августинцы, пиары и кармелиты босые. Большие потери понесли ордены бернардинов, францисканцев, кармелитов древних правил и доминикане. Всего в Российской империи в 1832 г. было закрыто 199 католических монастырей разных орденов [946 ф. 821, оп. 150, д. 801, л. 15 об.].

Имущество упраздненных католических монастырей поступало в ведение епархиального руководства и затем продавалось. Здания превращались в приходские костелы, уничтожались либо передавались православному и военному ведомствам. Так, из 83 упраздненных в конце 20-х—50-х годах XIX в. монастырей (см. приложение 23) Виленской католической епархии 18 зданий было уничтожено, 25 — переделано в приходские костелы, 34 — переданы в православное, 1 — в военное ведомство, 1 — переделано в тюрьму и т. д. [12, F-43-367, л. 1—8]. Собственность упраздненных в 1832 г. католических монастырей составила 13 098 крепостных, 7278 червонцев, 2600 талеров и 1 168 765 руб. серебром 63 коп. [80, т. 1, с. 235]. Монахи закрытых монастырей уезжали в приходы, где становились пробощами или викарными. Часть из них исполняла функции капелланов в домашних каплицах, женских монастырях, в тюрьмах и в армии. Пожилые монахи переезжали в монастыри своего ордена, а при отсутствии их — в другие [179, s. 184].

Указом от 17 июня 1842 г. католические монастыри были разделены на штатные и заштатные. Первых было оставлено 50. Заштатные монастыри, являясь временными, упразднялись, если в них оставалось менее 8 монахов. В 1857 г. были установлены новые правила. Соглас-

но им монастырский храм при упразднении монастыря передавался в ведение белого духовенства. Оставшиеся монахи переводились в другие монастыри этого ордена по мере открытия вакансий [94, ф. 821, оп. 150, д. 801, л. 15 об, 16].

В заштатные монастыри не допускался прием новых монахов. Согласно указу 1842 г., орден, который имел только заштатные монастыри, не мог иметь новициат. Указами от 19 ноября и 16 декабря 1842 г. все монастыри были подчинены визитаторам, которые назначались епархиальным епископом из представителей белого духовенства. Упразднялось звание провинциала и орден, не имея сношений со своим генералом, оказывался в непосредственной зависимости от епархиального начальства [94, ф. 821, оп. 150, д. 801, л. 17]. В 1843 г. монахам было запрещено держать школы и воспитывать девушек. При монастырях были закрыты типографии [179, с. 185]. После передачи имений монастырей в казну ордена лишались возможности содержать при них больницы, приюты, школы, училища и др.

Деятельность католической и униатской церковью правительство пыталось поставить в зависимость от православной. 19 октября 1835 г. католикам и униатам было запрещено строительство костелов и каплиц без разрешения местного православного архиерея. Ремонт католических костелов также был связан с определенными трудностями. Указом от 27 августа 1845 г. была разрешена перестройка костелов «обоих вероисповеданий» на православные церкви. Указ 1857 г. запретил епископам создание новых парафий без согласия православных властей [179, с. 131,132].

11 июня 1843 г. были ликвидированы права ктиторов, которые покровительствовали католическому духовенству. Не был обойден и вопрос цензуры. 17 февраля 1850 г. были утверждены правила о порядке цензуры рукописных проповедей. В 1852 г. Комитет министров признал полезным, чтобы католическое духовенство произносило только те проповеди, которые напечатаны по одобрению духовного начальства [80, т. 1, с. 241, 266].

Желание правительства поставить католическую церковь под контроль проявилось и в вопросах ее имущественно-финансовой деятельности. С 1842 г. начала проводиться секуляризация духовных имений в западных губерниях, в которых католическая церковь владела 646 315 $\frac{1}{2}$ десятины и 1395 $\frac{1}{2}$ саж. земли, не менее 132 708 душами мужского пола крепостных крестьян. Количество доходов с имений духовенства составляло не менее 553 427 руб. серебром 403 $\frac{1}{4}$ коп. Капиталов обеспеченных было 4 523 404 руб. серебром и необеспеченных — 636 020 руб. серебром [94, ф. 821, оп. 150, д. 100, л. 13 об, 14]. Правительство приняло населенные имения в свое ведение, обязывалось отчислять в казну часть долговых обязательств костелов на сумму, процент с которой был достаточным для покрытия назначенного по штатам ежегодного содержания католического духовенства 9 западных губерний [94, ф. 821, оп. 150, д. 202, л. 5, 5 об.].

1 января 1842 г. были утверждены штаты католических епархиальных управлений и монастырей, а 15 декабря 1843 г. — штаты по содержанию приходского католического духовенства. Приходы делились на 5 классов, на содержание причта I класса выделялось 600 руб., II — 500, III — 400, IV — 275 и V — 230 руб. в год. Католические монастыри получали: мужские I класса — 3185, II — 2220, III — 1540 руб. в год; женские I класса — 2765, II — 2155, III — 1455 руб. в год [80, т. 1, с. 241, 259].

Чтобы успешнее противостоять влиянию католицизма в западных губерниях и ослабить униатскую церковь, в 1832 г. была создана новая православная епархия — Полоцкая. Как показали дальнейшие события, в Витебской губернии было сильным не только влияние католицизма, но и достаточно активным оказалось и униатское духовенство, которое получало образование в иезуитских школах, коллегиумах, Полоцкой иезуитской академии. Возглавил новую православную епархию епископ Смарагд (А. Крыжановский). К епархии были причислены православные церкви Витебской, Виленской и Зельбургского уезда Курляндской губернии. По официальным сведениям она имела 76 приходских церквей, 6 монастырей

с 36 монахами, 89 священниками и протоиереями и 151 церковнослужителем, около 130 тыс. прихожан, а также 3 духовных училища. Епархия была отнесена к III классу. С 14 июля 1833 г. стала действовать ее консистория. По причине небольшого жалованья и трудностей, с которыми предстояло столкнуться православному духовенству, епископу Смарагду было нелегко заполнить штаты [146, с. 40, 73, 13 (прил.)].

Следующая реорганизация православных епархий произошла в 1839 г. после присоединения униатской церкви к православной. Вместо Литовской униатской епархии создается новая Литовская православная епархия. Указом Св. Синода от 11 и 18 марта 1840 г. церкви бывшей униатской Литовской епархии, находящиеся в Киевской, Волынской и Подольской губерниях, причислялись к соответствующим православным епархиям. Заведование фондами и капиталами бывшего униатского духовенства на некоторое время оставалось в ведении Белорусско-Литовской духовной коллегии [55, с. 5, 6]. По указу от 17 апреля 1840 г. бывшие униатские церкви Минской губернии вошли в состав Минской православной епархии, а ее древлеправославные церкви, расположенные в Гродненской губернии и Белостокской области — в Литовскую. Ей же были переданы и древлеправославные церкви Полоцкой православной епархии, находившиеся на территории Виленской губернии. Литовская православная епархия была отнесена ко II классу. Часть церквей бывшей Белорусской униатской епархии, находившихся на территории Минской губернии, также вошла в состав Минской православной епархии. Церкви же Белорусской униатской епархии, на территории Могилевской и Витебской губерний, были разделены между Могилевской и Полоцкой православными епархиями [96, с. 490].

Новые изменения в составе епархий произошли в 1842 г., когда, по указу от 18 декабря, была создана Ковенская губерния и менялись территории других губерний. С того времени в состав Литовской православной епархии вошли территории трех губерний — Виленской, Ковенской и Гродненской, а в состав Минской — Минская губер-

ния. До 1845 г. все епархиальное управление Литовской епархии находилось в мест. Жировичи, а затем было перенесено в г. Вильно [55, с. 5, 6] (см. приложение 24).

Постоянно менялась и численность православных монастырей. Так, в 1839 г. на территории Литовской православной епархии было 13 мужских монастырей с 281 монахом и послушниками и 6 женских с 35 монахинями. Архиепископ Иосиф Семашко закрыл 4 женских монастыря из-за неблагонадежности их обитательниц, 6 мужских были переданы Минской православной епархии, а 2 — были причислены к Полоцкой епархии. В 1842 г. архиепископ просил оставить в штате епархии 9 мужских монастырей и 2 женских. Все монастыри этой епархии, кроме положенного по штату жалованья и вознаграждения от казны, имели населенные имения и дома.

Так как монахи Литовской епархии были в основном бывшими базилианами, то архиепископ Иосиф Семашко просил Св. Синод прислать ему из великороссийских монастырей 26 иеромонахов и иеродиаконов, отмечая, что бывшие базилиане были престарелыми людьми и не могли научиться правильно вести православное богослужение. Но монахи не хотели переезжать, указывая на отсутствие в монастырях Литовской епархии строгой монашеской жизни [55, с. 246].

Начало 40-х годов XIX в. стало переломным для епархиального управления православной церкви Российской империи. В 1841 г. был принят Устав духовных консисторий, дававший епархиальному управлению России единую правовую основу. Устав содержал общие положения о консисториях и их задачах, полномочиях и порядке деятельности епархиального управления, епархиальных судах и их производстве. Консистория под непосредственным руководством епархиального архиерея осуществляла административные и судебные функции. Высшей инстанцией для консистории был Св. Синод. После консистории ближайшими помощниками епархиального архиерея были благочинные.

Новым в политике правительства было и то, что оно приняло решение о секуляризации церковных земель

и введения штатов для приходов и монастырей западных губерний (указ от 25 декабря 1841 г.). Вначале были конфискованы земли православных архиерейских домов и монастырей, а затем, по указу от 10 мая 1842 г., и земли приходов. В 1842 г. для 36 православных мужских и женских монастырей этих губерний были установлены штаты, а их имения и фундуши передавались в казну.

20 июля 1842 г. были утверждены положения об обеспечении православного сельского духовенства западных губерний землями, домами и единовременными пособиями, кроме этого, духовенству, согласно штатам, полагалось жалованье, но при этом священники должны были отказаться от платы за требы. Для наблюдения за их исполнением в губернских городах создавались губернские комитеты в составе губернатора, архиерея, губернского предводителя дворянства и управляющего палатой государственных имуществ [58, т. 1, с. 259, 334, 364].

1 апреля 1843 г. были приняты штаты на содержание православного духовенства в западных губерниях. Согласно им священник в приходе I класса получал жалованье в размере 180 руб. серебром в год, диакон — 80, дьячок — 40, пономарь — 32 и просфорня — 24 руб., а в приходе последнего VII класса священник получал 100 и дьячок — 40 руб. Класс прихода определялся количеством прихожан: в I их должно было быть от 2000 до 3000, а в VII — от 100 до 300 [55, с. 176, 177].

Царским правительством принимались меры и по регламентации жизни старообрядцев. Уже в 1826 г. вышел указ, согласно которому все богослужения старообрядческих общин (беспоповцев и поповцев) должны были совершаться строго внутри помещений и без участия посторонних. В 1832 г. полиция получила приказ выдавать беглых священников православным епархиальным архиереям для наказания. Раскольники (название «старообрядцы» было запрещено указом от 12 апреля 1837 г.) разделялись на секты: вреднейшие (к ним относились иудействующие, молокане, духоборцы, хлыстовщина, беспоповцы, которые отвергали брак и молитву за царя), вред-

ные (беспоповцы, которые признавали брак и молились за царя), менее вредные (поповцы) [103, с. 207, 319].

Указом от 3 ноября 1838 г. было объявлено об открытии в губерниях секретных совещательных комитетов по делам раскольников. 21 июля 1853 г. было учреждено особое временное управление для производства дел о расколе во главе с управляющим канцелярией Св. Синода Войцеховичем. Оно действовало до ноября 1855 г. 24 апреля 1858 г. было вновь принято постановление о мерах по ослаблению раскола, чтобы облегчить «порядок и условия перехода из раскола в единоверие» [103, с. 244, 475, 504, 543].

В 1841 г. Св. Синод не признал старообрядческого митрополита Амвросия, а также и совершенные им рукоположения духовенства. Эта позиция определила и точку зрения российского правительства к посвященному Амвросием старообрядческому духовенству, которое встречало препятствия в Российской империи. Но создание поповцами своей иерархии вызвало ряд переходов на их сторону единоверцев [58, кн. 2, с. 134]. Одним из направлений политики правительства в отношении иноверных исповеданий было запрещение самовольно строить церкви и каплицы (высочайшее утвержденное мнение Государственного Совета от 8 октября 1831 г.) [96, с. 398]. Старообрядцев это решение коснулось в 1842 г. (13 октября). Им не разрешалось «не только вновь строить что-либо похожее на церкви, но и переделки, или возобновление старых подобных зданий» [103, с. 314].

Несмотря на то что старообрядцы находились в ведении православной церкви, им все больше внимания вынуждены были уделять губернские и местные власти. Указом от 5 мая 1839 г. местная полиция обязана была вести списки родившихся и умерших старообрядцев, учет их общего количества. Этот учет велся и раньше, но, очевидно, недостаточно ответственно. С 1826 по 1864 г. численность старообрядцев в Российской империи (по официальным сведениям) увеличилась в 2—2,5 раза. В Могилевской губернии — на 148%, в Виленской, Ковенской и Минской — на 53, в Витебской — на 25%. Общее же

количество старообрядцев в белорусско-литовских губерниях составляло в 50-е годы около 90 тыс. чел. [105, с. 418, 419]. Количество молитвенных домов и часовен по губерниям (см. приложение 25) было следующим: в Могилевской губернии — 25, в Минской — 5, в Витебской — 36, в Виленской — 7. В начале 40-х годов действовали 4 мужских старообрядческих монастыря (Лаврентьевский, Макарьевский, Пахомовский и Никольский) со 133 монахами и два женских (в мест. Ветка и Спасовой Слободе) с 44 монахинями [77, ф. 1297, оп. 1, д. 6675, л. 207 об. — 208; 57, ф. 378, о/о, 1850, д. 2795, л. 32 об., 33, 39 об., 40]. 10 июня 1853 г. было принято решение об упразднении старообрядческих скитов и монастырей. Процесс закрытия должен был проходить постепенно и заниматься им должно было Министерство внутренних дел [103, с. 466].

В губерниях начали открываться секретные совещательные комитеты «по раскольничьим делам». В состав такого комитета включались: епархиальный архиерей, губернатор, управляющий палатой государственных имуществ, жандармский штабс-офицер, при участии генерал-губернатора. 8 декабря 1846 г. подобный комитет был открыт в Витебске, 18 апреля 1847 г. — в Могилеве. При открытии комитетов планировалось, что они не будут выходить за рамки обсуждения старообрядческих дел. Однако в отдельных случаях они превратились в судилища. В апреле 1853 г. был создан особый секретный комитет для пересмотра существующего законодательства о старообрядцах. Им был разработан ряд мер, касающихся закрытия монастырей, выборов старообрядцев на должности, запрет собраний старообрядцев и ряд других ограничений. В 1855 г. этот комитет был закрыт как выполнивший свои функции. 24 апреля 1858 г. были утверждены очередные меры по ослаблению старообрядчества, которые, по мнению правительства, должны были облегчить условия перехода в единоверие [103, с. 361, 373, 397].

Более лояльной была политика правительства в отношении другой христианской конфессии — протестантской. В этот период был окончательно решен вопрос с ее

управлением. 22 мая 1828 г. в Петербурге был основан комитет для подготовки проекта общего устава евангелических церквей Российской империи. При обсуждении в этом комитете «диссидентского права» было отмечено, что оно дает Генеральному Синоду права, «кои в монархическом государстве могут принадлежать токмо державной власти» [89, т. V, с. 655]. На этом основании обращение к «диссидентскому праву» было запрещено.

28 декабря 1832 г. был утвержден Устав евангелико-лютеранской церкви в Российской империи. Согласно ему основу лютеранской церкви составили приходские общины во главе с пасторами. Несколько приходов входило в пробстский округ, руководимый пробстом. Пробст избирался пасторами данного округа. Совокупность пробстских округов составляла консисториальный округ во главе с консисторией и супер-интендантом (или генерал-супер-интендантом), которые были духовными лицами.

Лютеранские церкви в Российской империи были подчинены Генеральному Синоду, но он фактически ни разу не собирался. Высшим органом церкви стала Генеральная евангелическая консистория в Петербурге. В ее состав вошли светский президент, духовный вице-президент, 2 светских и 2 духовных члена. При консистории были прокурор и канцлер. Президент и вице-президент назначались непосредственно императором. Кроме лютеранской церкви этой консистории была подчинена и реформатская (кальвинистская) церковь (см. приложение 26) [94, ф. 821, оп. 5, д. 18, л. 337 об., 340, 341, 343 об., 344]. Все лютеранские приходы пяти западных губерний в этот период вошли в состав Курляндского консисториального округа. Связано это было с тем, что указом от 24 июня 1830 г. Виленская лютеранская консистория, в сферу деятельности которой входили лютеранские кирхи Виленской, Минской и Гродненской губерний, была упразднена и ее дела были переданы Курляндской консистории, в состав которой уже входили кирхи Витебской и Могилевской губерний [89, т. 5, с. 553—656].

Лютеранские кирхи составляли приходы во главе с пасторами, которые получали жалованье из казны. Так,

в начале 50-х годов в Гродненском приходе пастор получал 450 руб., в Минском — 400, в Могилевском — 114, в Полоцком — 400, в Витебском — 150, в Белостокском — 200, в Виленском — 450 руб. Но на основании указа от 18 июля 1853 г. их жалование было исключено из государственных расходов и с 1854 г. лютеранская церковь должна была содержать свое духовенство на собственные средства [94, ф. 821, оп. 5, д. 615, л. 57, 63]. Лютеранских кирх было немного: в Гродно, Минске, Слуцке, Витебске, Полоцке и Могилеве. Они были бедными, ибо верующих в них было немного, в основном небогатые. Так, по сведениям Слуцкой евангелико-лютеранской коллегии от 10 ноября 1833 г. кирха в Слуцке была деревянной, при ней был дом для пастора и пономаря. Кирха получала доходы от дома с лавками на рынке, огородов, от Слуцкого реформатского сбора по 400 злотых, а также от денежных фундушей, записанных на имениях помещика Берковича — Бобовка и Рамоши. Однако в связи с тем что эти имения находились в опеке, в течение первой трети XIX в. кирха денег не получала. Минская кирха вообще не имела никаких дополнительных средств. При ней был дом для пастора, который на свое жалование (400 руб. серебром в год) должен был содержать не только семью, но также причетников и приходское училище [77, ф. 295, оп. 1, д. 447, л. 6, 6 об.].

Виленский реформатский Синод владел имениями с крепостными и получал от них доход. Среди них: в Гродненской губернии — имения Докудово, Белица; в Минской — Обуховцы, Черниковщина, Анопское; в Могилевской — Волосевичи и др. [94, ф. 821, оп. 5, д. 612, л. 8 об., 28]. В связи с тем что имения Синода должны были после указа 1842 г. перейти в ведение Министерства государственных имуществ, Виленская реформатская коллегия обратилась 30 апреля 1845 г. к министру внутренних дел Л. А. Перову. В прошении указывалось, что с передачей имений коллегия окажется в тяжелом состоянии, так как не имеет необходимых средств на содержание духовенства, богоугодных заведений и Слуцкой гимназии [94, ф. 821, оп. 5, д. 612, л. 3—4, 120]. Но, как в случае

с католической церковью, на содержание реформатского духовенства отчислялся процент с доходов имений.

24 июня 1831 г. был утвержден штат Виленской реформатской коллегии в составе 17 человек: светский президент, духовный вице-президент, 3 светских и 3 духовных куратора, генеральный секретарь, протоколист, регистратор и 6 канцеляристов [80, с. 268, 284]. Кроме того, членами коллегии были почти все супер-интенданты, вице-супер-интенданты и светские кураторы из дворян-реформаторов, которых приглашали для обсуждения важных вопросов [12, F-40-678, л.135]. На ее содержание было выделено 28 043 руб. [94, ф. 821, оп. 5, д. 621, л. 5 об., 28].

В этот период дистрикты в документах называются либо округами, либо епархиями. Например, в Белорусскую реформатскую епархию (округ) входили Койдановский, Слуцкий и Копыцкий приходы и возглавлял ее с 1830 г. супер-интендант У. И. Кин и его помощник вице-супер-интендант Г. С. Бальчевский. В Гродненскую епархию входили Рясненский, Изабелинский, Осташинский, Непокойчицкий и Белицкий приходы (ее возглавляли супер-интендант А. М. Алишевский и вице-супер-интендант Б. Ф. Гераховский). В Виленскую епархию входили Польско-Виленский, Немецко-Виленский, Вилкомирский и Упитский приходы. Во главе ее стояли супер-интендант Р. К. Довнар и вице-супер-интендант Ж. М. Лабовский [12, F-40-678, л. 135—137].

Происходили изменения и в структурах нехристианских конфессий. В какой-то степени (мусульманская конфессия — в большей, иудейская — в меньшей) они также были унифицированы по аналогии с православной церковью (см. приложение 27). Свод законов 1832 г. (т. 9, ст. 1271) предусматривал, что существовавшее при синагогах особое молитвенное общество (своего рода приход) выбирало ученого для толкования правил веры, старосту и казначея, которые составляли духовное правление. Раввин по своему положению был обязательным членом этого правления [94, ф. 1269, оп. 1, 9, 45, л. 29]. Члены духовных правлений избирались на основе приговоров молитвенного общества, которые представлялись в местные

городские думы, а оттуда шли на утверждение губернского правления [77, ф. 299, оп. 2, д. 5701, л. 2]. Молитвенным обществом считалось общество евреев, которые собирались в определенной синагоге или молитвенном доме (школе) для молитв и совершения обрядов веры. Его членами могли быть только мужчины не моложе 25 лет, посещавшие синагогу не менее двух лет и являвшиеся российскими подданными [73, с. 230, 231].

Новую синагогу или молитвенный дом (школу) еврейское молитвенное общество могло открыть только с разрешения местного губернатора. Молитвенный дом разрешалось открывать на каждые 30 (и более) еврейских домов (специального здания для него не требовалось), на 80 (и более) домов — синагогу. В 1844 г., например, в Могилевской губернии на 84 тыс. евреев приходилось 85 кагалов, 42 синагоги, 268 молитвенных домов, 105 раввинов и 522 училища для религиозного образования мальчиков [77, ф. 2001, оп. 1, д. 257, л. 42]. Увеличилась общая численность еврейского населения (см. приложение 28). Как и ранее, правительство разрешало хасидам иметь свои синагоги и молитвенные дома. В ст. 1287 (свод законов 1832 г., т. 9) указывалось, что в случае раскола иудаизма на секты и нежелание их быть в одном молитвенном обществе им дозволялось, с разрешения министра внутренних дел, «учредить особую школу» [94, ф. 1269, оп. 1, д. 45, л. 27 об.].

Новые изменения внесло «Положение о евреях» 1835 г., которое расширило обязанности раввинов. Они должны были не только наблюдать за религиозной жизнью, но и направлять евреев к соблюдению нравственных обязанностей, к повиновению общин государственным законам и установлениям властей. Однако вскоре выяснилось, что жизненная ситуация не соответствовала тем установкам, которые были определены «Положением». Поэтому с 1840 г. началась работа над новыми законодательными актами. С этой целью в Вильно, Киеве, Витебске, Одессе, Полтаве и Митаве были созданы особые комитеты. Ими было отмечено, что избранные еврейскими обществами и утвержденные начальством губерний раввины не выполняют своих функций. Они существуют лишь для вида,

ибо во всех обществах помимо них есть так называемые духовные раввины, которые занимаются толкованием закона, присутствуют при богослужении, совершают обряды, расторгают браки, участвуют в различных разбирательствах [94, ф. 1269, оп. 1, 9, 45, л. 7—8]. «Положение» (1844 г.) подчинило еврейское население общему управлению и ликвидировало кагалы с целью приближения еврейской жизни к общеимперским стандартам [66, с. 15].

Указом от 13 ноября 1844 г. было решено учредить два раввинских училища в Вильно и Житомире. После их открытия было объявлено, что по истечении двадцати лет никто не может быть избран раввином (или быть учителем в религиозных школах), не пройдя обучения в одном из этих училищ. К 1855 г. Виленское раввинское училище сделало три выпуска (17 чел.) учителей и один выпуск раввинов (2 чел.). В Житомирском — был сделан всего один выпуск учителей (5 чел.) и только открыт раввинский класс. Но количество учащихся увеличивалось и к 1860 г. в Виленском училище обучались уже 276 чел. [94, ф. 1269, оп. 1, д. 50, л. 2—3]. Изменились и правила выборов раввинов. С 1857 г. ими могли стать только те, кто окончил курс в раввинских училищах, в казенных еврейских училищах 2-го разряда, или те, кто имел аттестат об окончании средних или высших учебных заведений общего типа [27, с. 231].

В этот период сложилась и мусульманская церковная структура (см. приложение 27). Количество мусульман в 6 западных губерниях в 1853 г. было 5485 чел. [76, с. 42]. По Положению от 23 декабря 1831 г. о Таврическом магометанском духовном правлении ему были подчинены мусульмане западных губерний. В состав правления входили муфтий (глава правления из числа высшего мусульманского духовенства), кадий-эскер (заместитель муфтия) и уездные кадии. Мусульмане западных губерний никогда не имели в нем своих представителей. Они обращались туда только по необходимости за подтверждением выписок из метрических книг, по вопросам, связанным с кандидатурами на должность муллы и его помощников, иногда по брачным вопросам [94, ф. 821, оп. 8, д. 686, л. 102 об., 103].

Департамент духовных дел иностранных исповеданий, Таврическое магометанское духовное правление, губернские правления в основном рассматривали дела, связанные со строительством или ремонтом мечетей в западных губерниях, жалобы прихожан, которые не были согласны с избранием муллы или с деятельностью некоторых духовных особ. Но рассмотрение этих дел затягивалось на длительное время, и это было связано не только с бюрократизмом чиновников, но и с большими расстояниями между Петербургом, Крымом, Вильно, Минском и Гродно. Поэтому 15 июля 1842 г. мусульмане (1400 чел.) из белорусско-литовских губерний обратились к министру внутренних дел с просьбой об учреждении отдельного духовного правления в западном крае и назначении особого муфтия. Они ссылались на большое расстояние между Таврическим и Оренбургским правлениями. Вопрос этот так и не был решен [57, ф. 378, о/о, 1842, д. 1391, л. 4].

В этот период вокруг мечетей сформировалась сеть мусульманских приходов. Например, в 60-х годах в Минской губернии были Узденский приход (100 чел. прихожан), Смиловичский (482 чел.), Новогрудский (333 чел. мужского пола), Ловчицкий (100 чел.), Мирский (25 чел.), Ляховичский (385 чел. мужского пола) и Осмоловский приход (504 чел. мужского пола) [94, ф. 821, оп. 8, д. 686, л. 112 об.]. Для открытия новых приходов при мечети должно было числиться не менее 200 прихожан мужского пола. Мусульманское общество, которое нуждалось в новом приходе, должно было составить общественный приговор и дать согласие на выделение достаточных средств на содержание мечети и духовенства [94, ф. 821, оп. 8, д. 686, л. 17]. В XIX в. в белорусско-литовских губерниях было 20 мусульманских приходов [2, т. 31, с. XXV].

Согласно указу от 14 декабря 1837 г. избрание мулл и других духовных лиц по приходам должно было происходить по желанию не менее $\frac{2}{3}$ прихожан, которые считались старейшинами семьи. В выборах не могли участвовать лица, не принадлежавшие приходу, а также младшие члены семьи. Приговор общества об избрании муллы подписывался местными властями, а затем представлялся в Таврическое духовное правление, которое обращалось

за окончательным утверждением кандидатуры в губернское правление [77, ф. 3211, оп. 1, д. 80, л. 2].

Как духовные лица Таврического магометанского округа, так и муллы западных губерний, находясь на должности, были освобождены от налогов и повинностей. Но специфика мусульманского духовенства западных губерний была в том, что они в первой половине XIX в. принадлежали только к дворянскому сословию и пользовались его правами. Хотя по Положению о таврическом магометанском духовенстве (от 23 декабря 1831 г.) в звании хатыма, имамов и мулл должны были избираться лица, принадлежавшие к таврическому духовенству. Однако правление, столкнувшись с принадлежностью мулл к дворянству, ходатайствовало о разрешении выбирать в западных губерниях лиц из «людей всякого состояния» [57, ф. 373, о/о, 1849, д. 1747, л. 110]. При обсуждении этого вопроса 28 июня 1849 г. Гродненский губернатор написал Виленскому военному, Гродненскому, Минскому и Ковенскому генерал-губернатору, что «назначение для здешних губерний татар-духовников из жителей Таврической было бы совершенно неудобным, так как здешние татары не знают арабского языка», а, кроме того, их религиозные обычаи отличны от обычаев таврических татар [57, ф. 378, о/п, 1849, д. 1747, л. 18].

Таким образом, за 1826—1860 гг. было завершено формирование церковного управления и структур всех конфессий белорусско-литовских губерний и проведена секуляризация всех церковных земель. Духовенство всех христианских конфессий получило те же права, что и православное. Но на этом унификация заканчивается. Именно в этот период начинает четко прослеживаться основное направление конфессиональной политики царского правительства на присоединенной территории — укрепление позиций православия. Этому была подчинена и политика, направленная на ослабление влияния католической церкви, ликвидацию униатской и сращивание духовной и государственной власти на местах, когда все жизненно важные вопросы для конфессий были поставлены в зависимость от согласия православного архиерея и губернатора.

Глава 3

МЕРЫ ПО УКРЕПЛЕНИЮ СТАТУСА ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ

3.1. Ликвидация униатской церкви

При присоединении территории ВКЛ к Российской империи царскому правительству нужна была поддержка его правящих кругов — магнатов и средней шляхты, которые по конфессиональной принадлежности в основном были католиками. Это, очевидно, было одной из причин, по которой достаточно длительный срок бывшую господствующую конфессию — католичество — правительство не трогало. Хотя униатство и считалось как со стороны католического духовенства, так и царского правительства составной частью католичества («римские католики обоих обрядов»), верующими этой конфессии были крепостные крестьяне, мещане и часть бедной шляхты, которая не была влиятельной в крае. Для православных иерархов было очевидным, что пополнить немногочисленную православную церковь можно только за счет униатских верующих. Активная миссионерская деятельность в этом направлении епископов Георгия (Конисского) и Виктора (Садковского) находила поддержку у правительства в 80—90-х годах XVIII в. Но в то время эта политика не ставила перед собой задачу полного уничтожения униатской церкви. Скорее это была реакция со стороны правительства на определенные обстоятельства. Практическая передача духовной власти над униатской церковью в руки католического митрополита С. Богуша-Сестренцевича привела к тому, что униатское духовенство развернуло агитацию за возвращение своих бывших прихожан из православия, о чем и свидетельствовал указ от 28 августа 1797 г., запрещающий проводить агитацию среди православных [65, с. 373].

Население, будучи неграмотным и веря своему духовенству, вряд ли могло разобраться в перепитиях этих переходов. Православная и униатская паствы смешивались, перепутывались интересы священников этих конфессий, и распалась взаимная вражда. Органы государственной власти на разных уровнях забрасывались жалобами, следствие шло за следствием, и тяжбы затягивались на многие годы.

Назначенный 24 октября 1797 г. в Белорусскую (Могилевскую) православную епархию епископ Анастасий (Братановский) ощущал себя совершенно бессильным, не рассчитывая, как это делал его предшественник архиепископ Георгий (Конисский), на стремление униатских прихожан и духовенства вернуться к своей «исконной» вере, он видел спасение в правительственной поддержке. Братановскому, видимо, принадлежит первый проект правительственного сдерживания униатов. Он предлагал объявить всех униатов православными или хотя бы ограничить количество униатских церквей запретами на их строительство, запретить католикам принимать к себе униатов, вновь объявить униатам, что они могут свободно принимать православие [65, с. 373].

Св. Синод не принял во внимание этот проект, был лишь подготовлен исторический очерк действий правительства в отношении униатской церкви и факты насилия над православными со стороны униатов. Эти материалы были переданы на обсуждение Сенату, а затем представлены Павлу I. В октябре 1798 г. генерал-прокурор П. Лопухин по поручению императора написал письма Петербургскому и Новгородскому митрополиту Гавриилу и белорусскому губернатору. В письмах была просьба сделать распоряжение в адрес православных священников, чтобы «они обывателей униатского закона к принятию греческой веры никакими средствами не принуждали, а возбуждали в них добровольное желание вступать в оную добродетельным своим житием, пристойным сану их поведением и благонравием» [65, с. 374].

Политика лояльности по отношению к униатам не принесла ожидаемых результатов. Более того, она содейство-

вала тому, что в период 1796—1810 гг. произошли значительные переходы из униатства в католичество, поставив тем самым униатство под добровольное самоуничтожение. Так как неграмотный крестьянин-униат шел за своим священником, то единственным фактором, который сдерживал этот процесс, оказался католический целибат, потому что униатские священники в основном были женатыми и не могли оставить семью, чтобы стать ксендзами. Царское правительство приняло ряд указов, запрещающих переходы униатов в католичество. 25 октября 1807 г. был принят указ, подтверждающий целостность униатской церкви, а указ от 8 августа 1810 г. установил срок давности (с 1798 г.) для тех, кто ее покинул [2, т. 16, с. XVIII, XI].

Положительно была встречена правительством записка, написанная 5 ноября 1827 г. ассессором униатского департамента римско-католической духовной коллегии Иосифом Семашко. Он писал о положении униатской церкви в западных губерниях. В записке подчеркивалось, что униатское духовенство мало чем отличается от католического: носит такую же одежду; служит с разрешения Папы Римского в одних и тех же храмах; вместо древних греческих обрядов введено много римских; в большинстве церквей нет иконостасов, а есть органы. «Остался единственной почти отличительной чертой славянский язык в богослужении употребляемый, — писал И. Семашко, — однако и тот ежедневно искажается и неохотно употребляется». Народ учили важнейшим молитвам на польском языке, и поэтому не осталось практически никаких преград к окончательному слиянию униатов с католиками [52, т. 1, с. 393, 394].

Появлению этой записки способствовал указ от 9 октября 1827 г., который запрещал принимать в базилианские монастыри людей другого обряда (в основном это касалось католиков). Связано это было с тем, что в конце 20-х годов XIX в. в Белорусской и Литовской базилианских провинциях около двух третей монахов были окрещены как католики [2, т. 16, с. XXXVI]. Если учитывать дворянское происхождение, хорошее образование

базилианских монахов, богатые фондуши монастырей, то становится ясным, что была сила, способная оказать сопротивление попыткам правительства ликвидировать униатскую церковь, чего не ожидалось от белого униатского духовенства. Таким образом, этот указ стал началом отрыва базилианского ордена от католичества и был важным шагом политики правительства в направлении ликвидации униатства.

В конце 1827 — начале 1828 г. был составлен проект по ликвидации униатской церкви, нашедший поддержку правительства. Документ состоял из двух частей: первая содержала описание тех мер, которые принимало правительство начиная со времен Екатерины II по присоединению униатов к православию; во второй части высказывались суждения о том, что необходимо для этого сделать. Основная идея документа заключалась в том, чтобы оторвать униатов от католичества путем ликвидации части базилианских монастырей (из 83 оставить 23), создания отдельной от католической греко-униатской коллегии и открытия новых учебных заведений для подготовки молодежи в православных традициях. Необходимо было также оторвать униатское духовенство от помещиков-католиков, которые, будучи ктиторами, не только оказывали помощь церкви, но и влияли на назначение кандидатуры на должность священника в своих имениях, что приводило к зависимости последних [74, № 4, с. 621, 624, 628—639].

Проект был подписан министром народного просвещения и главным управляющим департамента иностранных исповеданий А. Шишковым. В его подготовке, вероятно, участвовал и И. Семашко либо была использована его записка, что очевидно при сравнении этих двух документов. Трудно сказать, на какой срок был рассчитан этот проект. Но уже 22 апреля 1828 г. была основана греко-униатская духовная коллегия и сокращено число униатских епархий. Сложнее решался вопрос с открытием новых учебных заведений. В конце 20-х годов кадры униатского духовенства готовились в Главной католической семинарии при Виленском университете (до 50 чел.),

в Коллегии распространения веры в Риме (4 чел.), в семинариях Полоцка и Жировичей и при Лавришовском монастыре (низшее духовенство). В конце 20-х годов правительство запретило направлять юношей в Рим и Вильно, из которых были отозваны студенты [74, № 6, с. 291]. Для открытия академии были собраны деньги в сумме 28 тыс. Но этого оказалось недостаточно и 25 февраля 1830 г. греко-униатская коллегия признала, что открытие академии в Полоцке практически невозможно из-за отсутствия средств, помещений, а также студентов, закончивших семинарию [74, № 4, с. 602, 605, 608, 609, 620].

9 июля 1830 г. греко-униатская коллегия приняла решение о произнесении проповедей и обучении Закону Божьему на местном диалекте. «Проповедывать слово Божие народу на невнятном для него языке есть дело недостойное христианского учителя и бесполезное для слушателей», — говорилось в документе [52, т. 1, с. 528].

Участие базилианских монахов в восстании 1830—1831 гг. привело не только к ликвидации власти провинциалов ордена, но и к ликвидации 2/3 монастырей в Российской империи. Правительство разрешило монахам этих монастырей, которые были окрещены как католики, переходить в католичество, в результате до 1835 г. орден покинули около 200 базилиан [179, с. 280].

Не осталось без внимания и белое униатское духовенство. 8 января и 3 апреля 1831 г. было приказано не назначать униатских священников в католические костелы, где им также было запрещено совершать богослужения [146, с. 118]. В церквях разрешалось восстановить иконостасы и убрать оттуда органы и скамейки, а также ввести православные служебники московского издания 1831 г. Собор униатских епископов 7 февраля 1834 г. дал согласие на введение в пользование в Белорусской и Литовской униатских епархиях служебников, евангелий, молитвенного пения и т. д. Было решено также выделить 5 тыс. руб. на установление иконостасов в церквях. Сообщение о решении Собора было разослано архиереям и генерал-губернаторам [92, с. 42—44].

В 1834 г. Николай I приказал обер-прокурору Св. Синода С. Нечаеву вместе с министром внутренних дел Д. Блудовым выработать секретную инструкцию для архиереев и генерал-губернаторов западных губерний по обращению униатов в православие [16, с. 394]. В конце этого же года Литовская и Белорусская униатские консистории получили служебники московского издания. Но их распространение вызвало пассивный протест со стороны униатского духовенства. 18 мая 1836 г. полоцкий военно-уездный начальник подполковник Агатонов сообщал витебскому губернатору Шредеру, что «хоть униатские церкви и получили служебники московской печати, однако служат и сейчас... по книгам раннешнего издания виленской и почаевской печати» [146, с. 213]. При проведении ревизии церквей Поддисненского благочинного округа Полоцкий униатский епископ Василий Лужинский ни в одной из них не нашел московского служебника.

Нелегко двигалось дело по установлению иконостасов. Так, 18 декабря 1835 г. В. Лужинский сообщал в греко-униатскую коллегия, что на протяжении 1834—1835 гг. в Белорусской униатской епархии были установлены иконостасы только в 77 церквях. Литовский епископ Иосиф Семашко писал, что к ноябрю 1835 г. в его епархии они имелись уже в 509 церквях [146, с. 213]. Вместе с тем в документах отмечалось, что в ряде униатских церквей, в которых должны были быть иконостасы и алтари, установлены органы, боковые пределы, колокольчики, скамьи и другие атрибуты католической церкви [78, ф. 1, оп. 19, д. 1116, л. 1 об.].

В 1836 г. был создан Секретный комитет для рассмотрения мер по униатским делам. Министр внутренних дел Д. Блудов в своем докладе на заседании комитета, обосновывая идею ликвидации униии, высказался, что необходимо «преобразовать их из полу-поляков — римских католиков в верных сынов нашей церкви и России и тем самым поставить сильный оплот враждебным покушениям злоумышленников, может быть еще мечтающих о разделении» [94, ф. 797, оп. 87, д. 10, л. 1 об., 8 об., 9].

Произошли изменения и в структуре руководства униатской церковью. 1 января 1837 г. греко-униатская кол-

легия была исключена из ведения министра внутренних дел и подчинена обер-прокурору Св. Синода [146, с. 242]. 23 февраля 1838 г. умер последний униатский митрополит Иосафат Булгак, его должности заняли сторонники ликвидации унии. Греко-униатскую коллегия возглавил И. Семашко, а Белорусскую униатскую епархию — В. Лужинский. В мае 1838 г. в западные губернии по высочайшему распоряжению был направлен камергер, надворный советник В. Скрипицын. В его обязанности входило наблюдение за настроением униатского духовенства и прихожан. Докладывая обер-прокурору Св. Синода о состоянии униатских епархий, В. Скрипицын отмечал, что в 573 церквях уже сделаны иконостасы, богослужение велось довольно правильно по православным канонам, московские служебники имелись почти во всех церквях, а духовенство знало, что их предки были православными. Он разделил униатских прихожан и приходы на три разряда: благонадежные (униаты только Литовской епархии — 633 прихода), послушные (все уезды Минской губернии и почти все Витебской и Могилевской — 441 приход), подозрительные (северные уезды Витебской губернии — Себежский, Полоцкий, Лепельский, Дриссенский; Дисненский уезд Минской губернии; Сенненский и Мстиславский — Могилевской; Овручский — Вольнской и Радомысльский — Киевской губерний — 151 приход) [146, с. 274—277].

В. Скрипицын также сообщил, что на 15 апреля добровольные подписки о присоединении к православию дали по Белорусской униатской епархии 158 священников (из 582) и 14 монахов (из 98), по Литовской епархии — 718 священников (из 927) и 42 монаха (из 130). При этом Скрипицыным было отмечено, что благочинные в Белорусской униатской епархии «не в таком еще расположении, что убивает всякое полезное распоряжение начальства». И сделал вывод: необходимо либо немедленно убедиться в их благонадежности, либо их заменить.

22 и 26 декабря 1838 г. на заседании Секретного комитета были рассмотрены важные предложения. Согласно им греко-униатские епископы совместно с духовенст-

вом должны были составить церковный Соборный Акт, в котором бы они признавали свое происхождение от православной церкви. Этот акт и прошения духовенства о присоединении к православию должно было подписать все высшее униатское духовенство, а затем поднести его и императору [146, с. 297—301].

Принимались правительственные меры для избежания волнений униатского населения. Генерал-губернаторы должны были наблюдать за состоянием губерний. В ноябре 1838 г. в письме министра внутренних дел к Виленскому военному губернатору говорилось о необходимости соблюдения осторожности при переустройстве греко-униатской церкви и ее сближении с православной. Такое же указание получил от обер-прокурора Св. Синода Н. Протасова и Витебский, Смоленский и Могилевский генерал-губернатор П. Дьяков. Особое внимание, по мнению обер-прокурора, следовало обратить на Себежский, Полоцкий, Лепельский, Дриссенский, Мстиславский и Сенненский уезды, так как они находились под сильным влиянием католического духовенства и помещиков-католиков [77, ф. 1297, оп. 1, д. 11018, л. 6—8, 1, 1 об.]. В январе 1839 г. в Витебскую губернию был направлен 29-й казачий полк полковника Корнеева. 8 января 1839 г. была утверждена секретная инструкция для генерал-губернаторов западных губерний, в которой, кроме вопросов, связанных с присоединением, генерал-губернаторам предписывалось довести до католических епископов и их духовенства, что эти меры касаются только униатов [77, ф. 1297, оп. 1, д. 11018, л. 3]. В феврале по распоряжению И. Семашко были высланы из Белорусской униатской епархии в Литовскую «ненадежные» священники: из Лепельского уезда 3 чел., из Дриссенского — 2, из Полоцкого — 3, из Велижского — 1, из Витебского — 1, из Могилевского — 1, из Копыского — 1, из Дисненского — 2 чел. [94, ф. 796, оп. 206, д. 291, л. 34, 34 об.].

12 февраля 1839 г. в Полоцке в присутствии высшего униатского духовенства был подписан Соборный акт с просьбой о присоединении униатов к православной церкви. Епископ И. Семашко выехал в Петербург, где 16 фев-

раля передал его обер-прокурору Св. Синода Н. Протасову, а тот в свою очередь 1 марта — Николаю I, который передал документ на рассмотрение Св. Синоду. Постановление Св. Синода «О принятии греко-униатской церкви в полное и совершенное общение святых православных-кафолических Восточных церкви и в нераздельный состав церкви Всероссийской» было утверждено императором и 30 марта на собрании членов Синода об этом было объявлено епископу И. Семашко. Была также выдана грамота к воссоединенным епископам, духовенству и народу, которая была отослана в епархии. 9 апреля епископ В. Лужинский объявил верующим о состоявшемся событии и распорядился поминать в церквях вместо Папы Римского Св. Синод. «Все это, — писал Скрипицын обер-прокурору Св. Синода в Петербург, — не произвело ни малейшего беспокойства или удивления, народ также усердно молился, также рвался к кресту» [146, с. 378]. Все праздничные богослужения прошли спокойно и не вызвали серьезных волнений. Указом Св. Синода от 9 октября 1839 г. на бывшее униатское духовенство были распространены все те права и обязанности, которые касались православного духовенства [57, ф. 605, оп. 1, д. 308, л. 112].

Со времени присоединения территории к Российской империи до Полоцкого собора 1839 г. униатская церковь прошла сложный и тяжелый путь. На нее давили, стремясь привлечь на свою сторону, католичество и православие. Какие же причины облегчили правительству путь к ее ликвидации в западных губерниях? Переписка, воспоминания современников первой половины XIX в. свидетельствуют о том, что униатское население было довольно индифферентным в религиозной жизни. Это было связано как с неграмотностью крепостного крестьянства, бедной шляхты и мещан, так и с небольшим количеством храмов, когда приходская церковь находилась далеко от деревень, приписанных к ней, а также и со спецификой территории — большим количеством болот и лесов, небольшим количеством путей сообщения и транспорта, что, естественно, мешало священнику наведывать сво-

их прихожан. Крестьянин по необходимости обращался в ближайший христианский храм, независимо от его конфессиональной принадлежности. Кроме того, униатским священникам разрешалось проводить богослужение в католическом костеле или наоборот, что также вносило некоторую путаницу. Смешанные браки, переходы униатов в другие конфессии были достаточно распространенным явлением. И. Лахницкий писал в 1815 г., что крестьянство Гродненщины не знает никакой веры, так как католический ксендз занят своими фундушами, редко появляется в племении и костел стоит забытый, а униатский священник, имея многочисленную семью, занят поисками средств для воспитания своих сыновей [168, с. 86—92].

Русские чиновники также обращали внимание на индифферентность местных крестьян. 4 марта 1824 г. Витебский, Смоленский и Могилевский генерал-губернатор князь Н. Хованский писал униатскому митрополиту Иосафату Булгаку, что «в некоторых местах невежество крестьян столь велико, что они не знают даже христианских молитв». Он же обратился к министру духовных дел и народного просвещения князю А. Голицыну, чтобы тот обязал католическое и униатское руководство заняться религиозным «воспитанием белорусских крестьян» [94, ф. 823, оп. 3, д. 1445, л. 4, 4 об.].

Витебский военный губернатор И. Жиркевич видел причины спокойного перехода униатов в православную веру в тяжелых условиях жизни крестьян: «прикажи ему не только перейти в православие, но и в магометанство, он и это беспрекословно сделает, и опомнится в новом законе только тогда, когда его накормят. Не было примеров, чтобы занимались религиозными вопросами, когда в животе вместо хлеба — древесная кора и мох, как у витебского крестьянина» [86, с. 151, 152].

В дореволюционной церковной историографии, посвященной истории униатской церкви, был довольно спорным вопрос: кто и когда из высшего униатского духовенства начал подготовку к полному слиянию унии с православием? Архиепископ Василий Лужинский считал, что главными инициаторами в этом направлении были

униатские архиепископы И. Лисовский и Г. Красовский. Г. Киприанович (биограф И. Семашко) в противовес этому мнению высказал мысль, что эти иерархи не стремились приблизить униатскую церковь к православной, а лишь хотели защитить ее от католической и восстановить православную обрядность [61, с. 35,41]. Очевидно, он прав, так как осуществить проект присоединения униатской церкви к православной могли люди молодые, родившиеся в Российской империи, а не в Речи Посполитой, обязанные империи своим образованием, должностью, богатством. Эти люди и были подготовлены в Главной католической семинарии при Виленском университете. Среди них Иосиф Семашко, Василий Лужинский, Антоний Зубко, Михаил Голубович, Антоний Тупальский и др.

Вообще в современной белорусской и польской историографии неоднократно рассматривалось влияние Виленского университета на общественную жизнь белорусско-литовских губерний. При этом на роль высших духовных учреждений (таких, как Главная католическая семинария в Вильно и иезуитская академия в Полоцке) не обращали должного внимания. Из этих двух учебных заведений более вольнодумной, очевидно, была Главная семинария. Иосиф Семашко, закончивший ее, писал, что при обучении они пользовались учебниками, которые были подготовлены в Австрии и в которых говорилось о «злоупотреблениях папской власти». Кроме того, определенной долей вольнодумства обладали и профессора. «Думаю, — писал И. Семашко, — ни в одной православной академии воспитанники не услышат о злоупотреблении римской церкви того, что я слышал от сих двух (Клонгевича и Капели. — *Е. Ф.*) наставников» [52, т. 1, с. 16]. Не это ли вольнодумство способствовало тому, что в конце 30-х годов присоединение к православию проходило в Литовской униатской епархии более спокойно, чем в Белорусской?

Сохранившиеся архивные материалы свидетельствуют, что сопротивление правительственной политике по ликвидации униатской церкви было как до Полоцкого собора, так и после него. Но оно было небольшим по

численности участвующих в нем и в основном пассивным по характеру (подача прошений, жалоб, отказ давать подписку о присоединении). Так, в сентябре 1834 г. священники Новогрудского уезда Литовской епархии И. Дылевский и А. Горбачевич составили прошение, направленное против использования в униатских церквях московских служебников, запрета на проведение униатским духовенством службы в католических костелах. Они же организовали и сбор подписей в защиту нерушимости унии. За эту провинность епископ И. Семашко приказал отправить их на 6 месяцев в Волнянский базилианский монастырь [79, кн.7, с. 389].

Более значительным были выступления духовенства в Белорусской униатской епархии. В 1837 г. епископу этой епархии В. Лужинскому донесли, что заговорщики (среди них были ассессор униатской консистории И. Игнатович, ректор Полоцкой униатской семинарии протоирей М. Шелепин, инспектор этой семинарии А. Томковид и профессор — иеромонах Копецкий) собираются в доме виноторговца и встречаются по ночам со священниками, которых вызывали из приходов и уговаривали использовать все средства для сохранения унии. Священники Чашницкой церкви З. Марковский, Дворжецкой церкви — Точицкий, Массарской церкви — И. Никанович, Воронечской — Ф. Арматович, Головчицкой — И. Игнатович (бывший ассессор) и инспектор семинарии А. Томковид объезжали Полоцкий, Лепельский, Дисненский и Дриссенский уезды, собирая подписи под прошением к Николаю I. В нем говорилось, что если «уния должна в России прекратиться, разрешить им перейти в римско-католическое исповедание». Подписали это прошение 111 священников. 16 сентября 1839 г. часть священников собрались в с. Церковна Дриссенского уезда. В церкви был отслужен молебен, после которого И. Игнатович выступил с проповедью на польском языке, в которой призывал крестьян держаться униатской веры. В Белорусской епархии по «делу 111» было проведено следствие полковником Агатоновым. И. Игнатович и А. Томковид были арестованы и высланы. По этому же делу были привлече-

ны и получили наказание еще 28 священников [51, с. 115, 118, 144, 154; 146, с. 274—277, 281, 284, 291].

Одной из форм сопротивления униатского духовенства был отказ дать подписку на присоединение к православию. За это их высылали в различные монастыри, в том числе и за пределы западных губерний. Так, в 1839 г. в Курский православный монастырь были отправлены монахи-базилиане Бытенского монастыря И. Цраневич, Н. Шиманский, В. Литинский, В. Соколовский, а также монах Тараканского монастыря И. Башковский. В монастыри были отправлены монахи-базилиане В. Шумилевич, В. Павловский, А. Макавельский, Г. Гринцевич, А. Вакульский и др. В апреле 1839 г. в Литовской епархии продолжали оказывать сопротивление 13 священников: Ф. Кулаковский, И. Савашневич, А. Забелло, А. Шиманский и др. 9 священников были переведены в Литовскую епархию из Белорусской. Все они были лишены своих должностей и выполняли обязанности дьяконов, звонарей и церковных сторожей [79, кн.7, с. 389, 390].

Известны случаи недовольства конфессиональной политикой правительства и со стороны крестьян-униатов. Несомненно, немалую роль в этом играли их помещики, которые в основном были католиками. Так, по мнению Полоцкого православного епископа Исидора (Никольского), которое он высказал 2 декабря 1837 г. в письме к обер-прокурору Св. Синода Н. Протасову, каждый помещик, если пожелает, может из униатских крестьян «сделать и православных, и лютеран». Он считал, что только по внушению помещика «крестьяне не ходят в устроенные униатские церкви, а идут в католические каплицы, что особенно в Дризенском и Лепельском уездах» и что «духовенство униатское — рабы помещиков и своей мысли не знают» [146, с. 47, прилож.].

Ликвидация униатской церкви вызвала широкие отклики за рубежом. Министерство иностранных дел Российской империи вынуждено было опровергать опубликованные в некоторых газетах «нелепые», по его мнению, статьи, в которых говорилось, что якобы 47 монахов бывшего базилианского ордена подвергались истязаниям, их

томили голодом и жаждой, заставляли работать на строительстве зданий, где они по горло стояли в воде, и что некоторым из них выкололи глаза. Часть из них умерли от мучений, остальные спаслись бегством за границу [94, ф. 796, оп. 205, д. 295, л. 1, 1 об.].

С преследованием базилианских монахинь было связано и дело Мокрины Мечиславской, получившее в 40—50-х годах XIX в. широкую известность в Европе. Этому была посвящена статья в парижском журнале «Le Trois-Mai». В ней описывалось, как монахиня-базилианка из Минского монастыря (по другим сведениям из Ковенского) М. Мечиславская была схвачена казаками и пешком отправлена в Витебск, где ее отдали в услужение православным монахиням, которые ее били палками. Затем Мечиславскую перевели в Полоцк, а оттуда в Мядель. Летом 1848 г. «мученица за веру» оказалась в Познани, в сентябре в Париже, где нашла поддержку среди католического духовенства и эмигрантских кругов. В запрошенных списках департаментом духовных дел и иностранных исповеданий не нашли такой фамилии среди монахинь-базилианок за 1836 г. [94, ф. 797, оп. 87, д.30, л. 31,45 — 57 об.]. Существовала путаница и в опубликованных показаниях монахини, которые продемонстрировали полное незнание географии белорусско-литовских губерний [91, с. 78, 79].

Возвращаясь к анализу причин, содействовавших правительству в осуществлении планов ликвидации унии, хотелось бы остановиться на следующем. Одной из таких причин была постоянная борьба между базилианским монашеством и белым униатским духовенством. Членами базилианского ордена в основном были представители дворянского сословия, крещенные по католическому обряду. Сыновьям же бедного приходского духовенства был практически закрыт доступ в этот орден, кроме того, монахи ордена были значительно лучше обеспечены, чем приходское духовенство.

Резко отличались базилиане от приходского духовенства и по степени своего образования. В каждой базилианской провинции были духовные и светские шко-

лы. Духовные школы были трех разрядов: новициаты для юношей от 14 лет, которые поступили в монастыри, а также философские и богословские студии для дальнейшего образования. В конце XVIII — начале XIX в. ряд базилианских училищ (в Борунах, Жировичах, Березвечи) готовил не только духовные кадры, но и молодежь для гражданской службы. Кроме того, базилиане содержали ряд школ, в которых ежегодно обучались несколько учеников [71, с. 28]. Например, в 1803 г. в Виленском учебном округе за базилианами числилось 13 школ [148, т. 2, с. 127].

Небольшая часть приходского духовенства получала образование в униатских семинариях — Полоцкой (открытой в 1807 г.), Жировичской (в 1828 г.) и при некоторых базилианских монастырях (в Толочине, Свержене, Лавришове). На содержание семинарий шли базилианские фонды. Выпуск семинаристов был небольшим. Так, Полоцкая семинария в 1825—1827 гг. имела одного выпускника, в 1826—1827 гг. — двух выпускников. Аналогичная картина наблюдалась в Жировичской семинарии. И. Семашко, проведя ревизию семинарий в 1830 г., объяснял ситуацию следующими причинами: отсутствием распоряжений, чтобы духовенство отдавало туда на учебу своих сыновей, нехваткой учебных помещений и незнанием юношами русского языка [74, кн.6, с. 603, 604, 615, 617].

Естественно, кадров приходского униатского духовенства с соответствующим образовательным уровнем не хватало. Оно пополнялось сыновьями священников, которых отцы учили дома Катехизису и польской грамоте, либо юношами, которые не закончили курс наук в светских низших училищах по каким-то причинам. Чтобы получить рекомендации к архиерею у помещика-ктитора (ктиторство в униатской церкви было уничтожено в 1833 г.), на землях которого находился приход, они служили у него некоторое время. Перед рукоположением будущий священник женился на девице, которая имела приданое, достаточное для значительных издержек. Нужно было платить экзаменатору за свидетельство о способности к деятельности священника, епархиальному начальству за

грамоты: консес-грамоту о рукоположении, инсталляционную грамоту, дававшую право управлять приходом пожизненно. Те, кто не мог платить за такую грамоту, покупали административную грамоту, которая стоила дешевле и давала право совершать таинства в течение трех лет. Затем ее следовало возобновлять [102, с. 37,38].

Среди приходского духовенства были в основном представители духовного сословия. Например, в 1832 г. в Гродненской губернии среди 444 униатских священников 30 человек были из вольных людей, 4 — из мещан, 2 — из крестьян, 21 — из дворян, 387 человек — из духовного сословия [79, кн. 7, с. 388]. Учитывая такое сословное деление, католический митрополит С. Богуш-Сестренцевич объяснял отношение к униатской церкви следующим образом: «Униаты жалуются на утеснения католиками. Принимая сие слово не в собственном смысле, они не утесняемы, но пренебрегаемы были поляками, предупрежденными о преимуществе благородия. Поляки пренебрегали попов, понеже никто из дворян не спешил к сему священнику по бедному состоянию приходских церквей, и они по большей части поповскими детьми были управляемы. По противной же тому причине униатские епископы и базилиане, из которых епископы и архимандриты выбираемы были всегда и почти все были из дворян и в великом и должном у католиков почтении» [158, с. 67].

Комплекс вышеперечисленных обстоятельств, в которых оказалась униатская церковь в 1772—1839 гг., а также резко изменившийся курс политики правительства Николая I и привели эту конфессию к ликвидации на территории западных губерний Российской империи.

3.2. Ослабление влияния католической церкви

Вторая по численности прихожан и первая по влиянию в ВКЛ конфессия — католическая теряла свое господствующее положение с присоединением этой территории к Российской империи. Но фактический процесс изменения статуса, несмотря на законодательное оформ-

ление, затянулся практически до середины XIX в. Связано это было, во-первых, с прихожанами, среди которых были магнаты и шляхта, способные оказать значительную финансовую помощь и общественную поддержку своей церкви. Во-вторых, со слабостью православной церкви на присоединенной территории, которая не могла противостоять католичеству.

Боясь волнений верующих на бывшей территории ВКЛ и поэтому обещаая конфессиям ничем не ограниченную свободу в «публичном отправлении их веры» [88, т. 23, с. 411], уже первые указы демонстрировали попытки правительства Екатерины II оторвать «римских обоего звания» (под которыми подразумевались католики и униаты) от духовного влияния Папы Римского и генералов орденов. Впоследствии такого рода указы неоднократно повторялись.

Первоначально в зависимость от решений правительства была поставлена католическая церковная структура и решения о назначении высшего руководства епархий. Во всем остальном, несмотря на ряд указов, которые отмечали «терпимое» положение этой конфессии в империи, она продолжала сохранять свое влияние. Павел I и Александр I практически уравнивали ее с православной, о чем свидетельствует устав римско-католической коллегии и деятельность двойного министерства. Да и Свод законов 1832 г., принятый при Николае I, предоставлял католической церкви свободу исполнения культа, религиозного обучения в государственных и частных школах и поддержку школы для обучения духовенства [58, ч. 2, с. 296, 297].

Так как католическое духовенство в основном принадлежало к дворянскому сословию, то уже указом от 26 января 1788 г. «католическим епископам, каноникам и другим бельцам» разрешалось приобретать недвижимые имения, которые после их смерти переходили к законным наследникам, что было запрещено представителям духовного сословия вообще. Только с 1804 г. православным священнослужителям было разрешено покупать незаселенные имения, а с 1810 г. тем из них, кто

был дворянского происхождения, — приобретать имения [93, с. 64].

В отличие от духовенства других христианских конфессий, в силу своей специфики (целибата) и принадлежности к дворянскому сословию, католическое приходское духовенство, как и монахи различных орденов, было очень активным в общественной и политической жизни края. Именно католическое духовенство приняло участие в одной из первых (1796—1797 гг.) после разделов Речи Посполитой тайной организации под названием «Виленская ассоциация». Она была связана с эмигрантскими кругами, которые рассчитывали на подготовку нового восстания, сбор средств для него и вербовку офицеров для службы в зарубежных легионах. Среди членов организации были представители католических орденов: приор тринитарского монастыря в Берестечке (Украина) А. Домбровский, приор доминиканцев в Вильно Ф. Цецерский, бенедектин из Вильно В. Зюлковский и др. Хотя эта организация просуществовала недолго, ее деятельность поддерживали в таких городах, как Брест, Кобрин, Гродно, Минск. После ареста ее членов католическое духовенство было лишено сана и дворянского звания и выслано в Сибирь на каторгу. Однако, отбыв срок, они вновь получили духовный сан и дворянство. Например, Ф. Цецерский стал приором Забельского доминиканского монастыря и провинциалом этого ордена [173, с. 54—57].

Часть католического духовенства оказала поддержку Наполеону во время войны 1812 г., хотя католический митрополит С. Богуш-Сестренцевич в письме к обер-прокурору Св. Синода князю А. Голицыну заявил: «Принять за них на себя полную ответственность я не могу» [107, т. 2, с. 429]. Среди тех, кто оказался на стороне французов, были Минский католический епископ И. Дедерко, виленский прелат Длусский, Самогитский епископ-коадьютор С. Гедройц, Курляндский суффраган И. Коссаковский и др. Все они представители высшего католического духовенства. Польская исследовательница Х. Дылянгова считает, что во время войны 1812 г. как католическое,

так и униатское духовенство не проявило особого патриотизма, что было связано с деятельностью митрополита С. Богуша-Сестренцевича и со сложившимися традициями [154, s. 68, 69]. Можно предположить, что причины политической индифферентности католического и униатского духовенства были связаны с желанием остаться в стороне от войны двух империй и от гражданской войны внутри страны. Кроме того, налоги на духовенство, предложенные Временным правительством ВКЛ, не вызвали у них особого восторга и активности.

Новым этапом участия духовенства в политической жизни было восстание 1830—1831 гг. Ксендзы и монахи различных орденов читали в храмах обращения повстанческого комитета, принимали присягу на верность ему от населения, а некоторые из них были в повстанческих отрядах. Среди них: ксендз Новогрудского фарного костела К. Длуский, который находился в повстанческих отрядах Ю. Кашица и Дембинского; монах Лидского пиарского монастыря С. Богуцкий — в отряде Т. Тышкевича; монах картузианского монастыря в Картуз-Березе Ф. Каминский был проводником; пробощ из Мяделя Садовский-Вавржинец принимал от своих прихожан присягу и др. [79, кн. 4, ч. 3, с. 637—641; 57, ф. 605, оп. 2, д. 2099, л. 5 об.].

Восстание поддержали в некоторой степени и католические епископы, о чем свидетельствовало обращение Жмудского епископа Ю. Гедройца. Х. Дылянгова пишет, что, так как повстанцы боролись не только за свободу края, но и за религию, епископы могли бы принять более активное участие в восстании. По ее мнению, этому противодействовало наступающее православие и российская система зависимости католического костела от государства, а также и возможное неверие в результаты борьбы, что вынуждало епископов менять свои взгляды. Тот же епископ Ю. Гедройц, например, в мае 1831 г. издал по принуждению российских властей второе обращение, в котором призывал сохранять порядок, а восстание называл «позорным мятежом» [154, s. 89, 40].

Участие католического духовенства в политической жизни, с одной стороны, свидетельствовало о сохранении

идеалов Речи Посполитой, традиционности в системе образования, принадлежности духовенства к шляхте. С другой стороны, значительная часть католического духовенства все же не принимала в нем участия или оказывала пассивную поддержку. К вышеназванным причинам можно добавить и другие: смена поколений к 1830 г., для которых Речь Посполитая уже отошла в прошлое, а также и то, что католическая церковь к этому времени все еще сохраняла свое влиятельное положение в обществе белорусско-литовских губерний и не желала его терять.

Тем не менее участие даже части католического духовенства в восстании 1830—1831 гг. дало возможность правительству Российской империи проводить более последовательную политику в отношении католической церкви. Ее основные направления были заложены еще до восстания. Уже в конце 20-х годов правительство Николая I обращает пристальное внимание не только на униатскую церковь, но и на католическую, тем более что католики по вероисповеданию традиционно отождествлялись с поляками по национальности. Первыми шагами в этом направлении были указы 1827—1828 гг., которые отделяли униатскую церковь от католической (создание отдельной греко-униатской коллегии, решение об открытии униатской академии, запрет католикам вступать в базилианский орден и т. д.).

Восстание 1830—1831 гг. значительно ускорило процесс не только по ликвидации униатской, но и по ослаблению католической церкви. В августе 1831 г. Могилевский гражданский губернатор Н. Муравьев передал Николаю I записку «О ходе мятежа в губерниях от Польши возвращенных и заключения о причинах столь быстрого развития оно́го». В ней он высказал ряд положений, которые затрагивали и католическую церковь. Н. Муравьев предлагал запретить католическому духовенству заниматься воспитанием юношества, закрыть духовные училища при монастырях, заменить их светскими и ввести в них преподавание на русском языке, ликвидировать ряд католических монастырей, оставить их только в городах и некоторых местечках, изъять недвижимые имущества из

владений как католических, так и православных с вознаграждением ежегодными денежными окладами и т. д. В докладе Николаю I, подготовленном 28 ноября 1831 г. комитетом по делам западных губерний, было выражено согласие с мнением Н. Муравьева о вреде, который наносит римско-католическое духовенство, занимаясь воспитанием молодежи. Вместе с тем отмечалось, что «мера сия, бесполезная уже по одной невозможности привести ее в действие, только раздражила бы и сильно поразила умы, отвратя их от расположения содействовать цели правительства в других отношениях» [11, т. 4, с. 102]. А вот предложение сократить количество монастырей нашло поддержку со стороны правительства.

Указ от 19 июля 1832 г. привел к закрытию 199 католических монастырей. Монахов направляли в другие монастыри, что волновало верующих-католиков. Так, 11 октября 1832 г. министр юстиции Д. Блудов писал Витебскому, Смоленскому и Могилевскому генерал-губернатору Н. Хованскому, что когда из закрытого в Витебске католического монастыря отправляли монахов, то их провожал не только простой народ, который большой толпой собрался на мосту через Двину, но и дворяне целыми семьями. Министр подчеркнул, чтобы в дальнейшем не допускалось таких «торжественных сетований» [77, ф. 1297, оп. 1, д. 6615, л. 1, 1 об.]. Политика правительства, направленная на сокращение числа католических монастырей, продолжалась в 40—50-е годы.

Сложившаяся ситуация, касающаяся закрытия ряда католических монастырей и положения католической церкви в Российской империи в целом, вызвала недовольство Рима. Послу России в Риме кардинал-секретарь вручил письмо Папы. Ответ, который был передан Папе через графа Гурьева в мае 1833 г., опровергал слухи о том, что католическое духовенство притесняется, а православие заняло в крае господствующее положение. В качестве примера были приведены сведения о доходах православного и католического духовенства. Так, если доходы православного епископа составляли до 2200 руб. в год, то католического — от 20 до 80 тыс. руб. Доходы

приходского православного духовенства составляли от 100 до 500 руб. в год, а католического — от 2 до 10 тыс. руб. Православное духовенство не имело крепостных, а католическое владело 90 тыс. крепостными крестьянами, в большинстве своем православными [182, cz. 2, s. 105].

21 апреля 1844 г. Виленский генерал-губернатор Ф. Миркович писал Минскому католическому епископу Рава, что министр внутренних дел сообщил о высочайшем повелении предложить всем учащимся католических монашеских студий, которые еще не принесли обеты, поступать для окончания наук в епархиальные семинарии и увольнять из монастырей тех, кто не пожелает этим воспользоваться [77, ф. 1781, оп. 32, д. 51, л. 3]. Сокращая количество католического монашества, правительство разрешило (указом от 27 декабря 1839 г.) вступать в белое духовенство людям податного состояния, в том числе и однодворцам, которые должны были рассчитаться со своими помещиками и обществом, местной палатой государственных имуществ и с разрешения Министерства внутренних дел [77, ф. 136, оп. 1, д. 14521, л. 2].

Боясь волнений бывших униатских верующих, которые хотели перейти в католичество, в письме от 31 декабря 1839 г. Департамент духовных дел иностранных исповеданий обращал внимание генерал-губернаторов западных губерний на необходимость принятия мер по прекращению перехода из православия в католичество, ответственность за которые возлагалась на католическое духовенство. В связи с этим Николай I подтвердил указы: от 14 июля 1819 г. (согласно которому здания костелов разрешалось строить только в тех местах, где количество прихожан было не менее 400 душ мужского пола); от 8 октября 1831 г. (согласно которому в костелы, построенные без разрешения, не назначались священники); от 10 июля 1830 г. и 11 июля 1836 г. (которые запрещали монахам и католическому духовенству иметь «в услужении своем» православных); а также указы 1831, 1832 и 1835 гг. (которые запрещали католическому духовенству переезжать с места на место без разрешения своего руководства) [77, ф. 1297, оп. 1, д. 11769, л. 1,2,6, 6 об.].

Однако мер, принимаемых правительством по ослаблению католической церкви в 30-х годах, было недостаточно. 19 февраля 1840 г. в отчете витебского гражданского губернатора указывалось на то, что, несмотря на все усилия правительства, воспитание молодежи по-прежнему находится в руках католического духовенства. Как и ранее, католическое духовенство работает в качестве домашних наставников, берет детей «для пригготовительного их образования», а монахини ордена мариавиток и сестер милосердия в своих руках держат все воспитание женщин. По мнению губернатора, необходимо было полностью отстранить католическое духовенство от воспитания молодежи, исключая только преподавание догматов веры [11, т. 4, с. 354, 355].

Важным шагом в политике правительства по ослаблению католической церкви было решение провести секуляризацию церковных земель всех христианских конфессий в 1841—1843 гг. 2 марта 1839 г. секретным циркуляром было предписано всем начальникам губерний «возвращенных от Польши» собрать секретно и без малейшей огласки представить подробные сведения обо всех имениях через благонадежных чиновников. Эти сведения собирались до февраля 1840 г. Однако, по мнению генерал-губернаторов, они не могли быть достаточно точными, так как их собирали в таких секретных условиях. 2 марта 1840 г. был учрежден особый комитет в составе министра внутренних дел, министра государственных имуществ и обер-прокурора Св. Синода. Комитету предписывалось представить свое мнение по вопросу о секуляризации церковных земель к 1 мая, при этом оговаривалось, что духовенство только отстраняют от управления землей, но не отнимают ее. Запрошенные комитетом в архивах документы времен Екатерины II гарантировали католическому духовенству целостность и неприкосновенность его владений. Комитет также запросил документы, которые касались содержания католического духовенства, взамен взятых у него доходов у австрийского правительства. Одновременно министр внутренних дел граф Строганов обратился (секретно) 14 июля 1841 г.

к статс-секретарю царства Польского Туркуллу с аналогичным запросом.

Правительственный акт был издан 25 декабря 1841 г. Согласно ему все недвижимые имения иноверного духовенства западных губерний передавались в ведение и управление Министерства государственных имуществ, за исключением имений, состоящих во владении приходского белого духовенства, не принадлежавшего к высшей иерархии и монашеству. Этот указ сопровождался инструкцией, в которой точно определялось, какое имение и когда должно было перейти в ведение казны [94, ф. 821, оп. 150, д. 220, л. 1 об. — 2].

Одновременно с этим указом министр внутренних дел предложил губернаторам собрать секретные сведения о недвижимых имениях приходского католического духовенства. 18 мая 1843 г. был издан указ Сенату о передаче в ведение казны имений католического приходского духовенства западных губерний. Мотивировалось это желанием «обеспечить содержание римско-католического приходского духовенства и освободить оное, подобно высшему и монашескому духовенству, от непосредственного распоряжения имениями, отвлекающих его от прямых и святейших обязанностей духовного сана». Одновременно были установлены и утверждены штаты на содержание духовенства [94, ф. 821, оп. 150, д. 220, л. 3, 3 об.].

Это решение правительства в первую очередь ослабляло материальное положение католической церкви. Хотя в данном случае следует выделить некоторые аспекты: 1) процесс передачи имений в казну затянулся практически до конца 50-х годов; 2) так как владения были значительными, то католическое духовенство, их приходы и монастыри получили более высокое содержание, нежели православное и протестантское духовенство; 3) так как местные чиновники в основном были католиками, то католическая церковь быстрее, чем православная, получала положенные ей наделы земли и в ряде случаев в тех же имениях; 4) католическому ксендзу, не обремененному семьей, было легче прожить на жалованье, чем православному.

В записке о состоянии римско-католического духовенства, составленной в канцелярии Виленского генерал-губернатора в ноябре 1849 г., отмечалось, что духовенство в целом довольно своим положением. Монашеские же ордены «стали осторожны в своих действиях, но совсем тем не утратили они ни фанатизма религиозного и политического, столь вредного для государственного спокойствия, ни сильного и пагубного влияния на католическое народонаселение» [14, Pps-760, л. 6—8].

Тем не менее этих мер было недостаточно для того, чтобы ослабить влияние католичества в белорусско-литовских губерниях. Так, Виленский военный губернатор, Гродненский, Минский и Ковенский генерал-губернатор И. Г. Бибииков сообщал 27 января 1854 г. в департамент иностранных исповеданий о том, что, несмотря на все принимаемые меры, они не дают нужного результата. Как и прежде, «духовенство католическое удобно проникает в семейный быт, прихожане входят в короткие сношения с ним, связывают личные свои интересы с религиозными». Дворянство же, побуждаемое духовенством и поддерживаемое местными властями, сохранило костелы и каплицы во многих имениях. Что же касается правительства, то оно, по мнению генерал-губернатора, «иногда, и то неправильно, вмешивается в дела римско-католического исповедания» [57, ф. 378, п/о, 1854, д. 277, л. 3—4 об., 5 об.].

Министр внутренних дел ответил генерал-губернатору 7 февраля 1854 г., что между православным и латинским духовенством «никогда не существовала и вряд ли когда-либо будет существовать любовь». Он поддержал мнение о необходимости назначения в этот край на службу большего количества чиновников из русских. Однако «трудно принимать сюда усердных и способных русских чиновников без особых поощрений от правительства», так как ранее отпускалась сумма на 4 губернии 14 тыс. руб. серебром (по 3500 на губернию) для поощрения русских чиновников, но затем она была отозвана [57, ф. 378, п/о, 1854, д. 277, л. 7 об. — 12 об.].

На конфессиональную принадлежность местных чиновников обратил внимание правительства Литовский

православный митрополит Иосиф Семашко. В письме к обер-прокурору Св. Синода от 10 января 1856 г. он отметил, что в Виленской и Гродненской губерниях все 18 губернских и уездных предводителей дворянства — католики. В канцеляриях Виленского и Гродненского гражданских губернаторов 9 православных и 30 католиков. Все высшее руководство этих губерний состояло из 27 православных и 84 католиков. Такая же ситуация была и в уездах. Поэтому принимаемые указы зачастую и оставались на бумаге [20, с. 37—39].

Удерживать влияние в белорусско-литовских губерниях католическому духовенству помогала и его достаточно высокая образованность, что резко отличало его от духовенства других конфессий, и особенно православного. Все католические ордена имели свои новициаты для подготовки монашеских кадров. Высшее духовенство готовили в Главной католической семинарии при Виленском университете, несколько человек проходили обучение в Риме и в Полоцкой иезуитской академии [164, с. 8—11]. Приходское католическое духовенство готовилось в семинариях: в Могилеве (открыта в 1778 г.), в Минске (в 1798 г.), в Белостоке (в 1815 г.), в Бресте, Креславке, Вильно, Иллукште [179, с. 378].

Как ордены, так и католическое приходское духовенство за счет своих фундушей содержали низшие и средние школы для образования молодежи. В Виленском учебном округе в 1808 г. было 76 средних школ, из них 52 школы содержали ордены: францисканцы — 4 школы, бернардинцы — 3, доминикане — 9, пиары — 10, кармелиты древних правил — 1, кармелиты босые — 1, миссионеры — 1, иезуиты — 7, тринитары — 1, каноники латеранские — 1, приходское духовенство — 2 школы [148, т. 2, с. 126, 127, 376]. Все это свидетельствует о том, что католическая церковь имела достаточно учебных заведений не только для подготовки своего духовенства, но также среднее и низшее образование юношества до начала 30-х годов находилось в ее руках.

В 1820 г. были закрыты Полоцкая иезуитская академия и училища. После восстания 1830—1831 гг. правитель-

ство пытается не только уменьшить количество учебных заведений для подготовки духовенства, но и передать образование молодежи в ведение Министерства народного просвещения. Созданная в 1832 г. римско-католическая академия после закрытия Виленского университета переводится в 1842 г. в Петербург. Запрещается готовить духовные кадры за пределами империи, а орденам содержать школы при монастырях. В связи с закрытием ряда монастырей и прекращением деятельности ряда орденов были закрыты и их новициаты. В 1843 г. в Могилевской епархии вместо трех (в Могилеве, Белостоке и Креславке) остается одна семинария — Могилевская, которая в том же году была объединена с Минской. Еще в 1830 г. была закрыта семинария в Бресте, которая готовила кадры для Виленской епархии. Это говорит о том, что правительство не выполняло решения конкордата 1847 г. о наличии семинарии в каждой католической епархии.

Из вышеизложенного можно сделать вывод, что политика правительства, направленная на ослабление влияния католической церкви, началась практически после подавления восстания 1830—1831 гг., когда участие католического духовенства дало повод пойти на закрытие ряда монастырей, а проведение секуляризации церковных имений в губерниях ослабило экономическое положение католической церкви. Тем не менее католическое приходское духовенство продолжало содержать приходские школы для детей, священнослужители работали домашними учителями. Жалованье католического духовенства после секуляризации было более высоким, чем у православного духовенства, и оно находило поддержку у дворянского сословия губерний, которое было в основном католиками.

3.3. Положение православия и его особенности

Положение православной церкви в Речи Посполитой во второй половине XVIII в. было крайне тяжелым. В 1755 г. по сведениям главы Белорусской православной епархии епископа Георгия (Конисского) в ней насчитывалось око-

ло 130 церквей. Неграмотными были не только ее прихожане, но и приходское духовенство [72, т. 1, с. 335]. В связи с этим в 1757 г. король Август III разрешил епископу Георгию открыть в Могилеве православную семинарию с низшими классами. На ее содержание Св. Синод Российской империи отпускал ежегодно 400 руб. Первым ее префектом, вероятно, был Виктор (Садковский). Вторая православная семинария была открыта в Слуцке в 1785 г. На ее содержание Св. Синодом уже выделялась большая сумма — 2000 руб. Но как первая, так и вторая семинария были немногочисленными по количеству семинаристов и повысить образовательный уровень православного духовенства им было не под силу. К моменту вхождения территории в состав Российской империи оно оставалось малочисленным и неграмотным.

Зная нежелание православного духовенства учиться самому и учить своих сыновей, правительство и Св. Синод пытались сделать это посредством специальных распоряжений. Выполняя эти распоряжения, Минская православная консистория приказала, чтобы годные «к учению латинского языка» сыновья священников и церковнослужителей к 1 января 1795 г. были отправлены в семинарию под угрозой оштрафования или отлучения от приходов их отцов. В 1798 г. в Слуцкой семинарии обучались более 70 семинаристов, в 1807 г. — 124, в 1811 г. — 117 семинаристов. Некоторые дети священников Минской епархии получали образование в Черниговской семинарии. Лучшие воспитанники духовных семинарий направлялись на учебу в Киевскую духовную академию [97, с. 313].

В 30-е годы XIX в. православные духовные семинарии Беларуси оставались немногочисленными в сравнении с семинариями российских епархий. Так, в 1837 г. в Могилевской было 384 семинариста, а в Минской — 298 (для сравнения: во Владимирской — 2197, в Тверской — 2170) [90, с. 176]. Необразованным было и монашество, за исключением игуменов. В формулярных списках в графе об образовании они писали о себе: «обучался языкам польскому и русскому» или: «обучался дома грамоте» [77, ф. 2311, оп. 1, д. 16, л. 5 об.].

Так как священников с семинарским и каким-либо другим образованием, несмотря на предпринимаемые правительством меры, было недостаточно, то в основном их должности пополнялись лицами без специального образования и, как правило, сыновьями приходского духовенства. Им надо было сдать экзамен на кафедре, предварительно пройдя проверку у благочинных или у духовных правлений. Затем на некоторое время они поступали в распоряжение «кафедрального экзаминатора», в обязанности которого входила не только проверка знаний, но и обучение кандидатов Катехизису и «прочему, что до священнической должности принадлежит». Кроме одобрения от духовного правления или благочинного, кандидат должен был еще иметь прошение от прихожан о том, что они желают, чтобы он был у них священником, засвидетельствованное местным помещиком [97, с. 459, 460].

Отличительной особенностью православного духовенства Беларуси было отсутствие среди высшей иерархии уроженцев Беларуси. Длительное подчинение Киевской митрополии содействовало тому, что значительная часть высшего духовенства и игумены монастырей были либо выходцами из Малороссии (Украины), либо подготовлены там. В качестве примера можно назвать могилевских православных архиепископов: Георгий (Конисский), Илларион (Кондратовский), Варлаам (Шишацкий), Даниил (Михайловский), т. е. четверо из шести (с 1755 по 1820 г.) были уроженцами из Малороссии [106, с. 7—11].

На протяжении 1780—1796 гг. православное духовенство начало пополняться бывшими униатскими священниками, вряд ли проходившими в то время специальную переподготовку. Полуграмотное и униатское по духу православное духовенство двух епархий — Минской и Могилевской (Белорусской) дополнялось неграмотными прихожанами, в основном из крепостного крестьянства и небольшого количества мещан и шляхты. Еще в 1781 г. Белорусский генерал-губернатор З. Чернышев обратил внимание Екатерины II на то, что в Беларуси есть около двух тысяч православной шляхты, однако настолько бедной, что

она не может принимать участие в дворянских выборах [174, с. 61].

Православное духовенство Беларуси было не только необразованным, но и очень бедным. Главным источником содержания были земельные наделы при церквях, минимум которых составляли 1/5 волюки, максимум — 349 десятин. Церковные наделы обрабатывали сами священники. У православной церкви в отличие от католической и униатской только при некоторых храмах были крепостные крестьяне. Так, например, в Минской епархии из 273 церквей только при 17 было 619 душ обоего пола крепостных. Кроме фундушей, священники пользовались и доходами за совершение треб, за которые брали «сколько сами хотели» [97, с. 461]. Но много ли мог дать крепостной крестьянин?

Естественно, что при таком состоянии духовенства, бедных прихожан православная церковь, хотя по своему статусу и была господствующей в империи, длительное время не пользовалась влиянием среди других конфессий и населения белорусско-литовских губерний. Кроме того, она подвергалась нажиму со стороны как католиков, так и униатов. 17 января 1835 г. Полоцкий православный епископ Смарагд жаловался Витебскому, Смоленскому и Могилевскому генерал-губернатору князю Н. Хованскому на отношение к нему католиков. Он писал, что и сам, и подведомственное ему духовенство встречаются с различными неприятностями со стороны «здешних римско-католических дворян польской нации» [146, с. 74, прилож.]. В другом письме (от 10 октября 1836 г.) читаем: «трудно мне бороться здесь с противниками православия и русского патриотизма» [85, с. 437]. Что касается местных православных, то, являясь выходцем из Малороссии, Смарагд считал их «по религии полуправославными». Его оценка ситуации в крае коротко выражена одной фразой в письме к обер-прокурору Св. Синода Нечаеву (8 января 1834 г.): «Правда, что наша сторона господствующая, но зато противная сторона чрезмерно многочисленная» [94, ф. 797, оп. 87, д. 9, л. 34 об.].

После присоединения униатов в 1839 г. древлеправославное и воссоединенное духовенство находилось, по

образному выражению церковного историка Г. Шавельского, «в положении старых врагов, которых только что заставили примириться без сильного желания и с их стороны» [146, с. 361]. Такую ситуацию осложняло и католическое дворянство, которое пыталось столкнуть эти две пока еще плохо соединимые части православной церкви. Подтверждением этому служит письмо обер-прокурора Св. Синода графа Протасова к Полоцкому епископу Василию Лужинскому в 1840 г. В нем сообщалось, что дворянство Дисненского уезда ходатайствовало перед Св. Синодом о назначении в бывшие униатские приходы древлеправославного духовенства. Однако такую просьбу в Петербурге посчитали «не только неуместной, но даже дерзновенною». По мнению Св. Синода, она не могла быть удовлетворенной по той причине, что воссоединенное духовенство уравнили в правах с православным [94, ф. 796, оп. 205, д. 292, л. 1, 1 об.]. Всего к православию в 1839 г. были присоединены около 1,5 млн униатов. Бывшее униатское духовенство указом от 18 октября 1839 г. уравнили в правах с древлеправославным и был прекращен ряд дел, касавшихся «сращения и отступничества» от православия.

Переход из униатства в православие как для прихожан, так и для духовенства был довольно длительным. В итоге в губерниях Гродненской, Виленской, части Минской и Витебской, где было очень мало древлеправославного духовенства, формировалось довольно специфическое православие, резко отличавшееся от православия в центральных губерниях Российской империи. Это проявлялось прежде всего в нравственном состоянии самого духовенства. Став вдруг православным, оно долго еще было по убеждениям и по сохранению традиций внутрицерковной службы униатским, что вызывало недоверие к нему со стороны верхушки православной церкви империи. Причем недоверие вызывало не только приходское духовенство и прихожане, но и высшее руководство Литовской, Минской и Полоцкой православных епархий. Среди них были бывшие униатские епископы Иосиф Семашко, Василий Лужинский, Антоний Зубко, Михаил Голубович, благодаря деятельности которых и стал возможным факт

присоединения. Но несмотря на это, они оставались иными, чем высшее православное духовенство, даже в отличие от него не были монахами. В некрологе Иосифа Семашко знавший его лично известный историк М. О. Коялович характеризовал митрополита следующим образом: «малоросс, с невольню искаженною польским образованием речью, жаждавший быть русским, невольный униат, жаждавший быть православным» [65, с. 15].

Могилевский православный архиепископ Анатолий (Мартыновский) писал в апреле 1844 г. архиепископу Смарагду (который был в то время архиереем в Астрахани), что Михаил Голубович «в самой Сергиевой лавре и в Москве открыто требовал на посты молока и мяса». Профессор П. Казанский, со слов преподавателя Минской православной семинарии, писал, что Минский православный архиепископ Михаил Голубович требовал от учеников семинарии знания польского языка и не определял в священники тех, кто его не знает. И сам признавался, что «по-славянски не умеет читать и постоянно ошибается». Православным также не нравилось и то, что у преосвященного Михаила в комнатах не было икон [30, № 4, с. 480].

О Полоцком православном архиепископе Василии Лужинском отзывался его преемник на кафедре Савва (Тихомиров). Он писал, что в душе тот остался униатом, допускал и терпел католические и униатские обычаи. И будучи «воспитан вне сферы православных понятий», в течение многих лет обнаруживал «благосклонность, чтоб не сказать льстивые отношения к польским помещикам». И это в то время, когда древлеправославное духовенство у него в епархии «было загнано и унижено» [30, № 4, с. 481]. Естественно, что такое высшее православное духовенство западных епархий встречало недоверие со стороны других православных архиереев. В своих воспоминаниях о том времени Иосиф Семашко отмечал, что многие православные архиереи были убеждены в необходимости высылки «воссоединенного духовенства и замещении онаго древлеправославным» [52, т. 2, с. 373].

Воссоединенное духовенство, о котором много лет спустя, в 1863 г., М. Муравьев напишет как о старых уни-

атах, хотя и принявших православие, но по привычке и обычаю более оставшихся католиками и поляками [30, № 4, с. 483], должно было проходить переподготовку. Но сделать это оказалось не просто. Некоторые из представителей как приходского духовенства, так и бывших базилианских монахов не смогли научиться вести богослужение по православным обрядам, что вносило сумятицу среди верующих много лет спустя. Связано это было с тем, что они плохо знали или совсем не знали русский и церковнославянский языки. Для них в 1841 г. Михаил Голубович по распоряжению Литовского православного архиепископа Иосифа Семашко перевел на польский язык православный пространный Катехизис [68, с. 235].

Долго продолжали работать в приходах воспитанники иезуитских учебных заведений. Так, в 1874 г. в Витебской губернии еще встречались православные священники, окончившие иезуитские училища. Например, в Дерновичском народном училище был законноучителем православный священник Г. С. Клоднитский, который окончил курс Полоцкого иезуитского училища [82, с. 552]. Неудивительно, что Дерновичский православный приход долгое время славился своими переходами в католичество православных и волнениями прихожан.

Проведенная в 1850 г. ревизия в Литовской епархии показала, что ее духовенство не занимается повышением своего образования, только некоторые священники имели Библию, а их дети плохо знали молитвы на церковнославянском языке, не говоря уже о прихожанах. И это несмотря на то, что указом от 6 марта 1845 г. Литовская духовная консистория обязала священников епархии в течение одного года обучить детей священно- и церковнослужителей молитвам на церковнославянском языке. Однако и в 1851 г. консистория вынуждена была признать тот факт, что духовенство мало беспокоится о том, чтобы прихожане знали свою веру и молитвы на церковнославянском языке. Духовенство в свою очередь обвинило во всем помещиков, которые не освобождали крестьян от барщины [55, с. 96, 97, 100].

Шла борьба против использования бывшего униатского облачения, запрещалось духовенству брить бороды и жениться на католичках, крестить дочерей от таких браков в католичестве. Хотя первоначально ношение такой одежды и бритье бороды было разрешено бывшему униатскому духовенству. В октябре 1846 г. священник Поставской церкви Н. Малентович просил Литовскую консисторию, чтобы ему разрешили брить бороду и не отпускать волосы, потому что к этому не могут привыкнуть его прихожане. На его просьбу архиерей Иосиф Семашко наложил резолюцию: «Я испытал уже, что честный, добропорядочный и благоразумный священник заставит всегда прихожан уважать его и иметь к нему доверенность, будет ли он с бородой или без бороды» [57, ф. 1004, оп. 1, д. 1, л. 49].

Нравственное состояние духовенства не могло не оказывать влияния на состояние паствы, которая проявляла в большинстве своем религиозную неграмотность и безразличие в делах веры. Минский православный епископ Михаил Голубович, объезжая в 1848 г. свою епархию (в которой из 535 православных приходов 322 были присоединены из унии), ужаснулся невежеству в вопросах веры сельских прихожан. Он отмечал, что «только старые крестились по-польски и знали, конечно, с ошибками и без смысла польские повседневные молитвы и больше ничего». Тянуло их, по мнению архиерея, больше к костелу, и «только сила гражданских законов удерживает их от перехода в латинство» [70, с. 191, 193].

20 января 1855 г. Витебский, Могилевский и Смоленский генерал-губернатор С. Игнатьев написал в своем отчете императору, что «большая часть крестьян не только не знает ни одной молитвы, но даже на вопрос, какой веры, отвечает: новой веры, и при дальнейшем объяснении прибавляет: прежде были польской, а теперь, кажется, русской» [51, с. 235, 236].

Формальное причисление бывших униатов к православию в некоторых местах вызывало их сопротивление духовным властям. 13 декабря 1844 г. обер-прокурор Св. Синода граф Н. А. Протасов написал Полоцкому православному

ному архиепископу Василию Лужинскому, что по сведениям, полученным от Витебского, Смоленского и Могилевского генерал-губернатора, в Дерновичском приходе некоторые из прихожан отказываются ходить в церковь и в погосте Дерновичи оказалось 28 некрещеных детей, 7 детей умерли некрещеными, 28 крестьян умерли и похоронены без соборования и отпевания [94, ф. 796, оп. 205, д. 292, л. 4]. Волнения в этом приходе продолжались до конца 50-х годов. Сенатор М. П. Щербинин предложил посылать православных миссионеров в воссоединенные приходы западных губерний. «Разве они пришли к православной церкви от язычества, от магометанства или от какой еретичествующей церкви, — писал митрополит Иосиф Семашко 20 февраля 1858 г. в Св. Синод, имея в виду униатское духовенство, — но справедливо ли, до сих пор еще делать разницу между древлеправославными и воссоединенными священниками» [52, т. 2, с. 635].

Изменилось отношение и к образованию православного духовенства и прихожан. В ведение православных епархий перешли в 1839 г. бывшие униатские семинарии в Полоцке и Жировичах. 27 февраля 1846 г. был принят указ Св. Синода об увеличении числа училищ для обучения детей духовенства и крестьян при православных монастырях и приходских церквях [77, ф. 1297, оп. 1, д. 16338, л. 1]. При некоторых православных церквях и в отдельных имениях стали открываться частные и казенные школы. Так, в 1850 г. в Литовской православной епархии было открыто 37 церковноприходских школ с 56 учителями и 1211 учениками, а в 1860 г. их было 150 с более чем 1700 учениками [55, с. 469, 472]. К 1858 г. из 535 приходских церквей Минской православной епархии при 222 были заведены училища, в которых обучались 2 тыс. учеников [70, с. 241]. Но несмотря на поддержку, которую оказывали губернские власти, помещики-католики, очевидно, все же пассивно, но сопротивлялись обучению крепостного крестьянства. В 1858 г. Св. Синод, рассмотрев рапорт Минского православного архиепископа Михаила Голубовича о состоянии его епархии, отметил, что «помещики равнодушны к религиозно-нравственному об-

разованию крестьян в их имениях, а некоторые из них оказывают противодействие» [94, ф. 1284, оп. 225, д. 57, л. 1].

Традиционно православная церковь Российской империи стремилась вести миссионерскую деятельность среди старообрядцев, хотя в западных губерниях она была не очень успешной. В отчете Витебского гражданского губернатора Клушина за 1859 г. называется общее количество старообрядцев — 37 867 чел., из них в том же году перешли в православие только 14 чел., к единоверию присоединился 21 чел. Губернатор считал, что незначительные переходы в 1859 г. следует отнести главным образом к равнодушию православного духовенства. Мнение губернатора вызвало недовольство Полоцкого православного архиепископа Василия Лужинского, который в качестве примера привел сведения за 1851—1852 гг., когда наблюдались присоединения к единоверию в большом количестве: около 4 тыс. поповцев и беспоповцев, 6 наставников, составивших 7 православных приходов. Лужинский отметил также, что никакого стремления у старообрядцев к переходу в православие он не замечал [94, ф. 796, оп. 205, л. 2—3].

Литовский правосудный митрополит Иосиф Семашко относился к миссионерской деятельности православного духовенства среди старообрядцев иначе. В 1852 г. он написал обер-прокурору Св. Синода графу Н. А. Протасову, что находит действия против старообрядцев в Западном крае нежелательными. По его мнению, православное духовенство должно считать русских старообрядцев друзьями, чтобы заручиться их поддержкой в борьбе против католичества [55, с. 331—334]. Такое мнение вытекало из знания специфики православного духовенства этих губерний и тех условий, в которых оно находилось.

Таким образом, несмотря на все усилия царского правительства стабилизировать положение православной церкви в западных губерниях, повысить ее значимость в общественной жизни, сделать это в полной мере в течение первой половины XIX в. не удалось. И хотя ликвидация униатской церкви и присоединение ее к православной значительно увеличили количество православного

духовенства и верующих, улучшили ее материальное положение, сделали эту конфессию преобладающей по численности в крае, роль общественно-политического лидера оставалась за католичеством. Среди причин, очевидно, выпавших из поля зрения царского правительства, можно назвать недостаточную кадровую, материальную и другую реальную помощь православию. Те средства и усилия, которые направлялись сюда, были несоразмерны с потребностями. Ибо в отличие от православной церкви великороссийских епархий, где была довольно ощутима поддержка русского дворянства, здесь таковой не было. Местное дворянство, в большинстве своем принадлежавшее к католической церкви, не только не поддерживало православную, но и старалось при первой возможности оказать противодействие в отношении правительственных указов, направленных на укрепление позиций православия.

Само же православное духовенство, что особенно проявилось после присоединения к нему униатов, отличалось низким уровнем образования, привязанностью к традициям униатской церкви, более тяготело к католичеству, чем к православию. Это в свою очередь вызывало недоверие со стороны Св. Синода, царского правительства, древлеправославных священников белорусско-литовских губерний, что, естественно, затрудняло «врастание» этой части духовенства в православие, накладывая на него специфический оттенок.

Глава 4

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ МЕЖКОНФЕССИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ

4.1. Переходы и их регламентация

Присоединив новые территории, характерной особенностью которых было наличие многоконфессиональности, правительство Российской империи столкнулось с проблемой их взаимоотношений. Весь спектр этих взаимоотношений довольно велик и сложен. Наиболее важными из них, очевидно, были те, которые требовали постоянного правительственного вмешательства. Это прежде всего смена вероисповеданий, что требовало выработки специального законодательства по регламентации переходов, смешанных браков и так называемых «ритуальных убийств».

Причины, вызывавшие массовые переходы в различные отрезки времени, довольно разнообразны. В 1780—1795 гг. они были связаны с деятельностью среди униатских верующих православных архиепископов Георгия (Конисского) и Виктора (Садковского). В 1795—1825 гг. вмешательство католической церкви в униатские дела, а униатской церкви — в деятельность православной спровоцировало массовые переходы внутри этих трех конфессий. Переходы 1833—1836 гг. явились следствием миссионерской деятельности Полоцкого и Виленского православного епископа Смарагда (А. Крыжановского) среди униатов и католиков своей епархии. После ликвидации униатской церкви почти два десятилетия шла «разборка» бывших униатов между католической и православной церквями.

На протяжении всего исследуемого периода наблюдались и менее многочисленные переходы из одной конфессии в другую, обусловленные желанием выйти замуж за иноверца, возвращением в веру своих родителей, стрем-

лением занять более высокий пост или воспользоваться правами других сословий, личным интересом к другому вероисповеданию, желанием уйти в монастырь, уклониться от уголовной ответственности и т. д. Переходы были как добровольными так и принудительными. Добровольные — это единичные переходы по личному заявлению, а также согласие прихожан изменить веру вместе со своим священником. Принудительными были переводы еврейских детей в христианство без согласия их родителей; давление местных властей на униатов, старообрядцев, католиков, не желавших переходить в православную веру и т. д. Как одни, так и другие процессы не всегда проходили безболезненно, зачастую вызвали распри между духовенством разных конфессий, столкновения с местными властями, жалобы в Петербург и соответствующие распоряжения и указы со стороны правительства.

Ставку на правительственную поддержку делали православные иерархи, вмешиваясь в дела униатов. Уже 9 октября 1772 г., т. е. через месяц после объявления о первом разделе Речи Посполитой, Белорусский православный епископ Георгий (Конисский) сообщал в Св. Синод, что «униатские священники и целые приходы» просят принять их «по их добровольному и издревле крившемуся в сердце желанию во благочестие» [64, с. 122]. Подобные сообщения посылал он неоднократно и позже. Но и правительство Екатерины II и Св. Синод призывали его удерживаться от принятия униатских верующих в лоно православия, указывая на то, что еще не наступило для этого время [64, с. 122, 125].

Такое положение сохранялось до 1780 г., когда в ответ на очередное обращение епископа Георгия (Конисского) Белорусский наместник З. Г. Чернышев после отъезда Екатерины II из Могилева сказал ему: «теперь вам свободно без сомнения принимать целыми селениями и с церквями желающих присоединиться к православному нашему исповеданию». 2 июля на имя З. Г. Чернышева поступил рескрипт, которым было разрешено назначать православных священников на вакантные места в униатские приходы, если того хотели прихожане [64, с. 197].

Результаты не замедлили сказаться. 7 июля 1780 г. епископ Георгий (Конисский) представил Св. Синоду сведения о присоединении к православию 66 униатских церквей с 385 069 прихожанами, 35 священниками, 95 дяками и членами их семей. 28 сентября 1782 г. он сообщил о присоединении 17 церквей и 17 824 прихожан, 19 мая 1783 г. было сообщено о присоединении еще 12 церквей с 9680 чел. В большинстве случаев присоединялись приходы, где новыми владельцами деревень стали русские (П. В. Завадовский, И. Н. Михельсон, Н. Л. Воронин, И. Н. Римский-Корсаков, Д. В. Каховский, князь А. М. Голицын и др.) [35, с. 2—6]. Естественно, что по этому вопросу православному епископу было легче договориться с новыми владельцами имений, русскими-православными, чем с бывшими — помещиками-католиками.

В конце XVIII в. началась новая волна переходов униатов в православие и католичество. Это спровоцировало обострение отношений между руководством трех основных конфессий территории и сопровождалось волнениями прихожан-униатов. Толчком послужил указ от 22 апреля 1794 г. «Об устранении всяких препятствий к обращению униатов к православной греческой церкви» [88, т. 23, с. 509]. Указ был издан в то время, когда в Речи Посполитой началось восстание. Вероятно, Екатерина II рассчитывала на поддержку православного населения новых земель, присоединенных в 1793 г. (Минщины, Вольтыни и Подолии). К указу прилагалась пастырская грамота Минского, Изяславского и Брацлавского православного архиепископа Виктора (Садковского).

Выполняя его, руководство наместничеств в ряде случаев явно перестаралось. Так, полоцкий наместник М. Лопатин не только отдавал распоряжения о надзоре за выполнением этого указа, но и собирал у себя униатских священников, стараясь уговорить их перейти в православие. Кроме того, он просил Полоцкого униатского архиепископа Ираклия Лисовского, чтобы тот благословил униатских священников на переход в православие. Такие действия вызвали ряд жалоб на местные власти в Петербург. Белорусский генерал-губернатор З. Г. Чернышев

объявил наместнику Лопатину выговор за проявленную «неосторожность» [33, с. 11].

Присоединение сопровождалось волнениями униатских прихожан, которые произошли в 1795 г., например, в мест. Микулин Бабиновичского округа, мест. Любавичи Оршанского уезда. Новый епископ Могилевской православной епархии Афанасий (Вальховский) писал в Св. Синод, что такие бунты вызваны действиями католических ксендзов и помещиков-католиков и если «не будут предприняты меры, то не только никакого в обращении униатов в православие успехов надеяться нельзя, но предвидеть можно, что и прочие церкви, обратившие в благочестие, таки совертятся в унию со вредными происшествиями» [33, с. 24, 25].

В Минской православной епархии первое обнаружение «пастырской грамоты» произошло летом 1794 г. и особого успеха не имело: присоединилась только одна церковь с 849 прихожанами. Это вызвало беспокойство архиепископа Виктора (Садковского) и генерал-губернатора Т. Тутолмина. Но предпринять они ничего не успели, так как в связи с восстанием в губернии сложилась неблагоприятная обстановка. Минский губернатор Неклюев написал архиепископу Виктору, что народ давно отторгнут «от прародительской их веры и сколь трудно будет потому обращать их к древнему благочестию» [97, с. 243, 574]. Но несмотря на неблагоприятную обстановку в Минской губернии, совместными усилиями губернских властей и православного руководства к январю 1795 г. было присоединено 124 церкви, 39 часовен, 15 священников и 79 953 прихожанина [97, с. 263]; в Могилевской православной епархии — 105 церквей с 34 священниками и около 120 тыс. прихожан [38, с. 8].

Одновременно шел процесс перехода униатов в католичество. Униатская конфессия оказалась зажатой между православием и католичеством. Противостоять как первой, так и второй ей было не под силу. За православием стояло царское правительство, за католичеством — богатство и влияние высшего сословия белорусско-литовских губерний. 18 марта 1797 г. Павел I издал манифест

«О нестеснении свободы тем, кои от других исповеданий к православной церкви присоединиться пожелают». Его обязаны были читать всенародно и «на всяком публичном месте» [331, с. 42]. Однако политика Павла I была непоследовательной. Секретный рескрипт (1798 г.) о не-принуждении униатов к принятию «греческой веры» был отходом от политики Екатерины II. В указе Св. Синода от 15 декабря 1798 г. было отмечено, что Белорусское губернское правление поступило крайне неосмотрительно, опубликовав этот секретный документ [94, ф. 97, оп. 2, д. 544, л. 1, 2]. Руководствуясь вышеназванными документами, православная церковь была вынуждена оставить в покое униатство на достаточно длительный срок.

Этим воспользовалась католическая церковь, не взирая на то, что 16 июля 1774 г. был подтвержден декрет Папы Римского Урбана VIII о запрещении униатам переходить в католичество [64, с. 201]. 15 марта 1801 г. председатель Римско-католического департамента в Петербурге католический епископ Бениславский внес предложение — разрешить униатам переходить в католичество [18, с. 29, 30], которое нашло поддержку у католического духовенства белорусско-литовских губерний. В результате его деятельности в 1803 г. в Полоцкой униатской епархии перешло в католичество около 100 тыс. (по другим сведениям около 200 тыс.) униатов, в Дисненском и Вилейском уездах Минской губернии — около 200 тыс. униатов [62, с. 170; 52, т. 1, с. 55] и т. д.

Правительство, учитывая мнение католического митрополита С. Богуша-Сестренцевича и униатского митрополита И. Лисовского, вынуждено было принимать меры по сохранению целостности униатской церкви. 26 июля 1806 г. было решено униатов, которые перешли в католичество, не считать в Могилевской католической епархии, а вернуть в состав Полоцкой униатской («униатов не принимать в римский обряд ни под каким видом»). 25 октября 1807 г. были подтверждены все указы, которые сохраняли целостность униатской церкви [2, т. 16, с. CVII, CIX]. 8 августа 1810 г. был издан указ о сроке давности для тех, кто оставил униатство. Сенат определил его с 1798 г. При

этом в указе оговаривалось, чтобы римско-католический митрополит «возвратил униатским только самих униатских священников, перешедших в обряд римско-католический с их приходом, не касаясь в особенности тех униатов, которые с давних времен ими от родителей еще состоялись» [94, ф. 821, оп. 1, д. 9, л. 111].

Однако и сама униатская церковь не оставалась в стороне от конфессиональных споров. С конца XVIII в. она активно вмешивалась в дела православной церкви, что привело к жалобам со стороны последней в Св. Синод. Указом от 28 августа 1797 г. было запрещено униатским священникам проводить агитацию среди православного населения о переходе или о возвращении его в унию. Несмотря на это, в первой трети XIX в. Минская православная духовная консистория неоднократно рассматривала дела о переходе православных в униатство [77, ф. 136, оп. 1, д. 4986; ф. 3219, оп. 1, д. 40, л. 1 и др.].

Начиная с конца 20-х годов XIX в. царское правительство и высшее православное духовенство стали рассматривать униатов, так же как и старообрядцев, как бывших православных, которых необходимо было вернуть в лоно православной церкви. Руководствуясь такого рода соображениями, а также стремясь заняться среди них миссионерской деятельностью, Полоцкий и Виленский православный епископ Смарагд (А. Крыжановский), назначенный в новую епархию в 1833 г., «решился лично утвердить оных христиан в православии» [146, с. 5 (прил.)]. В его поле зрения попали также и католики. После присоединения в августе 1833 г. в Велижском уезде 700 католиков с костелом епископ Смарагд написал обер-прокурору Св. Синода С. Нечаеву, что «это все равно, что из зубов волчьих выхваченная, еще живая добыча» [146, с. 7 (прил.)].

Общее воссоединение униатов с православными епископ Смарагд считал возможным разве что только в далеком будущем и поэтому стоял за частное присоединение, рассчитывая, таким образом, по частям перевести всех униатов в православие. В письме к обер-прокурору он писал, отъезжая на «миссию» 14 сентября 1833 г., что «приобрести сердца закоренелых в заблуждении униатов и поля-

ков при нынешнем быстром обращении целых тысяч из унии к православию, поверьте, невозможно», что «присоединение одного прихода подает надежду и располагает к присоединению другого и, чем больше присоединено, тем больше может присоединиться приходов» [146, с. 9 (прил.)].

По подсчетам историка А. Сапунова, за 1833—1835 гг. в Полоцкой православной епархии в православие перешли 1814 католиков и 122 418 униатов [101, с. 126] в результате миссионерской деятельности епископа Смарагда. В связи с этим у него обострились отношения с униатскими епископами Иосифом Семашко и Василием Лужинским, которые были сторонниками полного воссоединения путем постепенной подготовки реформирования церкви. С другой стороны, начались волнения среди униатского населения, которое в ряде случаев поддерживало свое духовенство. Насколько при присоединении были часты волнения униатских верующих, можно заключить из свидетельства самого Смарагда, сообщавшего обер-прокурору Св. Синода 8 августа 1835 г., что в это время в 11 (из 50) присоединенных приходов (например, в Струньском, Юровичском, Городейском, Мишневичском, Лепельском и др., а особенно в Ушачском Лепельского уезда) происходили сильные волнения воссоединенных [146, с. 143].

Проблема переходов и их регламентация между православной, католической и униатской (теперь уже бывшей) конфессиями не утратила своей актуальности и после 1839 г. Ситуация, сложившаяся в 40—50-х годах XIX в., была непростой. Оказывая в ряде случаев пассивное сопротивление властям, бывшие униаты переходили в католичество. Первоначально в вопросах, связанных с их возвращением в православие из католичества, губернские власти старались действовать достаточно осторожно. Так, Витебский, Смоленский и Могилевский генерал-губернатор П. Н. Дьяков, отдавая 23 апреля 1840 г. указания военному уездному начальнику II округа Витебской губернии полковнику Агатонову относительно его действий в Дриссенском уезде, писал, что необходимо «действовать в отношении к ним (бывшим униатам. — *Е. Ф.*) со всею

осторожностью и благоразумием, не допуская никаких насилий, могущих произвести неприятные последствия и вредные толки, но всевозможно стараясь наиболее кроткими убеждениями вразумлять и склонять их к исполнению долга» [77, ф. 2646, оп. 1, д. 128, л. 1,1 об.].

17 апреля 1842 г. Св. Синод официально приказал православному духовенству Литовской, Минской, Полоцкой и Могилевской православных епархий начать возвращение в православие из католичества бывших униатов. Дело это было нелегким и деликатным. При этом ответственность за переходы возлагалась на католическое духовенство, которому запрещалось проводить агитацию среди бывших униатов, принимать их к исповеди. Процесс перераспределения прихожан должен был проходить следующим образом: католическое духовенство составляло списки прихожан своих приходов и передавало их православному духовенству. Списки проверялись православным духовенством, подписывались, заверялись печатями и затем возвращались католическому ксендзу для хранения в приходском архиве. Если православный священник считал, что некоторые лица в списке католического прихода являлись православными (т. е. бывшими униатами), то запрашивались выписки из метрических книг их родителей для определения конфессиональной принадлежности. Так, 2 декабря 1843 г. в Виленскую римско-католическую консисторию поступила информация от новоалександровского декана, в которой сообщалось, что администратору Заверского костела ксендзу Тромбовичу вернул списки священник Лучицкий из Браславской православной церкви. Последний отметил некоторых лиц в списке, таких как И. М. Свидинский и В. И. Высоцкая с сестрами, у которых родители были православными. Но при разборе дела выяснилось, что И. Свидинский, как и его отец, были крещены в католичестве и веру менять не собирались. Высоцкие показали, что мать их была первоначально униаткой, а затем перешла в католичество [13, F-57-5-54-5, л. 2, 3].

Отсутствие четких установок для православного духовенства, как проводить возвращение бывших униатов,

нежелание части последних переходить в православие, противодействие со стороны католических ксендзов вносили сумятицу в процесс перераспределения, затягивая его на долгие годы. С 1843 по 1849 г. рассматривалось дело бывших униатов крестьян Цехановецкого православного прихода Литовской православной епархии, которые перешли в католичество. С 1849 по 1859 г. разбиралось дело о крестьянах Порозовского православного прихода той же епархии [78, ф. 1, оп. 5, д. 1357, л. 19; д. 1614, л. 2].

На примере некоторых католических приходов Минской католической епархии можно видеть, насколько затянулось перераспределение бывших униатов (см. приложение 30). В 40—50-е годы в Департамент иностранных дел Министерства внутренних дел поступали жалобы католического духовенства этой епархии из Пинского, Смиловичского, Забельского, Раковского, Брагино-Селецкого и других католических приходов на насильственный перевод их прихожан в православие [77, ф. 1781, оп. 32, д. 89, л. 27, 27 об., 22 об., 30]. Департамент иностранных исповеданий 14 марта 1844 г. сообщал Витебскому, Смоленскому и Могилевскому генерал-губернатору, что митрополит римско-католических церквей в России Игнатий Павловский передал ряд жалоб разных католических приходов «на притеснения и истязания», которым они подвергаются со стороны комиссий по возвращению в православие бывших униатов. Сущность этих жалоб, по мнению департамента, состояла не только в возвращении в православие бывших униатов, но и в принуждении католиков к принятию православия. Министр внутренних дел приказал принять меры «к прекращению производящих и противозаконных мер буде оные допускаются» [77, ф. 1297, оп. 1, д. 11279, л. 57].

Переходы из православия в другое христианское исповедание были запрещены законами Российской империи. Поэтому каждый такой переход рассматривался судом. 20 декабря 1826 г. Дисненский земский уездный суд слушал дело о прихожанах Друйской Благовещенской православной церкви, которые перешли из православия в старообрядчество. Л. Естафьев, Ф. Медведев, М. Медведев ро-

дились от браков православных со старообрядцами. Им было объявлено, что если они «добровольно не примут миропомазание и не возвратятся в свою религию, что по указу 1800 г. 30 марта сослать оных на поселение» [77, ф. 76, оп. 2, д. 505, л. 51, 51 об.].

В основном переходы между другими христианскими конфессиями были незначительными. Если они не были переходами из православия в католичество, то разрешались. Так, в 1852 г. Департамент иностранных исповеданий Министерства внутренних дел разрешил перейти в лютеранство из католичества воспитанникам Брестского кадетского корпуса Юрию Бреннеру и Михаилу Келлеру по просьбе их отцов-лютеран отставного капитана Келлера из Слонима и председателя Гродненской палаты уголовного суда надворного советника Бреннера [78, ф. 1, оп. 5, д. 1360, л. 1].

Шляхтянка С. Кемпненская, жительница мест. Изабелин Гродненской губернии, просила в январе 1827 г. оставить двух ее племянниц Веронику и Софью в кальвинизме. Их отец был кальвинистом, а мать — католичкой. При разборе этого дела министр народного просвещения и главноуправляющий духовными делами иностранных исповеданий отметил: родители при заключении брака условились, что сыновья будут приписываться в вере отца, а дочери — в вере матери. Но по высочайшему разрешению им было позволено присоединиться к кальвинизму [78, оп. 2, д. 2081, л. 9, 9 об., 11].

Любое, даже самое незначительное дело о переходах, косвенно касающихся православия, решалось в его пользу. Так, 28 мая 1845 г. Департамент иностранных исповеданий Министерства внутренних дел высказался против возвращения Виленской католической консисторией двух старообрядок (бывших католичек) на том основании, что «так называемые старообрядцы не составляют особенного исповедания, а по происхождению своему принадлежат к господствующей православной церкви» [57, ф. 378, о/о, 1845, д. 70, л. 1, 1 об.].

Хотя и крайне редко, но наблюдались переходы из христианского исповедания в иудаизм и ислам. Это, как

правило, вызывало негативные отклики со стороны правительства. По законодательству за попытку перейти в нехристианские исповедания лишали всех прав и состояния и отправляли на каторжные работы в крепостях от 8 до 10 лет, хотя и не всегда на практике такое решение выполнялось [94, ф. 821, оп. 150, д. 800, л. 4]. 25 июня 1818 г. Могилевский гражданский губернатор сообщил министру духовных дел и народного просвещения князю А. Голицыну, что в мест. Лиозно проживает еврейка Двора Абрамова 23 лет, которая раньше была католичкой, жила в мест. Шавли и называлась Людовиной Кестович. При допросе она заявила, что изменить веру ее уговорили сморгонские евреи Раха и ее муж Илья. Веру она меняла у раввина Хаима в мест. Новориске, после чего вышла замуж за Ицку Лейбовича, а затем, после развода, за Гирша Давидовича из мест. Лиозно. При проведении дальнейшего следствия были выявлены еще две женщины, бывшие христианки, перешедшие в иудаизм. Князь А. Голицын посчитал, что «совращенных надо подвергать не столько строгости законов, сколько церковному покаянию». Женщины были отправлены в монастыри. Что же касается «совратителей, — писал министр, — то они гораздо более виновны, а потому и заслуживают строгое наказание, законами положенное» [94, ф. 1282, оп. 2, д. 200, л. 1, 3].

Что же касалось обратных переходов (из нехристианских в христианские), то они были не только разрешаемы, но и поощрялись властями. Хотя применение насилия не поощрялось правительственными указами, тем не менее на протяжении первой половины XIX в. переходы из иудаизма в христианство происходили как насильственно, так и добровольно. В первую очередь христианские конфессии обращали внимание на еврейских детей. В 1801 г. из Римско-католической коллегии в Петербурге поступил в Могилевскую римско-католическую консисторию указ. Он был связан с тем, что студенты Мстиславской иезуитской коллегии против воли родителей забрали в монастырь двух малолетних еврейских детей Иоселя и Янкеля, как было сказано в указе: «под нелепым предлогом, якобы те малолетние сами собою избрали католическую

веру». Коллегия решила, что этот «поступок не только неособразный ни с общими правилами христианской веры насилия не терпящей, ни с государственными законами всякий подговор и обольщение строго наказующими» [77, ф. 1781, оп. 3, д. 51, л. 3].

Особенно сильный нажим был на рекрутов и кантонистов из евреев, которые под давлением военного начальства вынуждены были переходить в христианство, но при первом удобном случае старались вернуться обратно в иудаизм, за что их могли привлечь к уголовной ответственности. Очевидно, такая политика вызвала ряд жалоб со стороны иудейского населения и 11 марта 1849 г. был принят указ, в котором обращалось внимание на то, чтобы при переводе рекрутов и кантонистов-евреев не употребляли никаких насильственных мер, так как это противно духу христианского учения. В соответствии с указом к ним велено было не посылать молодых и неопытных унтер-офицеров, которые, «увлекаясь излишним усердием, могут своими настояниями вызвать согласие, основанное не на убеждении и потому шаткое, не прочное» [77, ф. 2617, оп. 1, д. 759, л. 2].

Архивные дела не всегда дают представление о побуждениях сменить веру. Ряд переходов был добровольным. Подавали просьбы об изменении веры молодые девушки, которые хотели уйти в монастырь или выйти замуж за иноверца. Для мужчин переходы были связаны с желанием сделать карьеру, перейти в другое сословие, избавиться от рекрутства и т. д. Добровольно, например, приняли крещение в старообрядческом Лаврентьевом монастыре два еврея из г. Белицы, желая пользоваться правами мещан-христиан. Указом от 5 июля 1838 г. Николай I приказал поручить местному православному руководству уговорить этих евреев, которые при крещении получили имена Родион Филипов и Семен Аврамов, принять православие. В противном же случае не предоставлять им льгот, которыми пользуются евреи, принявшие православную веру [103, с. 241]. Добровольно был крещен в июле 1820 г. в мест. Улла в приходском костеле раввин Моисей Шнеерсон, принявший имя Леон Юлевич. Об

этом свидетельствовала и метрическая выписка. Однако еврейское общество этого местечка обвинило бывшего раввина в помешательстве и просило Могилевского гражданского губернатора освидетельствовать раввина «на предмет помешательства» [77, ф. 178, оп. 3, д. 51, л. 102].

В основном на протяжении всего исследуемого периода из иудаизма чаще всего переходили в католичество. Очевидно, это было связано с тем, что православие в белорусско-литовских губерниях не было популярным, а католичество представляло дворянское сословие. Некоторая часть «выкрестов», как их называли, пытались вернуться обратно в иудаизм, хотя это и грозило привлечением к суду. В таких случаях еврейские общества пытались им помочь, прятали их у себя или доставали заграничные паспорта [77, ф. 1297, оп. 1, д. 11016, л. 13].

Для тех, кто оставался в христианстве, судьба не всегда была благосклонной. В 1840 г., по сведениям Могилевского гражданского губернатора, евреи, которые принимали крещение, большей частью были бедными и в результате изменения вероисповедания лишались не только пособия и покровительства со стороны своих богатых соплеменников, но и становились их врагами. С другой стороны, они не находили поддержки и у христианского общества. Многие из «выкрестов», «не сделав ни малейшего зла, подвергаются лишения прав состояния и ссылки на поселения лишь за то, что они в определенный законом срок не избрали себе рода жизни» [94, ф. 1269, оп. 1, д. 10, л. 9].

В связи с такими случаями 11 февраля 1842 г. был принят указ Сената о евреях, которые желали принять христианскую веру. В нем говорилось, что: 1) при принятии христианской веры евреями совершалось крещение и над малолетними их детьми до 7 лет; если веру принимал только отец или мать, то крестить надо было в первом случае сыновей, а во втором — дочерей; 2) тех евреев, которые приняли христианство и вступили в духовное звание, исключали из податного сословия, в котором они ранее находились; 3) взрослым евреям, перешедшим в православие, выдавалось пособие от 15 до 30 тыс. руб.

серебром, а детям — половина суммы; 4) крещенные евреи по объявлению капитала принимались в гильдейское купечество, остальные приписывались без предварительного согласия к земледельческому, мещанскому или ремесленному обществам [94, ф. 1269, оп. 1, д. 10, л. 48].

Изменением вероисповедания иногда пользовались для получения льгот, особенно в связи с уголовными нарушениями. 20 ноября 1825 г. было утверждено мнение Государственного Совета по представлению Сената о делах об иноверцах, осужденных за смертоубийство и другие преступления, которые, перейдя в православие, рассчитывали на отмену решения суда. В качестве примера было представлено дело еврейки Дворки-Естерки Иоселевой, которая четыре раза предпринимала попытки поджечь дом Зискеля Берковича Ляда. За это 1-й департамент Гродненского главного суда приговорил ее к битью кнутом и ссылке на каторжные работы. Но еще до исполнения приговора она объявила о добровольном желании перейти в православие, рассчитывая на отмену приговора. Такие случаи было решено оставлять для окончательного решения Св. Синода [50, с. 5—12].

В первой половине XIX в. мусульмане также стремились перейти в католичество. Таких случаев было немного, и все они были только добровольными. Виленский военный губернатор и генерал-губернатор Гродненский, Минский и Ковенский затребовал от Минского гражданского губернатора информацию о случаях крещения новогрудскими доминиканами нескольких татарок, которых вроде бы в костел сопровождали гусары. По сведениям чиновника по особым поручениям в Новогрудке действительно в 1844—1852 гг. в доминиканском заштатном монастыре были окрещены 6 мусульманок. Среди них были Ханифа Кустинская (получила при крещении имя Мария Юзефа), которая вышла замуж за писаря Дикова из гусарского полка; Фатима Александрович (получила имя Петрунела), вышла замуж за новогрудского мещанина Гладышевского; христианство приняла и ее дочь Ханифа (стала Анелей); Ханифа Маторанка, принявшая также католичество, вышла замуж за трубача из того же гусарс-

кого полка, и др. Как отметил новогрудский декан Эйсмонт, «татарки приняли латинскую христианскую веру добровольно» и с разрешения министра внутренних дел. Гусары их сопровождали в костел, так как девушки якобы боялись мести со стороны единоверцев [77, ф. 295, оп. 1, д. 1224, л. 4, 5].

Православная церковь продолжала разрабатывать дальнейшие планы миссионерской деятельности среди нехристианского населения. 8 мая 1859 г. Минский православный архиепископ Михаил Голубович по этому поводу высказал свои предложения Св. Синоду. Среди них: открытие миссионерского отделения при консистории, в основном из новокрещеных евреев, которые бы распространяли христианство среди иудеев. Кроме них в его состав, по мнению архиепископа, должны были входить 1 или 2 воспитанника миссионерского отделения Петербургской православной академии, которые бы знали иврит, идиш и историю иудаизма [77, ф. 136, оп. 1, д. 28725, л. 3].

Смена вероисповеданий была связана и с нехваткой церковных зданий. При необходимости (крещение ребенка, похороны) верующие вынуждены были обращаться в ближайший христианский храм. Родители-католики, например, могли окрестить своего ребенка в униатской церкви (это было разрешено Папой Римским) и ребенок регистрировался в метрических книгах уже как униат. Полоцкий и Виленский православный епископ Смарагд (А. Крыжановский) писал 2 января 1834 г. Витебскому, Могилевскому и Смоленскому генерал-губернатору князю Н. Н. Хованскому, что в Виленской губернии из-за недостатка православных церквей православные переходят в католичество и раскол [85, с. 428].

Распространенные переходы (особенно в конце XVIII — первой трети XIX в.), когда униаты, жители одной деревни, добровольно могли за короткое время перейти в православие, затем вернуться в униатство, а через некоторое время перейти в католичество (при этом оставался все тот же священник и храм), кроме того, еще и смешанные браки приводили как бы к стиранию различий между конфессиями.

4.2. Смешанные браки

Важным элементом межконфессиональных отношений в белорусско-литовских губерниях были смешанные браки. Христианам разных конфессий в ВКЛ разрешалось вступать в такие браки. Законодательно это было оформлено решениями Варшавского сейма 1768 г. и трактатом 1775 г. (между Речью Посполитой и Российской империей). Дети от таких браков должны были воспитываться: мальчики — в вере отца, девочки — в вере матери. При этом браки православных или протестантов с католиками заключались священнослужителями того исповедания, к которому принадлежала невеста. Для шляхты допускалось заключение брачного контракта, определяющего конфессиональную принадлежность детей в соответствии с волеизъявлениями сторон [32, с. 76].

После присоединения территории ВКЛ к Российской империи в смешанные браки стали вступать и русские чиновники, которые приезжали на работу в новые губернии. Однако, находясь под влиянием матерей (католичек или униаток), дети от этих браков чаще всего воспитывались в их вере. На такой аспект обратил внимание Св. Синода Белорусский православный епископ Георгий (Конисский). Указом от 6 февраля 1777 г. Белорусскому генерал-губернатору графу З. Г. Чернышеву было приказано разъяснить русским чиновникам, что они могут вступать в смешанные браки в соответствии с решением Св. Синода от 18 августа 1721 г., согласно которому дети от этих браков, как мальчики, так и девочки, должны были воспитываться только в православной вере.

Обнаружилось также, что при заключении смешанных браков между православными и представителями других христианских конфессий нередко допускались нарушения канонических норм православной церкви. Так, архиепископ Псковской православной епархии Иннокентий (Нечев), в состав которой входила до 1795 г. часть Витебщины, сообщал в Св. Синод, что униатские священники венчают униатов с православными, несмотря на близкие родственные отношения. В целях избежания подобного 22 августа

1783 г. Сенат издал дополнительный указ о смешанных браках, согласно которому православные, которые вступали в такой брак, должны были обязательно обращаться за разрешением в православную консисторию [63, с. 80,81]. Эти указы были подтверждены 9 января 1805 г., когда в Св. Синод поступили сведения об венчании военнопленных-православных, находившихся на территории западных губерний, с католичками [10, т. 1, с. 288—291].

В 1830 г. Государственный совет вновь вернулся к вопросу «о браках разных вер в возвращенных от Польши губерниях». Этот вопрос готовил Д. Н. Блудов. Совет подтвердил для этих губерний нормы 1768 г., не существенно ограничил свободу брачных контрактов, запретив соглашения, «по коим бы все дети могли быть воспитываемы в иной христианской вере, кроме греко-российской». Это решение Госсовета и было утверждено императором 30 сентября 1830 г. [32, с. 77].

Вопрос о смешанных браках и воспитании детей от этих браков рассматривался и Комитетом Западных губерний. 28 ноября 1831 г. члены комитета обсудили предложения Гродненского губернатора М. Н. Муравьева об отмене закона об оставлении дочерям веры матери, а сыновьям — веры отца. Комитет не поддержал это предложение, отметив, что «сим положится совершенная преграда в заключении брачных споров между русскими и поляками и сие отдалится желаемое слияние сих двух племен». При кодификации права в 1832 г. (Свод законов, т. 10, раздел I, гл. II) было оговорено, что лица других исповеданий, вступающие в брак с лицами греко-российской веры, должны были давать подписку о том, что не будут «поносить своих супругов за православие, не склонять их чрез прельщение, угрозы или иным образом к принятию своей веры и что рожденные в сем браке дети крещены и воспитаны будут в правилах греко-российской веры» [94, ф. 821, оп. 150, д. 801, л. 9].

Тем не менее в белорусско-литовских губерниях на протяжении первой половины XIX в. сохранялись решения 1768 г. Так, в 1847 г. отставной русский генерал-майор И. К. Енакиев, владелец Шкловского имения, должен был

оправдываться перед Могилевским гражданским губернатором в связи с жалобой на него приходского православного священника. В ней отмечалось, что жена генерала — католичка, крестила своих детей в католической вере. Генерал написал губернатору, что его дети потому католики, что это было оговорено его будущей женой перед заключением брака [71, ф. 297, оп. 1, д. 18401, л. 1,5].

В 1826 г. католическому духовенству в очередной раз запретили заключать браки между православными, повторяя аналогичные указы от 28 августа 1783 г. и 15 февраля 1798 г. [77, ф. 136, оп. 1, д. 7325, л. 1]. Но и эти меры не всегда помогали. Нарушения продолжались. Примером несоблюдения указов может быть дело, рассмотренное Дисненским земским уездным судом, по обвинению в переходе в «раскольническую ересь» крестьян Л. Евстафьева, Ф. Медведева, Д. и М. Евстафьевых и М. Медведева, которые родились от православных отцов, но были крещены в вере матерей-старообрядок [77, ф. 76, оп. 2, д. 505, л. 51].

В 1834 г. в связи с затруднениями, возникшими в Гродненской и Подольской губерниях, было установлено, что заключенные до 1832 г. брачные союзы продолжают регулироваться нормами соглашения с Речью Посполитой. «Что же касается до случаев, — говорилось в указе, — в которых один пол детей, по прежнему правилу, должен быть воспитан в господствующем вероисповедании непременно, а другой может по воле иноверных родителей быть воспитан в их вероисповедании, а может, по их согласии, и к господствующему быть присоединен: в сих случаях Святейший Синод предоставляет православному духовенству силою убеждения достигать того, чтобы все дети воспитываемы были в православии» [32, с. 79].

Указ Св. Синода от 22 января 1840 г. разрешал православному приходскому духовенству венчать православных с иноверцами в случае, если не было препятствия к браку, не спрашивая каждый раз разрешения на то у епархиального руководства, за исключением «случаев присоединенных к православию духовных лиц римской церкви, а также и евреев» [77, ф. 2617, оп. 1, д. 392, л. 2].

Но заключать эти браки можно было только при условии написания расписки, что дети от этого брака будут воспитываться в православной вере.

Смешанные браки были довольно широко распространены на территории белорусско-литовских губерний всего исследуемого периода. Литовский православный архиепископ Иосиф Семашко писал в Св. Синод, что таких браков за период с 1839 по 1845 г. было заключено в Литовской епархии 1927, Могилевской — 301, Минской — 825, Полоцкой — 20. За период с 1839 по 1859 г. в одной только Литовской православной епархии было заключено до 15 тыс. смешанных браков [32, с. 82]. Но это касалось в основном заключения браков среди крестьянского населения, которое (что особенно характерно для Литовской православной епархии) было либо католическим по вероисповеданию, либо бывшим униатским. Для дворян вступление в брак с русскими православными во многом зависело от семейных традиций. Большая толерантность наблюдалась там, где присутствовали космополитические или проправительственные настроения. Могли быть и личные мотивы. Так, участие генерала Яна Конопки в войне 1812 г. на стороне Наполеона не помешало его сестре Юлии выйти первый раз замуж за генерала Безобразова, а второй раз — за посла Татищева. И это не единственный случай среди представителей высшего сословия губерний. Второй женой Виленского генерал-губернатора в 30-е годы XIX в. князя Н. Долгорукова была Люция из рода Вавржецких (по первому мужу Забелло), Стефания Радзвилл была замужем за князем Л. Витгенштейном, Текля из рода Валентовичей — за генералом графом П. Зубовым и т. д. [189, с. 368, 376, 388].

Правительство стремилось законодательно отрегулировать вопросы о воспитании детей, рожденных от смешанных браков. В Уложении о наказаниях уголовных и исправительных (1845 г.) были внесены положения об ответственности за воспитание детей иноверных супругов не в «христианской вере» или за приобщение их «к обрядам другого христианского вероисповедания». За подобные нарушения родители лишались всех прав состояния

и ссылались на поселение либо заключались в тюрьму [93, с. 171].

В первое десятилетие царствования Александра II вопрос о смешанных браках неоднократно поднимался в связи с необходимостью урегулирования отношений между Российской империей и Римом. Комитет министров под председательством К. В. Нессельроде в 1856 г. и под руководством Д. Н. Блудова в 1859—1860 гг. обсуждал возможности его нового решения. За образец бралось заключение браков в присутствии священнослужителей обоих исповеданий в Баварии, Венгрии, Рейнской провинции. Высшие петербургские сановники и сам император склонялись к отмене ограничительных мер николаевского законодательства [32, с. 83].

4.3. Ритуальные убийства

Царское правительство мало знало об истории, обычаях и традициях еврейского народа, который проживал на присоединенной территории, а еще меньше о его религии — иудаизме. И поэтому на первых этапах, особенно в вопросах, связанных с религией, предпочитало не вмешиваться в эту таинственную для него область, оставив эти вопросы кагалу. В решении Сената от 7 мая 1786 г. было сказано, что «по делам, до еврейского духовенства касающихся и до обрядов по их вере — предоставить судиться им, на прежнем основании, в учрежденных для сего уездных и губернских кагалах» [31, с. 120].

Однако нейтральное отношение правительства к делам евреев продолжалось недолго. При подготовке нового законодательства были запрошены мнения предводителей дворянства и губернаторов по еврейскому вопросу. Большинство из них указали на необходимость преобразований. В частности, виленский губернатор Фризель в апреле 1800 г. в записке Сенату высказался, что «образование еврейского народа должно начинать с религии», для чего необходимо «искоренить все секты, суеверия» [46, с. 277].

К концу XVIII в. правительство вынуждено было уже обратить внимание на появившиеся судебные дела,

связанные с так называемыми «ритуальными убийствами». Первый такой случай получил название «Сенненское дело». В 1799 г. в Сенненском уезде нашли исколотый и изрезанный труп женщины. В убийстве были заподозрены 4 еврея, которым предстояло предстать перед судом магистрата. Губернатор распорядился перевести это дело в уголовный департамент суда в Витебске. Помощь в расследовании этого дела оказывает недавно крестившийся еврей — Костинский. Он сделал выписки из религиозного кодекса «Шулхан — Арух», которые были использованы секретарем этого департамента для книги «Открытие таинственных дел еврейских через рабинов, принявших христианский закон». В ней, ссылаясь на еврейское сочинение «Изыфлев» сообщалось, что евреи «кладут в свою мацу кровь христианскую» [26, с. 11].

В 1805 и в 1811 гг. в Витебской губернии возникают еще два судебных дела (одно из них в г. Велиже), связанные с убийствами и исчезновениями детей. Однако, как и в случае с «Сенненским делом», из-за недоказанности они были прекращены. Весной 1816 г. в предместье Гродно был найден труп девочки «с шестью малыми знаками на поверхности тела». Врачи установили при обследовании, что у девочки «кровь не источена», но вскоре разнесся слух, будто бы она «кончила жизнь от рук жидовских» [25, с. 137; 69, т. 2, с. 18]. Следственная комиссия занялась секретным расследованием на предмет употребления евреями христианской крови. Экспертом оказался «выкрещенный в благочестивую веру» унтер-офицер Павел Савицкий. Он и сообщил, что «кровь христианская точно нужна по еврейскому заповету» и что в каждом кагале прежде хранилась особая бочка для умерщвления христианского ребенка. Результаты расследования послали в Петербург, где обвинение показалось нелепым и бездоказательным. Было приказано «секретное розыскание» прекратить, а вместо этого искать настоящего «смертоубийцу» [60, ч. 2, с. 25].

6 марта 1817 г. министр народного просвещения и духовных дел князь А. Голицын написал по поводу этого дела гродненскому гражданскому губернатору. Из его пись-

ма видно, что в Петербурге проведено расследование истории таких обвинений. А. Голицын пишет, что еще указами короля Сигизмунда II Августа (от 9 августа 1564 г. и 20 мая 1566 г.) было запрещено обвинять в такого рода убийствах евреев без всяких на то оснований. Кроме того, отмечалось, что еще 21 марта 1763 г. папский нунций писал, что римский престол исследовал вопрос о том, используют ли евреи человеческую кровь для изготовления опресников. Никаких доказательств, подтверждающих это, не было найдено и потому Рим «не признал правильным в подобных объяснениях утверждать на сем основании суждения». Исходя из этого, Александр I приказал объявить, чтобы «впредь евреи не были обвиняемы в умерщвлении христианских детей без всяких улик по единому предрассудку, что якобы они имеют нужду в христианской крови». В случаях обвинения их в убийстве вести следствие на «законном основании» и «наравне с людьми прочих вероисповеданий, которые уличались бы в преступном смертоубийстве» [94, ф. 821, оп. 8, д. 296, л. 1, 1 об.].

Тем не менее подобного рода обвинения продолжались. В 1821 г. известны два дела в Витебской и Могилевской губерниях, в 1833 г. — в Минской [69, т. 2, с. 18]. Коснулось Беларуси и «Саратовское дело» 1852—1853 гг. Особое место в такого рода делах занимает «Велижское дело» (1823—1835 гг.). Согласно ему три женщины — крестьянка Мария Терентьева, солдатка Авдотья Максимович и шляхтянка Козловская дали показания, что будто бы они не только видели происшедшее, но и принимали в нем некоторое участие [94, ф. 821, оп. 8, д. 296, л. 142 об.]. Власти обратили внимание на это дело в 1823 г., когда Александр I проезжал через г. Велиж (Витебская губерния) и ему передали прошение солдатки Марьи Терентьевой. В нем она жаловалась, что ее сын был убит евреями в 1823 г. и она, несмотря на свои обращения к властям, не получила «никакого удовлетворения». Жалоба была передана Витебскому, Могилевскому и Смоленскому генерал-губернатору князю Хованскому с приказанием расследовать это дело. Назначенный генерал-губернатором надворный советник Страхов выяснил, что речь идет не о ее сыне, а о

4-летнем Федоре, мать которого умерла, а отец Емельян Иванов был оставшимся рядовым велижской инвалидной команды. Мальчик исчез в первый день Пасхи, а затем был найден мертвым и исколотым на болоте за городом. После долгих допросов Терентьева созналась в том, что в Великий пост, за неделю до еврейской Пасхи, она зашла к еврейке Ханне Цетлин, которая содержала шинок. И та, напоив ее, в присутствии своей работницы солдатки А. Максимович просила достать ей хорошенького мальчика-христианина. Увидев на мосту мальчика, она сообщила об этом Цетлиной, за что та вновь напоила ее вином и дала 2 руб. серебром. Кроме того, она показала, что вместе со шляхтянкой Козловской, которая была в услужении у Цетлиной, присутствовала при убийстве мальчика. Показания их были достаточно противоречивыми. Ученый еврей Берлин при генерал-губернаторе удостоверил, что евреи «по закону никакой крови употреблять не могут». Однако в то же время велижский учитель Петрица выпустил книгу со своими объяснениями, будто бы евреи употребляют христианскую кровь. По подозрению в убийстве были арестованы 42 велижских еврея, в 1826 г. была опечатана синагога, а свитки Торы отправлены в полицию [94, ф. 821, оп. 8, д. 296, л. 8, 8 об., 9 об.].

При такого рода свидетельствах вставал вопрос о существовании в Велиже какой-то особой секты либо о «гениальной» провокации, так как описание взятия крови у ребенка вряд ли могли сами выдумать неграмотные, аморального поведения женщины-униатки. Арестованные евреи жаловались в Петербург и указывали, что мальчика последний раз видели на мосту, по которому в это время проехала бричка униатского ксендза Серафимовича и могла сбить ребенка. И только мертвому могли быть нанесены ножевые раны. Просьбы арестованных поддержало еврейское купечество, которое также обращалось в Петербург. 2 февраля 1824 г. Л. Г. Беркович-Броди просил удержать и «не допустить погибнуть миллион душ. об. п., от той ненависти, которая устремится к ним от слабоумия черни, всегда готовой подавлять евреев, слагая

на них вину собственных своих преступлений» [94, ф. 821, оп. 8, д. 296, л. 151 об.]. В пользу версии о существовании какой-либо особой иудейской секты высказался в предисловии к своей работе «Розыскания о убиении евреями христианских младенцев и употреблении крови их» (СПб., 1844) В. Даль. Он напомнил и про некоторые толки русских раскольников, которые «для спасения души», особенно так называемой «детоубийцы», «убивали незаконнорожденных детей, сушили и обращали в порошок вынутое из них сердце» [67, с. 145].

5, 7 февраля и 5 марта 1827 г. поданная князем Хованским записка о следствии над велижскими евреями была рассмотрена на заседании Еврейского комитета. Членами комитета (тайным советником Пружинным, действительным статским советником Кайсаровым, Карташевским и др.) было высказано общее мнение, что «начальство должно соблюдать строго, чтобы в следствиях не было отступления ни по какой причине от общих законов и в особенности от высочайшего повеления 1817 г.» [94, ф. 821, оп. 8, д. 296, л. 137, 141].

15, 18 и 20 декабря 1834 г. и 3 января 1835 г. мнение гражданского департамента по «Велижскому делу» рассматривалось в Государственном Совете. Опровергая предубеждение об умерщвлении евреями христианских детей на основании исторических и судебных фактов, гражданский департамент считал необходимым положить этому конец. В отношении арестованных велижских евреев «не только освободить их от всякой ответственности, но еще и вознаградить их за долговременное тюремное содержание», а также открыть синагогу. Государственный Совет признал факт убийства, указав при этом, что его виновники «столь же мало известны, как и перед началом следства». 18 января 1838 г. было утверждено мнение Государственного Совета, что Терентьеву, Максимович и Козловскую, «не доказавших тех ужасных преступлений и отступлений от веры, которые они сами на себя возвели, но виновных в изветах», сослать в Сибирь на поселение [67, с. 145].

В связи с «Саратовским делом» (1852—1853 гг.) была учреждена при Министерстве внутренних дел специаль-

ная комиссия для подробного изучения изъятых у подследственных по делу о похищении и убийстве в г. Саратове двух мальчиков книг и манускриптов, сочиненных с целью разъяснения тайных догм, или религиозного изуверства. Членами этой комиссии были профессора Левисон и Хвольсон и протоиереи Павский и Сидонский, председателем — член Совета министров внутренних дел действительный статский советник Гирс. Рассмотрев книги и манускрипты, комиссия пришла к заключению, что они «не содержат в себе ничего, что бы могло относиться до употребления евреями христианской крови». Хотя по сути вопроса мнения разошлись. Так, профессора Левисон и Хвольсон, основываясь на принципах иудаизма, критической исторической оценке всех обстоятельств и опираясь на авторитет многих еврейских ученых, отвергали существование догмата об употреблении евреями христианской крови и не допускали возможности существования «подобного изуверства» у евреев. Протоиерей Сидонский выразил убеждение, что многие случаи — несомненные факты. Павский считал, что в настоящее время этот вопрос решить невозможно. А председатель комиссии Гирс, не отрицая возможности существования среди еврейского населения «отдельных преступных изуверств», выразил убеждение, что «лучшим средством к искоренению... будет уже начатое правительством постепенное предоставление гражданских прав наравне с прочими подданными в государстве и постоянная заботливость о распространении между евреями просвещения» [94, ф. 821, оп. 8, д. 300, л. 157—159].

Из всего вышесказанного можно сделать вывод, что политика царского правительства в отношении дел о «ритуальных убийствах» была достаточно цивилизованной. Не желая обострять и без того сложные отношения с присоединенными территориями, в отличие от местных властей правительство не принимало специальных указов по этому вопросу, не затребовав дела в Петербург. Они рассматривались не только в судебном порядке, но и с предварительным изучением истории еврейского народа, его религии, законодательства Речи Посполитой, от-

ношения к такого рода делам со стороны руководства католической церкви. Исследовались также религиозные книги и рукописи.

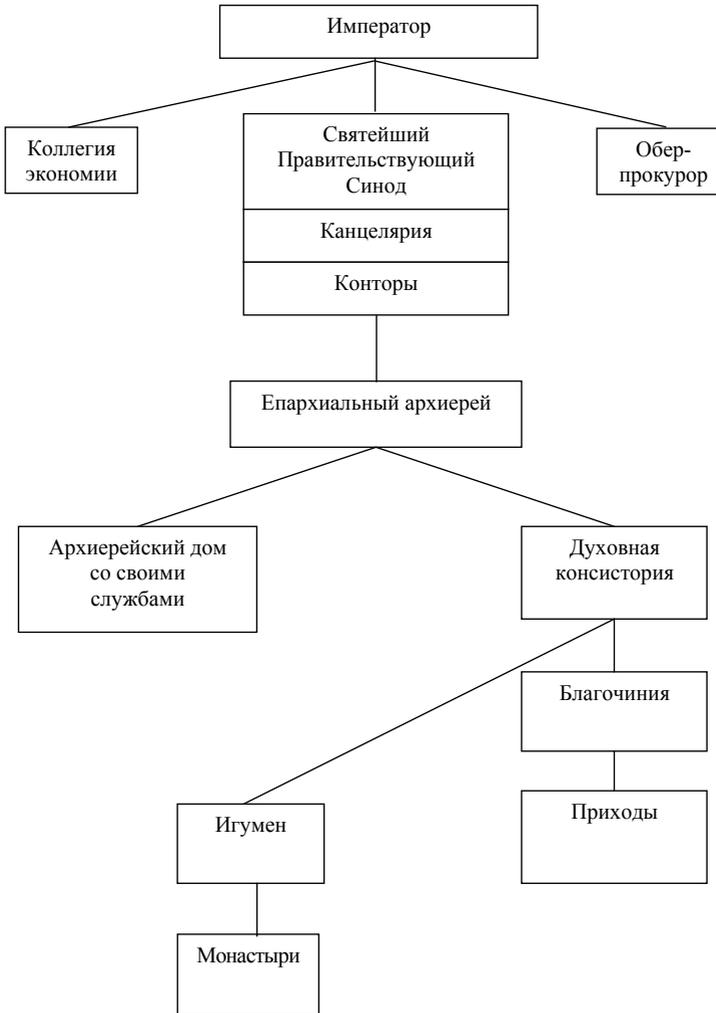
Именно сложные межконфессиональные отношения на территории белорусско-литовских губерний вынуждали царское правительство на протяжении 1772—1860 гг. принимать указы о регламентации переходов, заключении смешанных браков и воспитании детей от этих браков, внимательно и осторожно рассматривать дела о ритуальных убийствах.

Таким образом, переходы 80—90-х годов XVIII в. и даже 30-х годов XIX в. не являлись следствием целенаправленной политики царского правительства на полную ликвидацию униатской церкви, как это принято было считать в дореволюционной и современной историографии. Скорее это было следствием миссионерской деятельности, характерной для всех христианских конфессий, а в данных случаях со стороны видных православных иерархов Георгия (Конисского), Виктора (Садковского) и Смарагда (А. Крыжановского), которая привела к значительным переходам из униатства в православие из-за отсутствия строгих законодательных регламентаций и непоследовательной конфессиональной политики.

Несмотря на государственные запреты миссионерской деятельностью активно занимались не только православная церковь, но и духовенство других конфессий, в первую очередь католическое и униатское. Такого рода агитация со стороны протестантских конфессий и старообрядчества была незначительна, но все же была. Также незначительными были переходы и среди нехристианских конфессий. Менее других в межконфессиональных спорах было задействовано мусульманство по причине своей малочисленности. На длительное время растянулось перераспределение бывших униатов, захватив начало 60-х годов XIX в. Это было связано с желанием части бывших униатских верующих, особенно на Гродненщине, Витебщине, Виленщине и Минщине, перейти из православия в католичество, которое, с их точки зрения, было ближе к униатству.

Правительственные указы касательно регламентации переходов, смешанных браков, воспитания детей чаще всего не выполнялись, о чем свидетельствуют неоднократное повторение и сохранение в семейных отношениях исторической традиции, для которой характерно воспитание детей: мальчиков — в вере отца, девочек — в вере матери. В делах о ритуальных убийствах правительство заняло сдержанную позицию, не желая допустить распрей и обострения отношений между христианскими конфессиями и иудаизмом.

**СТРУКТУРА УПРАВЛЕНИЯ
ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ В XVIII в.¹**

¹ История русской церкви: В 9 т. — М.: Изд-во Спасо-Преобр. Валаам. мон., 1994 — 1997. — Т.8, 1700 — 1917. — 1997. — Ч. 1. — С. 652.

ЦЕРКОВНАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ИЕРАРХИЯ¹

1. Монашествующие (черное духовенство):

а) епископат, архиереи:

патриарх;
митрополит;
архиепископ;
епископ;

б) монахи в священническом сане, возглавляющие монастыри, именуется также настоятелями:

архимандрит;
игумен;
иеромонах;
монах (инок);
иеродиакон — монах, рукоположенный в диаконский сан;
послушник — еще не принявший постриг;
схимонах — монах, принявший на себя особое послушание.

В женских монастырях:

игуменья — настоятельница женского монастыря;
монахиня;
послушница (белица).

2. Священнослужители (белое духовенство):

а) священники:

протопресвитер;
протоирей;
иерей;

б) церковнослужители:

диакон (с посвящения в диаконский сан);
иподиакон (без посвящения в диаконский сан);
причетник (псаломщик, дьячок).

¹ История русской церкви. — Т. 8. — Ч. 1. — С. 654, 655.

ПРИЛОЖЕНИЕ 3

Т а б л и ц а 1. Мужские монашеские ордены в Виленской католической епархии в 1772 г.¹

№ п / п	Название ордена	Провинция	Кап-ланы	Кли-рики	Лайцы	Всего
1	Августины	Польская	16	9	9	34
2	Бенедиктины	Польская	36	10	3	51
3	Бернардины	Литовская	238	89	114	441
4	Бонифраты	Польская	5	—	20	25
5	Цистеры	Польская	6	4	4	16
6	Доминикане	Русская	99	15	17	131
		Литовская	367	109	132	608
7	Францискане	Литовская	193	47	77	317
		Литовская	166	139	130	435
8	Иезуиты	Мазовецкая	120	113	102	335
		Малопольская	3	—	—	3
9	Камедулы	Польская	25	7	12	44
10	Каноники	Краковская	35	1	—	36
11	Кармелиты босые	Литовская	82	26	39	147
12	Кармелиты	Литовская	67	26	31	124
		Литовско-Русская	73	23	25	121
13	Коммунисты	—	4	—	—	4
14	Мариане	Польская	18	7	7	32
15	Марковичи	Литовская	63	8	9	80
16	Миссионеры	Польская	43	12	9	64
17	Пиары	Литовская	61	9	13	83
18	Тринитары	Польская	36	7	14	57
Итого			1758	661	767	3186

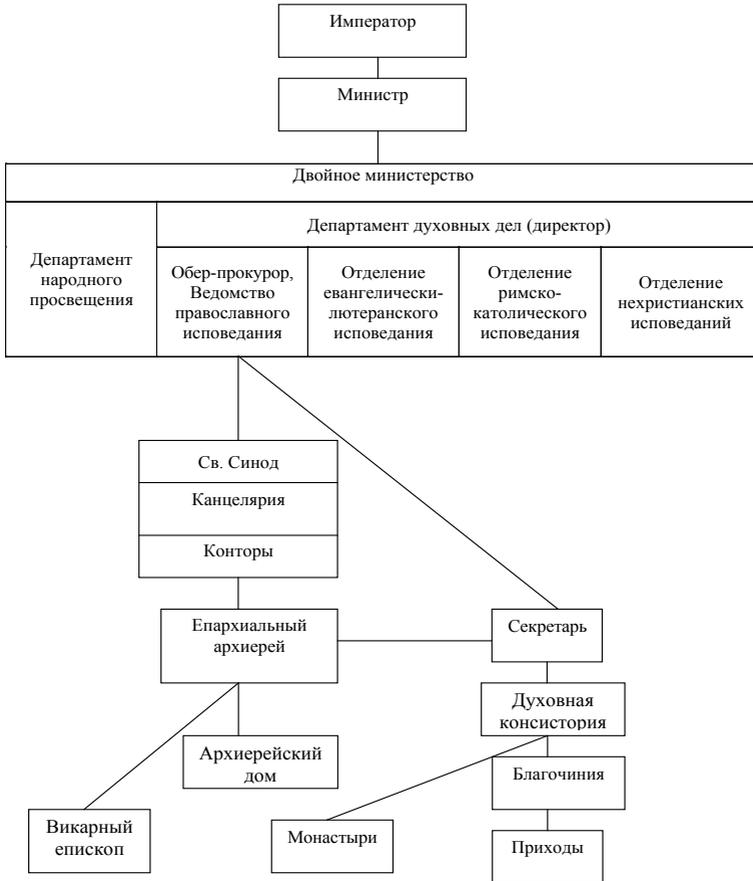
¹ Mandiuk J. Zakony w (archi) diecezje Wileńskiej. — Studia Teologiczne. — 1987—1988. — N 5—6. — S. 174.

ПРИЛОЖЕНИЕ 4

**СТРУКТУРА ЦЕРКОВНОГО УПРАВЛЕНИЯ
КАТОЛИЧЕСКОЙ И УНИАТСКОЙ ЦЕРКВЕЙ
В 1772—1795 гг.**

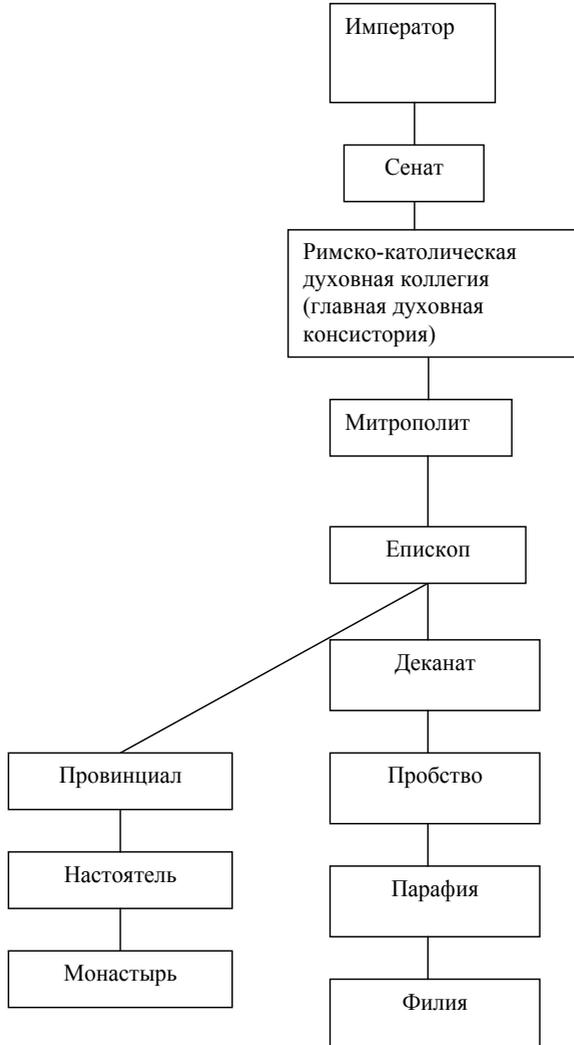
**СТРУКТУРА УПРАВЛЕНИЯ КОНФЕССИЯМИ
В ПЕРИОД ДВОЙНОГО МИНИСТЕРСТВА¹**

¹ История русской церкви. — Т. 8. — Ч. 1. — С. 653.

ПРИЛОЖЕНИЕ 6

**СТРУКТУРА ЦЕРКОВНОГО УПРАВЛЕНИЯ
КАТОЛИЧЕСКОЙ И УНИАТСКОЙ ЦЕРКВЕЙ
В НАЧАЛЕ XIX в.**

ПРИЛОЖЕНИЕ 7

**ВЕДОМОСТЬ О ПОЛОЖЕНИИ
БЕЛОГО ДУХОВЕНСТВА ПОЛОЦКОЙ
УНИАТСКОЙ ЕПАРХИИ ЗА 1807 г.¹**

Т а б л и ц а 1

№ п/п	Повет	Церкви		Часовни		Белое духовенство		Церков- нослу- жители
		ка- мен- ные	дере- вян- ные	ка- мен- ные	дере- вян- ные	священ- ники	семина- ристы	
1	Мстиславский	2	53	—	5	66	—	69
2	Оршанский	1	30	—	9	35	—	33
3	Копысский	—	40	—	5	43	—	—
4	Сенненский	1	67	1	51	77	—	102
5	Черейский	1	18	—	16	23	—	26
6	Рогачевский	2	53	—	12	68	—	96
7	Бобыницкий	—	50	—	4	25	—	30
8	Витебский	12	59	5	65	95	—	98
9	Полоцкий	3	42	1	57	75	3	89
10	Себежский	1	46	1	32	49	—	65
Всего		23	448	8	256	560	3	611

¹ Описание документов архива западнорусских униатских митрополитов. — СПб., 1907. — Т. 2. — С. 656—658.

Т а б л и ц а 2

Уезд	Заведения духовные				Кол-во больных в больницах	Кол-во фундушовых сирот	Обязанности священнослужителей			
	кол-во учеников в школах		кол-во нищих в богадельнях				Кол-во литургий в год	Кол-во анIVERSарей	Кол-во штатные	с пеннием
	публичных	приходских	публичных	приходских						
Мстиславский	—	7	—	49	—	—	685	220	18	
Оршанский	—	27	—	21	—	17	376	433	—	
Копысский	—	1	—	16	—	—	41	52	12	
Сенненский	—	24	—	40	—	—	217	—	—	
Черейский	—	6	—	6	—	—	—	—	12	
Рогачевский	—	3	—	38	—	—	762	218	9	
Бобыницкий	—	4	—	13	—	—	416	3	5	
Витебский	—	39	10	28	—	—	1498	3005	144	
Полоцкий	—	—	—	—	—	—	156	156	—	
Себежский	—	—	—	8	—	—	476	247	—	
Всего	—	111	10	219	—	17	4627	4334	200	

Т а б л и ц а 3

Повет	Численность крестьян муж. пола на фундушной земле	Суммы фундушковые, капитальные		Общий доход от деревень, аннуит, процентов и пенсий				Платежи в казну или в уезд		Платежи для священников на церковь и для церковнослужителей, а также поземельный	
		руб.	коп.	надежный	ненадежный	руб.	коп.	руб.	коп.	руб.	коп.
Мстиславский	1310	—	—	3020	—	—	—	2174	60	38	—
Оршанский	4	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Копыцкий	—	—	—	—	—	—	—	136	—	50	—
Сенненский	—	—	—	—	242	96	—	242	96	—	—
Черейский	—	—	—	70	—	—	—	76	48	—	—
Рогачевский	100	2500	—	285	—	—	—	164	78½	100	—
Бобыницкий	54	567 и талеров 3040	50	428	3	406	54½	275	39	—	—
Витебский	113	600	—	310	30	470	60	409	40½	1008	65
Полоцкий	128	11000	—	5185	96	1975	—	598	17	3886	32
Себежский	237	—	—	535	85	—	—	453	96	—	—
Всего	1946	14667 и талеров 3040	50	2833	14	3370	10½	4531	96	5082	97

Т а б л и ц а 4

Уезд	Прихожане			Метрические ведомости					
	испове- довавшиеся	не исповедовавшиеся	всего обоих пола	крещенные		умершие		заключившие брак	
				муж.	жен.	муж.	жен.		
Мстиславский	19944	12871	32815	4630	1069	910	894	302	
Оршанский	25188	6951	23143	468	492	484	466	145	
Копыцкий	30678	10001	40679	585	564	604	562	137	
Сенненский	54157	18254	72411	1145	1153	1106	1077	351	
Черейский	12124	3844	15968	348	307	294	288	141	
Рогачевский	53480	16616	70096	1408	1333	1061	834	361	
Бобыницкий	15885	6631	22516	261	267	257	273	54	
Витебский	78421	21762	100183	1520	1390	1747	1721	546	
Полоцкий	75597	28295	103892	1708	1571	2086	2115	754	
Себежский	51392	17326	68638	1170	1049	1457	1221	342	
Всего	416786	142555	559341	13243	9197	10006	9451	3133	

ПРИЛОЖЕНИЕ 8

Т а б л и ц а 1. Церковная структура Виленской униатской митрополичьей епархии на 1814 г.¹

№ п/п	Название деканатов	Кол-во приходских церквей	Кол-во приписных церквей	Кол-во священников
1	Ошмянский	31	45	33
2	Минский	42	44	40
3	Вилейский	49	59	47
4	Бобруйский	26	30	29
5	Дисненский	42	40	49
6	Игуменский	48	92	57
7	Борисовский	57	100	60
8	Курляндский	9	4	5
Всего		294	414	320

¹ Российский государственный исторический архив, ф. 823, оп. 3, д. 1316, д. 47 об., 48.

**ПРАВОСЛАВНЫЕ МОНАСТЫРИ БЕЛАРУСИ
В КОНЦЕ XVIII в.¹**

1. Барколабовский Вознесенский женский монастырь.
2. Борисовский Вознесенский мужской монастырь.
3. Брестский Симеоновский мужской монастырь.
4. Буйничский Свято-Духов мужской монастырь.
5. Витебский Марков Свято-Троицкий мужской монастырь.
6. Грозовский Николаевский мужской монастырь.
7. Грозовский Иоанно-Богословский мужской монастырь.
8. Друйский Благовещенский-Богоявленский мужской монастырь.
9. Дятловский Спасо-Преображенский мужской монастырь.
10. Минский Петропавловский женский монастырь.
11. Минский Петропавловско-Екатерининский мужской монастырь.
12. Могилевский Братский женский монастырь.
13. Могилевский Братский Богоявленский мужской монастырь.
14. Могилевский Спасо-Преображенский мужской монастырь.
15. Морочский Успенский Николаевский мужской монастырь.
16. Мстиславский Тупичевский Свято-Духов мужской монастырь.
17. Новодворский Успенский мужской монастырь.
18. Оршанский Успенский женский монастырь.
19. Оршанский Кутеенский Успенский мужской монастырь.
20. Оршанский Кутеенский Богоявленский мужской монастырь.
21. Охорский Спасо-Преображенский мужской монастырь.
22. Пинский Богоявленский Братский мужской монастырь.
23. Полоцкий Братский Богоявленский мужской монастырь.
24. Селецкий Воскресенский Петропавловский мужской монастырь.
25. Селецкий женский монастырь.
26. Слуцкий Спасо-Ильинский женский монастырь.
27. Слуцкий Свято-Троицкий мужской монастырь.
28. Слуцкий Преображенский Спасский Братский мужской монастырь.
29. Соломорецкий Покровский мужской монастырь.
30. Старчицкий Петропавловский мужской монастырь.
31. Шкловский Воскресенский мужской монастырь.
32. Шкловский Успенский женский монастырь.

¹ НИА Беларуси, ф. 2313, 2542, 2316, 2425, 1549, 2548; Рункевич С. История Минской архиепископии (1793–1832). – СПб., 1893; Грыгаровіч І. І. Беларуская іерархія. – Мн., 1992.

**БАЗИЛИАНСКИЕ МОНАСТЫРИ
И КОЛИЧЕСТВО МОНАХОВ В 1804 г.¹**

Полоцкая униатская епархия:

1. Полоцкий монастырь — 17 монахов и 6 клириков.
2. Вербиловский — 5 монахов и 4 клирика.
3. Тадулинский — 7 монахов и 7 клириков.
4. Онуфриевский — 3 монаха и 5 клириков.
5. Толочинский — 5 монахов.
6. Борисоглебский — 7 монахов.
7. Махировский — 6 монахов.
8. Сиротинский — 5 монахов.
9. Добрыгорский — 4 монаха.
10. Ушачский — 5 монахов.
11. Безводицкий — 3 монаха.
12. Оршанский — 5 монахов.
13. Лисковский — 5 монахов.
14. Пустынский — 3 монаха и 2 клирика.
15. Черезанский — 4 монаха и 1 клирик.
16. Сирицкий — 4 монаха.
17. Малашковский — 1 монах.
18. Маривильский — 5 монахов.

Брестская униатская епархия:

1. Виленский монастырь — 21 монах и 4 клирика.
2. Борунский — 16 монахов и 2 клирика.
3. Подубисский — 7 монахов и 1 клирик.
4. Тороканский — 14 монахов и 16 клириков.
5. Брестский — 8 монахов.
6. Бытенский — 13 монахов и 15 клириков.
7. Жировичский — 6 монахов и 1 клирик.
8. Березвечский — 12 монахов и 2 клирика.
9. Ладзинский — 5 монахов и 1 клирик.
10. Брацлавский — 8 монахов.
11. Геляновский — 6 монахов.

¹ Толстой Д.А. Римский католицизм в России: В 2 т. — СПб.: тип. В.Ф.Демакова, 1876. — Т.2. — С. 130, 131.

12. Сутковский – 6 монахов.
13. Гродненский – 4 монаха.
14. Черлионский – 5 монахов и 1 клирик.
15. Кобринский – 6 монахов.
16. Новоселецкий – 4 монаха.
17. Антопольский – 7 монахов и 1 клирик.
18. Хомский – 4 монаха.
19. Рожанский – 5 монахов.
20. Новогрудский – 4 монаха.
21. Мирский.
22. Волнянский – 9 монахов и 1 клирик.
23. Даровский – 5 монахов.
24. Глушнянский – 4 монаха и 2 клирика.
25. Лысковский – 5 монахов и 1 клирик.
26. Поставский – 4 монаха.
27. Раковский – 4 монаха.
28. Сверженский – 4 монаха.
29. Цеперский – 4 монаха.
30. Кассутский – 5 монахов.
31. Казимировский – 4 монаха.
32. Лещинский – 6 монахов.
33. Логойский – 4 монаха.
34. Селецкий – 5 монахов.
35. Суховичский – 4 монаха и 1 клирик.
36. Якобштадский – 3 монаха.
37. Иллукштайский – 2 монаха.

ПРИЛОЖЕНИЕ 11

БАЗИЛИАНСКИЕ МОНАСТЫРИ БЕЛАРУСИ. 1800–1839 гг.¹

1. Антопольский мужской монастырь.
2. Безводицкий мужской монастырь.
3. Белоцерковский архимандричий монастырь.
4. Березвечский мужской монастырь.
5. Борунский мужской монастырь.
6. Брагинский мужской монастырь.
7. Браславский мужской монастырь.
8. Брестский мужской монастырь.
9. Бытенский мужской монастырь.
10. Витебский женский монастырь.
11. Витебский мужской монастырь.
12. Вольнянский женский монастырь.
13. Вольнянский мужской монастырь.
14. Геляновский мужской монастырь.
15. Глушнянский мужской монастырь.
16. Гродненский женский монастырь.
17. Гродненский мужской монастырь.
18. Даровский мужской монастырь.
19. Добрыгорский мужской монастырь.
20. Дрогичинский мужской монастырь.
21. Жировичский мужской монастырь.
22. Казимировский мужской монастырь.
23. Касутский мужской монастырь.
24. Кобринский мужской монастырь.
25. Лавришовский мужской монастырь.
26. Лещинский мужской монастырь.
27. Лисковский мужской монастырь.
28. Логойский мужской монастырь.
29. Любавичский мужской монастырь.
30. Ляданский мужской монастырь.

¹ Записки Василия Лужинского архиепископа Полоцкого. — Казань: тип. имп. ун-та, 1885. — 312 с.; Записки Иосифа митрополита Литовского, изданные Императорской Академией наук по завещанию автора: В 3 т. — СПб.: тип. имп. АН, 1883. — Т. 1. — 745 с.; Т. 2. — 786 с.; Т. 3. — 1432 с.; НИА Беларуси, ф. 1323, 1315, 1573, 1532, 2617.

31. Малашковский мужской монастырь.
32. Мариавильский мужской монастырь.
33. Махировский мужской монастырь.
34. Мирский мужской монастырь.
35. Мозырский мужской монастырь.
36. Мядельский женский монастырь.
37. Новогрудский мужской монастырь.
38. Новоселецкий мужской монастырь.
39. Онуфриевский мужской архимандричий монастырь.
40. Оршанский женский монастырь.
41. Оршанский мужской монастырь.
42. Пинский женский монастырь.
43. Лысковский мужской монастырь.
44. Полоцкий женский монастырь.
45. Полоцкий мужской монастырь.
46. Полоцкий Борисоглебский архимандричий мужской монастырь.
47. Поставский мужской монастырь.
48. Пустынский мужской монастырь.
49. Раковский мужской монастырь.
50. Ружанский мужской монастырь.
51. Сверженский мужской монастырь.
52. Сиротинский мужской монастырь.
53. Сирицкий мужской монастырь.
54. Сутковский мужской монастырь.
55. Суховицкий мужской монастырь.
56. Сушанский мужской монастырь.
57. Тадулинский мужской монастырь.
58. Толочинский мужской монастырь.
59. Тороканский мужской монастырь.
60. Тригурский мужской монастырь.
61. Ушачский мужской монастырь.
62. Холмский мужской монастырь.
63. Цеперский мужской монастырь.

ПРИЛОЖЕНИЕ 12

Т а б л и ц а 1. Католическое монашество белорусско — литовских губерний в 1803 г.¹

№ п/п	Название ордена	Виленская епархия	Могилевская епархия	Минская епархия	Жмудская епархия	Всего
<i>Мужские монастыри</i>						
1	Доминикане	326	118	100	31	575
2	Бернардины	215	59	155	90	519
3	Францисканцы конвентуальные	147	48	82	6	333
4	Кармелиты древних правил	109	40	—	33	182
5	Иезуиты	—	247	—	—	247
6	Пиары	57	10	35	11	113
7	Кармелиты босые	77	—	50	—	127
8	Тринитарии	37	16	13	—	66
9	Миссионеры	70	19	9	—	98
10	Каноники регулярные от покаяния	59	—	—	—	59
11	Капуцины	—	8	6	—	14
12	Августины	42	—	—	—	42
13	Бенедиктины	11	—	31	2	45
14	Реформаты	—	12	—	—	12
15	Бонифратры	25	—	5	—	30
16	Каноники регулярные латеранские	23	10	—	—	33
17	Рохиты шпитальные	12	—	5	8	25
18	Цистеры	12	—	7	—	19
19	Картузы	17	—	—	—	17
20	Комунисты (бартошковы)	—	—	15	—	15
21	Мариане	9	—	—	—	9
22	Камедулы	12	—	—	—	12
Всего:		1260	587	513	181	2589

¹ Gach P. P. Kasaty zakonow na ziemiach dawniej Rzeczypospolitej i Śląska. 1773—1914. — Lublin: wyd. katolic. un-ta Lubel., 1984. — S. 62.

Продолжение табл. 1

№ п/п	Название ордена	Виленская епархия	Могилевская епархия	Минская епархия	Жмудская епархия	Всего
<i>Женские монастыри</i>						
1	Бенедиктинки	68	—	68	22	158
2	Францисканки	108	—	19	—	127
3	Бригидки	50	—	—	13	63
4	Шаритки	22	35	—	—	77
5	Мариавитки	14	11	22	—	47
6	Визитки	38	—	—	—	38
7	Доминиканки	26	—	—	—	26
8	Кармелитанки	20	—	—	—	20
9	Колетки	14	—	—	—	14
10	Цистерки	—	—	8	—	8
Всего:		360	46	117	35	655

**КАТОЛИЧЕСКИЕ МОНАСТЫРИ БЕЛАРУСИ
(КОНЕЦ XVIII – ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА XIX в.)¹**

Витебская губерния.

Иезуиты:

1. Полоцкий монастырь.
2. Витебский монастырь.

Доминиканцы:

3. Забельский монастырь.
4. Ушачский монастырь.
5. Полоцкий монастырь.
6. Витебский монастырь.
7. Чашникский монастырь.
8. Уллаский монастырь.

Францискане:

9. Полоцкий монастырь.

Тринитары:

10. Витебский монастырь.

Бернардины:

11. Витебский монастырь.
12. Полоцкий монастырь.

Пиары:

13. Витебский монастырь.

Миссионеры:

14. Освейский монастырь.

Могилевская губерния.

Иезуиты:

15. Могилевский монастырь.
16. Мстиславский монастырь.
17. Оршанский монастырь.

Доминиканцы:

18. Шкловский монастырь.

¹ НИА Беларуси, ф. 957, оп. 1, д. 16, л. 2–105; ф. 1297, оп. 1, д. 5532, л. 7–19; ИА Литвы, ф. 604, оп. 5, д. 653, л. 32–35; БАН Литвы, F-43-3676, л. 1–8; Spisek łacinskiego duchowenstwa mohilewskiej archi-diecezyi r. 1808 u mohilewie. – Mohilew, 1808.

19. Смолянский монастырь.
20. Дудаковичский монастырь.
21. Головчинский монастырь.
22. Малятичский монастырь.
23. Княжицкий монастырь.
24. Кричевский монастырь.
25. Мстиславский монастырь.
26. Оршанский монастырь.
27. Островненский монастырь.

Францискане:

28. Оршанский монастырь.
29. Сенненский монастырь.
30. Лукомльский монастырь.

Тринитары:

31. Оршанский монастырь.
32. Бабиновичский монастырь.

Кармелиты:

33. Бельничский монастырь.
34. Мстиславский монастырь.
35. Чаусский монастырь.
36. Станьковский монастырь.
37. Княжицкий монастырь.

Бернардинцы:

38. Могилевский монастырь.
39. Оршанский монастырь.
40. Мстиславский монастырь.
41. Рогачевский монастырь.
42. Шумятичский монастырь.
43. Микулинский монастырь.
44. Селищенский монастырь.

Миссионеры:

45. Оршанский монастырь.

Пиары:

46. Дубровенский монастырь.

Минская губерния.

Доминиканцы:

47. Хожаевичский монастырь.

48. Юревичский монастырь.
49. Клецкий монастырь.
50. Ляховичский монастырь.
51. Минский монастырь.
52. Нестановичский монастырь.
53. Остроглядский монастырь.
54. Раковский монастырь.
55. Речицкий монастырь.
56. Смолянский монастырь.
57. Заславский монастырь.
58. Пинский монастырь.
59. Любчанский монастырь.
60. Несвижский монастырь.
61. Новогрудский монастырь.
62. Полонкский монастырь.
63. Валовский монастырь.
64. Столбцовский монастырь.
65. Холопеничский монастырь.

Коммунисты:

66. Каролинский монастырь.

Бернардины:

67. Каролинский монастырь.
68. Слуцкий монастырь.
69. Глусский монастырь.
70. Мозырский монастырь.
71. Пинский монастырь.
72. Минский монастырь.

Кармелиты босые:

73. Пинский монастырь.

Миссионеры:

74. Смиловичский монастырь.

Францискане:

75. Новогрудский монастырь.
76. Ивенецкий монастырь.
77. Серафинский монастырь.
78. Пинский монастырь.
79. Минский монастырь.

Мариавитки:

80. Пинский монастырь.
81. Глусский монастырь.
82. Минский монастырь.
83. Мозырский монастырь.

Бенедиктины:

84. Минский монастырь.

Бенедиктинки:

85. Минский монастырь.

Бернардинки:

86. Минский монастырь.

Доминиканки:

87. Новогрудский монастырь.

Виленская губерния.

Доминикане:

88. Друйский монастырь.
89. Дуниловичский монастырь.
90. Ивьевский монастырь.
91. Ельненский монастырь.
92. Островецкий монастырь.
93. Ошмянский монастырь.
94. Шумский монастырь.
95. Василишский монастырь.
96. Белицкий монастырь.

Францискане:

97. Гольшанский монастырь.
98. Ошмянский монастырь.
99. Дисненский монастырь.
100. Лидский монастырь.
101. Поставский монастырь.
102. Мядельский монастырь.

Тринитары:

103. Кривичский монастырь.
104. Молодечненский монастырь.

Кармелиты древних правил:

- 105. Жолудокский монастырь.
- 106. Лидский монастырь.
- 107. Крупчицкий монастырь.
- 108. Шеметовский монастырь.
- 109. Колесниковский монастырь.
- 110. Засвирский монастырь.

Кармелитки:

- 111. Вилейский монастырь.

Пиары:

- 112. Щучинский монастырь.
- 113. Лидский монастырь.

Кармелиты босые:

- 114. Гудогайский монастырь.
- 115. Глубокский монастырь.
- 116. Старомядельский монастырь.

Бернардины:

- 117. Белицкий монастырь.
- 118. Будславский монастырь.
- 119. Друйский монастырь.
- 120. Ивьевский монастырь.
- 121. Воложинский монастырь.

Каноники от покаяния:

- 122. Миорский монастырь.

Сестры милосердия:

- 123. Щучинский монастырь.

Бенедиктины:

- 124. Городишский монастырь.

Гродненская губерния.

Доминиканцы:

- 125. Брестский монастырь.
- 126. Быховичский монастырь.
- 127. Деречинский монастырь.
- 128. Гродненский монастырь.

- 129. Хонзовский монастырь.
- 130. Климовский монастырь.
- 131. Конюховский монастырь.
- 132. Пясковский монастырь.
- 133. Слонимский монастырь.

Тринитары:

- 134. Брестский монастырь.

Миссионеры:

- 135. Семятичский монастырь.
- 136. Лысковский монастырь.

Картузианцы:

- 137. Картуз-Березовский монастырь.

Францискане:

- 138. Свислочский монастырь.
- 139. Дрогичинский монастырь.
- 140. Гродненский монастырь.
- 141. Рясненский монастырь.

Кармелиты босые:

- 142. Гродненский монастырь.

Каноники латеранские:

- 143. Слонимский монастырь.

Бернардины:

- 144. Гродненский монастырь.
- 145. Брестский монастырь.
- 146. Слонимский монастырь.

Бернардинки:

- 147. Гродненский монастырь.
- 148. Брестский монастырь.
- 149. Слонимский монастырь.

Бенедиктины:

- 150. Дрогичинский монастырь.
- 151. Слонимский монастырь.

Августинцы:

- 152. Брестский монастырь.

Бонифратры:

- 153. Гродненский монастырь.
- 154. Высоко-Литовский монастырь.
- 155. Картуз-Березовский монастырь.

Пиары:

- 156. Дрогичинский монастырь.
- 157. Зельвенский монастырь.

Бригитки:

- 158. Брестский монастырь.
- 159. Гродненский монастырь.

Мариавитки:

- 160. Слонимский монастырь.

**ЛЮТЕРАНСКИЕ И РЕФОРМАТСКИЕ ХРАМЫ
(КОНЕЦ XVIII – ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА XIX в.)¹**

Реформатские сборы.

Занеманский дистрикт:

- 1) мест. Изабелин – Волковысский уезд Гродненской губернии;
- 2) мест. Ямна – Брестский уезд Гродненской губернии;
- 3) с. Непокойчицы – Кобринский уезд Гродненской губернии;
- 4) г. Брест – Гродненская губерния
- 5) мест. Осташин – Новогрудский уезд Минской губернии;
- 6) мест. Белица – Лидский уезд Виленской губернии;
- 7) мест. Зарой;
- 8) мест. Рясна – Брестский уезд Гродненской губернии.

Белорусский дистрикт:

- 9) г. Слуцк – Слуцкий уезд Минской губернии;
- 10) каплица Загаль – Слуцкий уезд Минской губернии;
- 11) каплица Семеновичи – Игуменский уезд Минской губернии;
- 12) мест. Койданово – Минский уезд и губерния;
- 13) мест. Эйнаровичи – Борисовский уезд Минской губернии;
- 14) мест. Копысь – Копысский уезд Могилевской губернии.

Виленский дистрикт:

- 15) мест. Жупраны – Ошмянский уезд Виленской губернии;
- 16) мест. Девятово – Лидский уезд Виленской губернии.

Лютеранские кирхи:

- 1) Гродно,
- 2) Минск,
- 3) Слуцк,
- 4) Витебск,
- 5) Полоцк,
- 6) Могилев.

¹ НИА Беларуси в Гродно, ф. 1, оп. 19, д. 1018, л. 11, 58–59 об.;
НИА Беларуси, ф. 1952, оп. 1, д. 6, л. 1.

**СТАРООБРЯДЧЕСКИЕ МОНАСТЫРИ БЕЛАРУСИ
В КОНЦЕ XVIII в.¹**

Могилевская губерния:

- 1) Чонский Успенский мужской единоверческий монастырь;
- 2) Иосафовский мужской монастырь — более 100 чел. монахов и беглецов;
- 3) скит близ Огородны — более 50 монахов;
- 4) Пыханский монастырь — 20 монахов;
- 5) Тырловский монастырь — 10 монахов;
- 6) при Спасовой слободе женский монастырь — более 50 чел.;
- 7) скит Чистые лужи — 10 чел.;
- 8) Ветковский монастырь — около 100 чел.;
- 9) хутор Абрамовка — около 40 чел.

¹ Горючко П. Материалы для истории раскола старообрядчества конца XVIII и начала XIX века. — Могилев, 1902. — С. 21–24.

МЕЧЕТИ БЕЛАРУСИ В XIX в.¹

Минская губерния:

1. Узда — Игуменский уезд, в 1882 г. при мечети было 100 прихожан обоого пола.
2. Смиловичи — Игуменский уезд, в 1882 г. — 425 прихожан обоого пола.
3. Новогрудок — Новогрудский уезд, в 1882 г. — 333 прихожанина мужского пола.
4. Ловчицы — Новогрудский уезд, в 1882 г. — 100 прихожан обоого пола.
5. Мир — Новогрудский уезд, в 1882 г. — 25 прихожан обоого пола.
6. Минск, в 1844 г. — 325 прихожан.
7. Ляховичи — Вилейский уезд, в 1882 г. — 315 прихожан мужского пола.
8. Осмолово — Вилейский уезд, в 1882 г. — 504 прихожанина мужского пола.
9. Клецк — Слуцкий уезд.

Виленская губерния:

10. Даубутишки — Ошмянский уезд.
11. Ивье — Ошмянский уезд.
12. Муравцизна — Ошмянский уезд.
13. Некрашуны — Лидский уезд, в 1851 г. — 364 прихожанина.

Ковенская губерния:

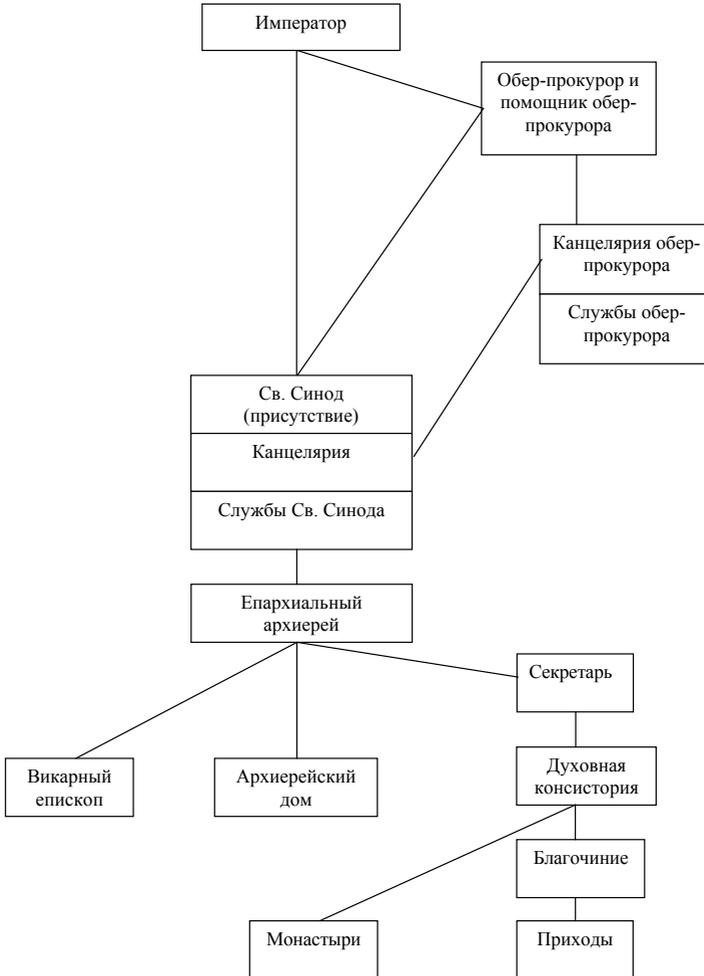
14. Видзы — Новоалександровский уезд, в 1880 г. — 520 прихожан.

Гродненская губерния:

15. Крушняны — Гродненский уезд, в 1839 г. — 239 прихожан.
16. Слоним, в 1839 г. — 239 прихожан.

¹ РГИА, ф. 821, оп. 8, д. 1094, л. 2; д. 666, л. 112 об.

**СТРУКТУРА ЦЕРКОВНОГО УПРАВЛЕНИЯ
1824—1917 гг.¹**

¹ История русской церкви. — М., 1997. — Т. 8, ч. 1. — С. 654.

Т а б л и ц а 1. **Количество униатских приходов, базилианских монастырей и монахов в Российской империи в 1825 г.¹**

№ п/п	Название униатской епархии	Кол-во приходов (на 1828 г.)	Кол-во базилианских монастырей		Кол-во базилианских монахов	
			муж.	жен.	монахи	монахини
1	Виленская митрополичья	307	17	17	127	27
2	Полоцкое архиепископство	461	18	2	114	29
3	Брестская	554	21	3	159	17
4	Луцкая	192	22	3	266	14
Всего		1514	78	26	666	87

¹ Gach P. P. Kasaty zakonow na ziemiach dawniej Rzeczypospolitej i Śląska. 1773—1914. — Lublin: wyd. katolic. un-ta Lubel., 1984. — S. 134; Записки Иосифа митрополита Литовского, изданные Императорской Академией наук по завещанию автора: В 3 т. — СПб.: тип. имп. АН, 1883. — Т. 2. — С. 481.

БАЗИЛИАНСКИЕ МОНАСТЫРИ В 1834 г.¹

Белорусская униатская епархия:

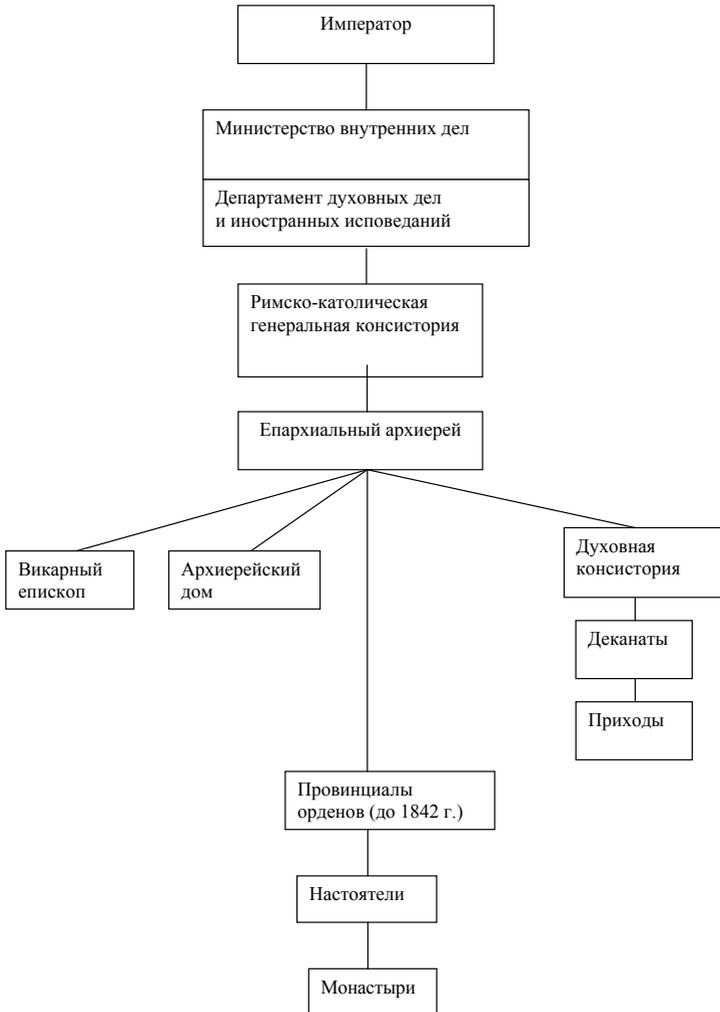
1. Тадулинский мужской монастырь.
2. Полоцкий Борисоглебский монастырь.
3. Махировский мужской монастырь.
4. Вербилловский мужской монастырь.
5. Оршанский мужской монастырь.
6. Пустынский мужской монастырь.
7. Маривильский мужской монастырь.
8. Онуфриевский мужской монастырь.
9. Березвечский мужской монастырь.
10. Ляданский мужской монастырь.
11. Иллукштадский мужской монастырь.
12. Якобшатский мужской монастырь.
13. Тригурский мужской монастырь.
14. Полоцкий женский монастырь при Софийском соборе.
15. Витебский Свято-Духовский женский монастырь.
16. Оршанский женский монастырь.

Литовская униатская епархия:

17. Виленский женский монастырь.
18. Гродненский женский монастырь.
19. Волнянский женский монастырь.
20. Почопский женский монастырь.
21. Пинский женский монастырь.
22. Мядельский женский монастырь.

¹ РГИА, ф. 797, оп. 87, д. 30, л. 45 об.

**СТРУКТУРА ЦЕРКОВНОГО УПРАВЛЕНИЯ
КАТОЛИЧЕСКОЙ ЦЕРКВИ С 30-х ГОДОВ XIX в.**

ПРИЛОЖЕНИЕ 21

Т а б л и ц а 1. Церковная структура Минской католической епархии на 1842 г.¹

Деканат	Парафия	Филия	Каплица	Алтарь	Духовенство	Монастырь	
						монахи	монахини
Минский город	2	4	3	—	30	2	2
Минский уезд	8	—	—	1			
Наднеманский	6	1	—	1	13	1	—
Игуменский	6	2	—	1	16	1	—
Бобруйский	4	1	2	—	8	1	1
Пинский	7	6	1	—	14	7	1
Мозырский	4	1	—	—	10	1	2
Речицкий	3	6	—	—	9	2	—
Борисовский	14	4	1	—	28	4	—
Дисненский	13	2	1	—	24	5	—
Вилейский	15	—	—	—	27	3	—
Надвильейский	8	1	—	2	18	1	—
Слуцкий	9	3	1	3	27	4	2
Всего	99	31	9	9	242	34	8

ПРИЛОЖЕНИЕ 22

Т а б л и ц а 1. Изменения в парафиальной структуре католических епархий в первой половине XIX в.²

Год	Численность		Ксендзы	Католики	Количество верующих на одного священника
	парафий	филий			
<i>Виленская католическая епархия</i>					
1804	272		626	736027	1176
1812	272		620	850105	1371
1834	299	59	582	863566	1461
1840	323	59	591	950619	1608
1856	301	62	601		

¹ Kumor B. Ustrój i organizacja kościoła polskiego w okresie niewoli narodowej. 1772—1918. — Kraków, 1980. — S. 553.

² Ibid. — S. 672, 675, 679.

Продолжение табл. 1

Год	Численность		Ксендзы	Католики	Количество верующих на одного священника
	парафий	филий			
<i>Минская католическая епархия</i>					
1804	94		143	112274	785
1834	91	48	209	231869	1109
1842	99	27	181		
<i>Могилевская католическая епархия</i>					
1804	186	—	204	225936	1108
1823	231	—	218	343382	1222
1834	254	90	320	735066	2297
1839	300	—	700	747000	1067
1849	309	471	—	—	—
1858	165	14	266	369753	1390

ПРИЛОЖЕНИЕ 23

СПИСОК КАТОЛИЧЕСКИХ МОНАСТЫРЕЙ, ЗАКРЫТЫХ В 20–50-х ГОДАХ XIX в.¹

Могилевское католическое архиепископство:

1. Головчинский доминиканский.
2. Шкловский доминиканский.
3. Княжицкий доминиканский.
4. Княжицкий кармелитский.
5. Бельничский кармелитский.
6. Рогачевский бернардинский.
7. Мстиславский бернардинский.
8. Мстиславский кармелитский.
9. Мазыканский кармелитский.
10. Пецковский доминиканский.
11. Кричевский доминиканский.
12. Радомльский доминиканский.
13. Чаусский кармелитский.
14. Белецкий доминиканский.
15. Лукомский францисканский.
16. Островнянский доминиканский.
17. Дудаковичский доминиканский.

¹ Национальный исторический архив Беларуси, ф. 2001, оп. 1, л. 147, л. 674, 674 об.; Библиотека Академии наук Литвы. Отдел рукописей, F-43-3676, к. 1-8; F-43 - 3671, л. 15, 20, 22, 39, 51, 53, 85, 85 об., 97.

18. Смолянский доминиканский.
19. Оршанский тринитарский.
20. Оршанский бернардинский.
21. Бабиновичский тринитарский.
22. Микулинский бернардинский.

Виленская католическая епархия:

1. Брест-Литовский августинский — закрыт в 1831 г.
2. Трокский бенедиктинский.
3. Гродненский бернардинский — 1853 г.
4. Белицкий бернардинский — 1851 г.
5. Брест-Литовский бернардинский — 1831 г.
6. Будславский бернардинский — 1858 г.
7. Друйский бернардинский — 1850 г.
8. Ивьевский бернардинский — 1857 г.
9. Воложинский бернардинский — 1860 г.
10. Гродненский бонифратров — 1843 г.
11. Высоко-Литовский бонифратров — 1840 г.
12. Березовский картузианский — 1832 г.
13. Кременецкий каноников латеранских — 1832 г.
14. Слонимский каноников латеранских — 1843 г.
15. Быстрицкий каноников от покаяния.
16. Михалишский каноников от покаяния — 1832 г.
17. Медишский каноников от покаяния — 1832 г.
18. Тверечский каноников от покаяния — 1832 г.
19. Миорский каноников от покаяния — 1832 г.
20. Подберезский каноников от покаяния — 1832 г.
21. Гудогайский кармелитов босых — 1849 г.
22. Гудогайский кармелитов босых — 1832 г.
23. Колесникский кармелитов древних правил — 1832 г.
24. Крупчицкий кармелитов древних правил — 1850 г.
25. Лидский кармелитов древних правил — 1832 г.
26. Таброишский кармелитов древних правил — 1832 г.
27. Слободский кармелитов древних правил — 1850 г.
28. Жмудский кармелитов древних правил — 1832 г.
29. Гродненский доминиканский — 1833 г.
30. Брест-Литовский доминиканский — 1831 г.
31. Буховичский доминиканский — 1832 г.
32. Хорошчанский доминиканский — 1832 г.
33. Деречинский доминиканский — 1832 г.
34. Друйский доминиканский — 1832 г.
35. Белицкий доминиканский — 1832 г.
36. Климовичский доминиканский — 1832 г.
37. Конюхский доминиканский — 1832 г.

38. Меречский доминиканский — 1832 г.
39. Ошмянский доминиканский — 1850 г.
40. Рожанстокский доминиканский — 1845 г.
41. Слонимский доминиканский — 1845 г.
42. Василишковский доминиканский — 1832 г.
43. Высокодворский доминиканский — 1832 г.
44. Гродненский францисканский — 1833 г.
45. Дрогичинский францисканский — 1832 г.
46. Дрогичинский францисканский — 1832 г.
47. Дисненский францисканский — 1832 г.
48. Лидский францисканский — 1832 г.
49. Лопенецкий францисканский — 1832 г.
50. Гольшанский францисканский — 1832 г.
51. Ошмянский францисканский — 1845 г.
52. Поставский францисканский — 1832 г.
53. Прозорокский францисканский — 1832 г.
54. Свислочский францисканский — 1832 г.
55. Шибакпольский францисканский — 1833 г.
56. Удзальский францисканский — 1851 г.
57. Мирославльский марианский — 1851 г.
58. Лысковский миссионерский — 1832 г.
59. Семятичский миссионерский — 1844 г.
60. Смоленский миссионерский — 1844 г.
61. Дрогичинский пиарский — 1832 г.
62. Дукштайский пиарский — 1832 г.
63. Лужковский пиарский — 1832 г.
64. Лидский пиарский — 1832 г.
65. Щучинский пиарский — 1832 г.
66. Вереновский пиарский — 1856 г.
67. Зельвянский пиарский — 1832 г.
68. Брест-Литовский тринитарский — 1831 г.
69. Кривичский тринитарский — 1832 г.
70. Молодечненский тринитарский — 1832 г.
71. Боцьковский реформатский — 1832 г.
72. Дрогичинский бенедиктинский женский — 1856 г.
73. Слонимский бенедиктинский женский — 1850 г.
74. Гродненский бернардинский женский — 1853 г.
75. Брест-Литовский бернардинский женский — 1831 г.
76. Слонимский мариавитский женский — 1850 г.
77. Брест-Литовский бригитский женский — 1831 г.

Минская католическая епархия:

1. Слуцкий бернардинский.
2. Клецкий доминиканский.
3. Глусский бернардинский — 1832 г.

4. Мозырский бернардинский — 1833 г.
5. Мозырский мариавитский — 1849 г.
6. Столбцовский доминиканский.
7. Смиловичский миссионерский.
8. Серафинский францисканский — 1832 г.
9. Пинский кармелитский — 1832 г.
10. Пинский бернардинский — 1832 г.
11. Пинский мариавитский — 1842 г.
12. Пинский доминиканский — 1830 г.
13. Пинский францисканский — 1851 г.
14. Новогрудский францисканский — 1842 г.
15. Зембинский доминиканский — 1832 г.
16. Березинский доминиканский — 1833 г.
17. Хатаевичский доминиканский — 1832 г.
18. Холопеничский доминиканский — 1832 г.
19. Заславский доминиканский — 1832 г.
20. Раковский доминиканский — 1832 г.
21. Ивенецкий францисканский — 1832 г.

ПРИЛОЖЕНИЕ 24

**Т а б л и ц а 1. Количество православных церквей
в епархиях¹**

Год	Епархия	Общее количество церквей	Количество упраздненных церквей
1840	Литовская	810	210
	Минская	1173	354
	Могилевская	648	74
	Полоцкая	463	59
1850	Литовская	668	78
	Минская	1083	369
	Могилевская	660	80
	Полоцкая	456	81
1860	Литовская	699	76
	Минская	1023	271
	Могилевская	678	79
	Полоцкая	456	73

¹ Преображенский И. Отечественная церковь по статистическим данным с 1840—41 по 1890—91. — СПб.: тип. Э. Арнольда, 1897. — С. 23.

**СТАРООБРЯДЧЕСКИЕ МОЛИТВЕННЫЕ ДОМА
И ЧАСОВНИ В БЕЛОРУССКО-ЛИТОВСКИХ
ГУБЕРНИЯХ (ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА XIX в.)¹**

Минская губерния (сведения на 1851 г.):

- 1) д. Будише – Холопеничская волость Борисовского уезда;
- 2) д. Бабарин – Борисовский уезд;
- 3) д. Капустинская Слобода – Качеричская волость Бобруйского уезда;
- 4) д. Турная – Бобруйский уезд;
- 5) д. Соложин – Степская волость Бобруйского уезда.

Виленская губерния (сведения на 1851 г.):

- 6) д. Перелазы – Гелванская волость Виленского уезда;
- 7) д. Апидемах – Свентянский уезд;
- 8) д. Михалово – Свентянский уезд;
- 9) д. Юргелишки – Свентянский уезд;
- 10) д. Сухинки – Хотенчицкая волость Дисненского уезда;
- 11) д. Озерова – Богинская волость Дисненского уезда;
- 12) имение Линковщизна – Дисненский уезд.

Ковенская губерния (сведения на 1851 г.):

- 13) д. Рымки – Ковенский уезд;
- 14) д. Поезерцы – Вилкомирский уезд;
- 15) д. Пуше – Вилкомирский уезд;
- 16) д. Стырта – Вилкомирский уезд;
- 17) д. Каролишки – Новоалександровский уезд;
- 18) д. Милющи – Новоалександровский уезд;
- 19) д. Бобришки – Новоалександровский уезд;
- 20) д. Кирилин – Новоалександровский уезд;
- 21) д. Дегицы – Новоалександровский уезд.

Витебская губерния (сведения на 1847 г.):

- 22–24) Витебск – 3 часовни;
- 25) Полоцк;

¹ ИА Литвы, ф. 378, п/о, 1850, д. 2795, л. 39 об., 40; д. 2795, л. 32 об. – 33; НИА Беларуси, ф. 1297, оп. 1, д. 6675, л. 207 об., 208; д. 6675, л. 192 об., 193.

- 26) селение Жарцы — Артейковичская волость Полоцкого уезда;
- 27) д. Сидоровщина — Ловожская волость Полоцкого уезда;
- 28) д. Константиновка — Ловожская волость Полоцкого уезда;
- 29) д. Латкова — Ловожская волость Полоцкого уезда;
- 30) д. Заборье — Ловожская волость Полоцкого уезда;
- 31) д. Дуброво — Полоцкий уезд.
- 32) г. Динабург;
- 33) мест. Креславка — Динабургский уезд;
- 34) д. Тристишки — Изабелинская волость Динабургского уезда;
- 35) д. Маслово — Катинская волость Динабургского уезда;
- 36) д. Якубино — Вышковская волость Динабургского уезда;
- 37) д. Криваны — Креславская волость Динабургского уезда;
- 38) д. Москвино — Прельская волость Динабургского уезда;
- 39) д. Фольварок — Катинская волость Динабургского уезда;
- 40) с. Репище — Плосковская волость Невельского уезда;
- 41) д. Пружинцы — Рыкшинская волость Невельского уезда;
- 42) д. Ендужи — Старнянская волость Режицкого уезда;
- 43) д. Грижински — Андрепненская волость Режицкого уезда;
- 44) д. Камнишки — Узультуйжская волость Режицкого уезда;
- 45) д. Пудырово — Сакстызальская волость Режицкого уезда;
- 46) д. Кристемах — Солуионская волость Режицкого уезда;
- 47) д. Ломы — Голянская волость Режицкого уезда;
- 48) д. Гурилишки — Тискадская волость Режицкого уезда;
- 49) д. Тискады — Режицкий уезд;
- 50) д. Штыканы — Ружинская волость Режицкого уезда;
- 51) д. Липушки — Андрепневская волость Режицкого уезда;
- 52) д. Вайново — Салуионская волость Режицкого уезда;
- 53) д. Сканчалишки — Салуионская волость Режицкого уезда;
- 54) с. Яковлево — Тогилянская волость Себежского уезда;

- 55) д. Обитель – Сутоцкая волость Суражского уезда;
56) с. Фокино – Сутоцкая волость Суражского уезда.

Могилевская губерния (сведения на 1847 г.):

- 57) мест. Белица;
58) мест. Ветка – Белицкий уезд (женский монастырь);
59) д. Спасова Слобода – Белицкий уезд (женский монастырь);
60) д. Жгунская Буда – Носовичская волость Белицкого уезда;
61) д. Новая Мильча – Белицкий уезд;
62) д. Косицкая Слобода – Вылевская волость Белицкого уезда (2 молитвенных здания);
63) д. Тарасовка – Ветковская волость Белицкого уезда;
64) д. Романова Слобода – Вылевская волость Белицкого уезда (2 часовни);
65) д. Пожувка – Вылевская волость Белицкого уезда;
66) д. Леонтьева Слобода – Вылевская волость Белицкого уезда (3 часовни);
67) д. Дубовый Лог – Вылевская волость Белицкого уезда (2 часовни);
68) д. Марьина Слобода – Ветковская волость Белицкого уезда (2 часовни);
69) д. Новые Крупцы – Кормянская волость Белицкого уезда (2 молитвенных здания);
70) д. Макаров – Носовичская волость Белицкого уезда (единоверческий монастырь);
71) д. Никольское – Белицкий уезд (мужской монастырь, молитвенное здание);
72) д. Пахомьево – Белицкий уезд (мужской монастырь, 2 молитвенных здания);
73) д. Слобода Турская – Городецкая волость Рогачевского уезда;
74) д. Голодная (Новая Ивановка) – Речковская волость Белицкого уезда;
75) д. Покати – Покотская волость Белицкого уезда;
76) д. Плисы – Островенская волость Сенненского уезда;
77) д. Гроново – Дубровицкая волость Чериковского уезда.

**СТРУКТУРА ЦЕРКОВНОГО УПРАВЛЕНИЯ
ПРОТЕСТАНТСКОЙ ЦЕРКОВЬЮ С 30-х ГОДОВ XIX в.**

**ЦЕРКОВНАЯ СТРУКТУРА НЕХРИСТИАНСКИХ
КОНФЕССИЙ В 30–50-х ГОДАХ XIX в.**

Мусульманство:

Иудаизм:

**Т а б л и ц а 1. Численность еврейского населения
белорусско-литовских губерний в 1830–1831 гг.¹**

№ п/п	Губерния	Год			
		1830	1838	1847	1851
1	Гродненская	31813	33918	45403	43178
2	Минская	36947	48918	43470	45760
3	Могилевская	36681	45989	44496	49479
4	Виленская	46559	68729	72968	64043
5	Витебская	18878	21848	24988	27910
	Всего	170878	21906	231325	230370

¹ Stanislawski M. Tsar Nicolas 1 and the Jews. The transformation of Jewish society in Russia. 1825—1855. — Philadelphia, 1983. — P. 163.

**ПРИХОЖАНЕ И СВЯЩЕННИКИ
БОРИСОВСКОГО УЕЗДА МИНСКОЙ ГУБЕРНИИ,
ПЕРЕШЕДШИЕ ИЗ УНИАТСТВА В КАТОЛИЧЕСТВО
(КОНЕЦ XVIII – НАЧАЛО XIX в.)¹**

1. Мильчанский приход – 37 домов с 90 мужчинами и 72 женщинами – в 1799 г.
 2. Свадский приход – 40 мужчин и 23 женщины – в 1797 г.
 3. Березинский приход – 13 домов с 30 мужчинами и 13 женщинами – в 1799 г.
 4. Преображенский приход (Логойск) – 16 домов с 26 мужчинами и 24 женщинами – в 1799 г.
 5. Каменский приход – 28 домов с 51 мужчиной и 51 женщиной – в 1799 г.
 6. Волосевичский приход – 8 мужчин и 7 женщин – в 1799 г.
 7. Янушковичский приход – 1 мужчина и 9 женщин – в 1799 г.
 8. Камайский приход – 6 мужчин и 1 женщина – в 1811 г.
 9. Баранский приход – 172 мужчины и 162 женщины – в 1799 г.
 10. Небышинский приход – 15 домов с 22 мужчинами и 1 женщиной.
 11. Малодонецкий приход – 14 домов с 32 мужчинами и 34 женщинами.
 12. Зембинский приход – 13 домов с 30 мужчинами и 13 женщинами – в 1799 г.
 13. Баранский приход – 14 домов с 36 мужчинами и 26 женщинами – в 1799 г.
 14. Осовский приход – 60 мужчин и 57 женщин – в 1799 г.
 15. Витуничский приход – 20 дворов с 33 мужчинами и 35 женщинами – в 1798–1815 гг.
 16. Тумиловичский приход – 46 мужчин и 38 женщин.
- Итого: в разное время в 16 приходах Борисовского уезда перешли из униатства в католичество 655 мужчин и 574 женщины (1329 чел.).

¹ НИА Беларуси, ф.3245, оп.5, д.21, л.124, 124 об., 125.

Т а б л и ц а 1. **Ведомость о разборе прихожан по некоторым приходам Минской католической епархии на 1856 г.¹**

№ п/п	Деканаты и приходы	Время окончания разборки	Кол-во прихожан обоего пола, оставшихся после разборки	Кол-во прихожан, перешедших в православие
<i>I. Деканаты по г. Минску</i>				
1	Минский кафедральный 1-го кл. приход	1843	7540	17
2	Троицко-Минский, 3-го кл.	1843	2307	25
3	Аннопольский		1709	
4	Волчковицкий		994	
5	Холевский		1528	
<i>II. Деканат Минского уезда</i>				
1	Каменский приход	1842	3333	—
2	Ивенецкий	1842	4438	—
3	Першайский	1842	2477	—
4	Волмянский	1843	5001	—
5	Раковский	1843	2355	31
6	Гродецкий	1847	1883	546
7	Дубровский	1851	1849	521
8	Заславский	1854	2724	39
<i>III. Борисовский деканат</i>				
1	Березинский	1844	1953	79
2	Борисовский	1851	2519	51
3	Докшицкий	1842	1654	17
4	Дедиловичский	1845	1196	54
5	Гаенский	1843	2416	16
6	Велемятичский	1848	1614	308
7	Корженский	1842	3527	—

¹ Национальный исторический архив Беларуси, ф. 1781, оп. 32, л. 99, л. 3—4, 6 об.— 7, 9 об.—10, 11 об.—12, 20 об.—21, 31 об.—32.

Продолжение табл. 1

№ п/п	Деканаты и приходы	Время окончания разборки	Кол-во прихожан обоого пола, оставшихся после разборки	Кол-во прихожан, перешедших в православие
<i>III. Борисовский деканат</i>				
8	Логойский		—	—
9	Холопенический	1842	1540	120
10	Хотаевичский	1842	1623	204
11	Околовский	1850	3232	96
12	Зембинский	1846	1283	74
13	Омнишевский	1842	1664	17
<i>IV. Игуменский деканат</i>				
1	Березинский	1849	3085	106
2	Смиловичский	1844	3434	66
3	Игуменский	1855	967	98
4	Дукорский	1842	757	71
5	Блонский	1843	4791	57
6	Королишевицкий	1847	2069	47
7	Серафинский	1843	1500	—
<i>V. Мозырский деканат</i>				
1	Мозырский	1844	2035	1
2	Копаткевичский	1844	392	1
3	Петриковский		1431	
4	Кимбировский		1790	

Т а б л и ц а 1. Состав Виленской губернии по вероисповеданиям в 1851 г. (белорусские уезды) ¹

№ п/п	Уезд	Православные		Католики		Протестанты		Раскольники		Магометане		Иудеи	
		муж.	жен.	муж.	жен.	муж.	жен.	муж.	жен.	муж.	жен.	муж.	жен.
1	Ошмянский	15117	15229	44555	16714	3	—	—	—	193	220	2267	2894
2	Свентянский	4413	4288	50836	50648	1	—	1790	1856	145	45	1398	1903
3	Лидский	13982	13906	46757	47479	1	5	—	—	—	202	2639	3578
4	Вилейский	25108	26280	29693	31150	3	1	440	381	114	129	2289	3050
5	Дисненский	27087	27951	23069	24620	—	—	922	853	32	20	3777	4023
	Всего:	92181	911276	313551	321138	453	456	6630	6147	1299	1031	26624	36721

¹ Очерки Виленской губернии. — Вильна, 1853. — С.12.

ПРИЛОЖЕНИЕ 32

**Т а б л и ц а 1. Состав населения Могилевской губернии
по вероисповеданиям в 1831 г.¹**

№ п/п	Город и уезд	Право-славные	Люте-ране	Ре-фор-маты	Като-лики	Униаты	Иудеи
1	Могилевский	41426	28	—	1525	4811	7814
2	Оршанский	33736	—	—	2265	7958	3477
3	Бабиновичский	31383	—	—	1433	10378	2895
4	Сенненский	749	—	—	9608	46768	1744
5	Копысский	22003	—	34	3606	20746	2828
6	Быховский	25668	—	30	1232	17001	2504
7	Рогачевский	22939	26	32	4146	34081	3128
8	Белицкий	52875	55	—	4251	27	2026
9	Мстиславский	27354	1	—	7888	12250	4112
10	Климовичский	31667	—	—	1986	14972	1251
11	Чериковский	43261	—	—	2206	8696	1945
12	Чаусский	32000	2	—	3374	956	1894
Итого:		365061	112	96	43520	187644	35618

¹ Национальный исторический архив Беларуси, ф. 1297, оп. 1, д. 5937, л. 27.

РУКОВОДСТВО ПРАВОСЛАВНЫХ ЕПАРХИЙ¹

Литовская православная епархия:

Иосиф Семашко – 1839–1869.

Минская православная епархия:

Виктор (Садковский) – 1793–1796,
Иов (Потемкин) – 1796–1812,
Серафим (Глаголевский) – 1812–1814,
Анатолий (Максимович) – 1816–1832,
Евгений – 1832–1833,
Никанор (Климентьевский) – 1834–1840,
Антоний Зубко – 1840–1848,
Михаил Голубович – 1848–1868.

Могилевская (Белорусская) православная епархия:

Георгий (Конисский) – 1755–1795,
Афанасий (Вольховский) – 1795–1797,
Илларион (Кондратковский) – 1797,
Афанасий (Братановский-Романенко) – 1797–1805,
Варлаам (Шишацкий) – 1805–1813,
Даниил (Нагток-Михайловский (Мирдамский)) – 1813–1821,
Иосаф (Сретенский) – 1821–1827,
Павел (Морев) – 1827–1831,
Гавриил (Городков) – 1831–1837,
Смарагд (Крыжановский) – 1837–1840,
Исидор (Никольский) – 1840–1844,
Анатолий (Мартыновский) – 1844–1860,
Евсевий (Орлинский) – 1860–1882.

Полоцкая православная епархия:

Смарагд (Крыжановский) – 1833–1837,
Исидор (Никольский) – 1837–1840,
Василий Лужинский – 1840–1866.

¹ История русской церкви: В 9 т. – М.: изд-во Спасо-Преобр. Валаам. мон., 1994 – 1997. – Т.8, 1700 – 1917. – 1997. – Ч.1. – С.710, 713 – 715.

РУКОВОДСТВО УНИАТСКОЙ ЦЕРКВИ¹

1. Униатские митрополиты:

Иракий Лисовский (1804–1809),
Григорий Коханович (1809–1812),
Иосафат Булгак (1817–1838).

2. Полоцкое униатское архиепископство:

Ясон Юноша-Смогоржевский (1762–1780),
Иракий Лисовский (1784–1809),
Иоанн Красовский (1810–1820),
Иаков Матусевич (1820–1828).

3. Брестская униатская епархия:

Иосафат Булгак (1795–1828),
Лев Яворский (1810–1828).

4. Виленская униатская митрополичья епархия:

Анриан Головня (1810–1828).

5. Литовская униатская епархия:

Анриан Головня (1828–1833),
Иосиф Семашко (1833–1839).

6. Белорусская униатская епархия:

Иаков Матусевич (1828–1833),
Иосафат Булгак (1833–1838),
Василий Лужинский (1838–1839).

¹ Бобровский П.О. Русская греко-униатская церковь в царствование императора Александра I. – СПб., 1890. – С. 52.

ПРИЛОЖЕНИЕ 35

Т а б л и ц а 1. Руководство католическими епархиями
белорусско-литовских губерний
в конце XVIII – первой половине XIX в.¹

№ п/п	Епархия	Архиерей	Администратор	Время правления
1	Белорусская	С. Богуш-Сестренцевич		1773–1783
2	Виленская	Я. Коссаковский		1798–1808
			Г. Стройковский	1808–1814
		Г. Стройковский		1814–1815
			Н. Пузына	1815
			С. Богуш-Сестренцевич	1816–1826
			К. Цетишевский	1827–1828
			А. Клонгевич	1828–1840
		А. Клонгевич		1840–1841
			Я. Цыванский	1841–1846
		В. Жилинский		1848–1858
		А. Красинский		1859–1863
3	Жмудская	С. Гедройц		1778–1801
		И. Гедройц		1801–1838
			С. Гедройц	1838–1844
		Свободна		1844–1848
		М. Волончевский		1850–1875
4	Минская	Я. Дедерко		1798–1816
			М. Липский	1816–1831
		М. Липский		1831–1839
			М. Рава	1839–1852
		А. Войткевич		1853–1869
5	Могилевская	С. Богуш-Сестренцевич		1783–1826
			К. Цетишевский	1826–1828

¹ Dylągowa H. Duchowienstwo katolickie wobec sprawy narodowej (1764–1864). — Lublin, 1983.

Продолжение табл. 1

№ п/п	Епархия	Архиерей	Администратор	Время правления
		К. Цетишевский		1828–1831
		Свободна		1831–1841
		И. Павловский		1841–1842
		Свободна		1842–1848
		К. Дмоховский		1848–1851
		И. Головинский		1851–1855
		В. Жилинский		1856–1863

ПРИЛОЖЕНИЕ 36

РУКОВОДСТВО РЕФОРМАТСКОЙ ЦЕРКВИ¹

1. Виленские супер-интенданты:

Александр Монкевич – 1768–1801,
Стефан Речинский – 1801–1827,
Рафал Довнар – 1828–1845.

2. Генеральные супер-интенданты:

Александр Анишевский – 1833–1844,
Михаил Речинский – 1855–1856,
Стефан Липинский – 1857–1879.

¹ БАН Литвы, F-40-678, л. 2; F-40-624, л. 3.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Основными направлениями конфессиональной политики царского правительства в Беларуси в 1772—1860 гг. были унификация церковного управления и структур конфессий, укрепление статуса господствующей в Российской империи православной церкви, правовое оформление межконфессиональных отношений. Исследование этих проблем позволило выделить три характерных этапа эволюции конфессиональной политики.

1772—1796 гг. Для этого периода характерно изучение структур конфессий, оценка состояния церковного имущества, образованности духовенства и т. д. По мере присоединения новых территорий в результате разделов Речи Посполитой усиливается стремление к уничтожению старых церковных структур и созданию новых. Однако разрабатывая идеологию создания новых органов по управлению конфессиями, царское правительство в этот период практически не вмешивалось в их внутреннюю жизнь.

1797—1825 гг. Политика царского правительства в отношении конфессий белорусско-литовских губерний на этом этапе крайне непоследовательна. Отдельные изменения как в руководстве конфессиями, так и в их церковных структурах наблюдались, но в целом этот процесс не был завершен. Царское правительство фактически продолжало политику невмешательства в конфессиональную жизнь губерний, реагируя указами только по спорным межконфессиональным вопросам. Тем не менее этот период стал переходным — от теоретического осмысления решения конфессиональных проблем к началу их практической реализации.

1826—1860 гг. В этот период происходит завершение процесса создания руководящих органов по управлению конфессиями и унификация церковных структур по образцу православной церкви. Идет процесс сращивания духовной и государственной власти на местах, когда все жизненно важные вопросы конфессий были поставлены в зависимость от согласия православного архиерея и губернских властей. На первое место в конфессиональной политике выдвигается направление по укреплению позиций православной церкви в белорусско-литовских губерниях.

Для установления фактического господствующего положения православной церкви в белорусско-литовских губерниях царское правительство идет на ликвидацию униатской церкви. Проект по ее ликвидации начал осуществляться только в конце 20-х годов XIX в. При этом правительство стремилось отторгнуть униатскую церковь от католической, используя распри внутри нее. Определенную роль в этом сыграли и низкий образовательный уровень приходского духовенства, индифферентность и неграмотность униатского населения. Присоединение к православию более 1,5 миллиона униатов способствовало увеличению численности и улучшению материального положения православной церкви. Но «воссоединенное» духовенство и прихожане длительное время сохраняли остатки униатского самосознания, что вызывало недоверие к ним как со стороны царского правительства, так и со стороны русского православного духовенства.

Политика самодержавия в отношении католической церкви на протяжении исследуемого периода была крайне непоследовательной. Декларируя недоверие к ней, однако не желая обострять отношения с дворянским сословием белорусско-литовских губерний, царское правительство старалось как можно меньше вмешиваться во внутренние дела этой церкви. О заигрывании с католической церковью, отсутствии четких позиций в ее отношении свидетельствует факт передачи католическому митрополиту управления униатской церковью. Вместе с тем предпринимались всевозможные меры, чтобы ослабить влияние Папы Римского и генералов католических орденов, кото-

рые оказались за пределами империи. Реальные шаги по ослаблению католичества и его роли в белорусско-литовских губерниях начали предприниматься царским правительством только после восстания 1830—1831 гг. В итоге к середине XIX в. католичество, потеряв статус господствующей церкви, смогло сохранить свое влияние.

Не получили в исследуемый период четкого законодательного оформления межконфессиональные отношения. Они регламентировались не только законодательством Российской империи, но и исторической традицией, что особенно характерно для смешанных браков и воспитания детей от них. Определенное влияние на межконфессиональные отношения оказывала миссионерская деятельность христианского духовенства. Немногочисленные вероисповедания (такие как лютеранство, реформатство, мусульманство) внимания правительства практически не привлекали, так как не играли какой-либо роли в общественной жизни белорусско-литовских губерний.

ЛИТЕРАТУРА

1. Акты и грамоты о устройстве и управлении римско-католической церкви в империи Российской и Царстве Польском. — СПб.: тип. Е. И. В. канц., 1849. — 240 с.
2. Акты издаваемые Виленскою комиссиею для разбора древних актов: В 39 т. — Вильна: тип. губерн. прав., 1865—1915. — Т. 16: Документы, относящиеся к истории церковной унии в России (1595—1839 гг.). — 1889. — 704 с.; Т. 31: Акты о литовских татарах (1521—1784). — 1906. — 586 с.
3. *Анішчанка Я. К.* Беларусь у часы Кацярыны II. — Мінск: Веды, 1998. — 211 с.
4. *Анішчанка Я. К.* Генеральнае межаванне на Беларусі. — Мінск: Беларуская навука, 1996. — 166 с.
5. *Анищенко Е. К.* Черта оседлости. — Минск: Арти-Фекс, 1998. — 160 с.
6. *Арсеньев В. С.* Из прошлого Полоцкой епархии. — Витебск: губ. тип. — 1900. — 4 с.
7. Архив Государственного Совета. — СПб.: тип. Е. И. В. канц., 1869. — Т. 1, ч. 1, 2: Совет в царствование Екатерины II. — Ч. 1. — 1036 с.; Ч. 2. — 932 с.
8. *Без-Корнилович М.* Исторические сведения о примечательнейших местах в Белоруссии. — СПб.: тип. 3 отд. собст. Е. И. В. канц., 1855. — 355 с.
9. Беларусіка — Мінск: Навука і тэхніка, 1992. — Кн. 2.— 403 с.; Кн. 3. — 1994. — 432 с.; Кн. 4. — 1995. — 382 с.
10. *Белоголов И.* Акты и документы, относящиеся к устройству и управлению римско-католических церквей в России: В 2 т. — Петроград, 1915. — Т. 1. — 415 с.
11. Белоруссия в эпоху феодализма: В 4 т. — Минск: изд. Акад. Наук БССР, 1959—1979. — Т. 4. — Минск: Наука и техника, 1979. — 375 с.
12. Библиотека Академии наук Литвы. Отдел рукописей.
13. Библиотека Вильнюсского университета. Отдел рукописей.
14. Библиотека Люблинского католического университета в Польше. Отдел рукописей.
15. *Билецкий А.* Описание Новоюрьковичского прихода Гомельского уезда Могилевской губернии. — Могилев: губ. тип., 1902. — 30 с.
16. *Благовидов Ф. В.* Обер-прокуроры Святейшего Синода в XVIII и первой половине XIX столетия. — Казань: тип. имп. ун-та, 1899. — 430 с.

17. *Блинова Т. Б.* Иезуиты в Белоруссии. — Минск: Беларусь, 1990. — 109 с.
18. *Бобровский П. О.* Русская греко-униатская церковь в царствование императора Александра I. — СПб.: тип. В. С. Балашева, 1890. — 394 с.
19. Брэсцкай царкоўнай уніі — 400 (Матэрыялы міжнароднай навуковай канферэнцыі): 36. арт. / Мін-ва адук. і інш.; Под ред. І. І. Акінчыца. — Брэст: Брэсцкі дзярж. ун-т, 1997. — 154 с.
20. Вестник Западной России: Ист.-лит. журн. — 1868. — Кн. 10. — Т. 4.
21. Военно-статистическое обозрение Российской империи, издаваемое при 1-м отделении департамента Генерального штаба трудами офицеров Генерального штаба: В 17 т. — СПб., 1848—1853. — Т. 8, ч. 3, Могилевская губерния. — 1848. — 267 с.; Т. 9, ч. 3, Гродненская губерния. — 1849. — 142 с.
22. Вывучэнне і захаванне культурнай спадчыны татарскага народа на Беларусі: Матэрыялы III міжнар. навук.-практ. канф., Мінск, 27—28 сак. 1997 г. / Дзярж. кам. па справах рэлігій і інш. — Мінск: Арты-Фекс, 1999. — 192 с.
23. *Ганчарук І. Г.* Структура, становішча і дзейнасць рымска-каталіцкай царквы на тэрыторыі Гродзенскага павета ў 1795—1830 г. // Весці Нацыянальнай Акадэміі навук Беларусі. Серыя гуманітарных навук. — 1999. — № 4. — С. 13—19.
24. *Гарбацкі А. А.* Стараабрадніцтва на Беларусі ў канцы XVII — пачатку XX стст. — Брэст: Брэсцкі дзярж. ун-т, 1999. — 203 с.
25. *Гессен Ю.* История евреев в России. — СПб.: тип. А. Я. Гинзбурга, 1914. — 345 с.
26. *Гессен Ю.* На арене кровавого навета в России. Происхождение ритуальной литературы на русском языке // Еврейская летопись: Сб. 1. — Петроград; Москва, 1923. — 64 с.
27. *Гессен Ю.* Раввинат в России // Еврейская энциклопедия. — СПб., б. г. — Т. 13. — С. 222—231.
28. Гістарычная навука і гістарычная адукацыя ў Рэспубліцы Беларусь: стан і перспектывы развіцця. Матэрыялы II Усебеларускай канферэнцыі гісторыкаў. Мінск, 10—11 крас. 1997 г.: 36. арт. / Бел. асац. гісторыкаў. — Мінск: БДУ, 1999. — 357 с.
29. Гісторыя Беларусі: новае ў даследаванні і выкладанні: 36. арт. / Мін-ва адукацыі РБ, БДПУ: У 2 ч. — Ч. 1. — 135 с.; Ч. 2. — 133 с.
30. *Глубоковский Н. Н.* Архиепископ Смарагд в его деятельности по соединению униатов (1833 — 1837 гг.) // Христианское чтение. — 1914. — № 3. — С. 299—327; № 4. — С. 468—499; № 5. — С. 614—641.
31. *Голицын Н. Н.* История русского законодательства о евреях: В 2 т. — СПб., 1886. — Т. 1, 1649—1825. — 220 с.
32. *Горизонтов Л. Е.* Парадоксы имперской политики: поляки в России и русские в Польше. — М.: изд-во Индрик, 1999. — 270 с.
33. *Горючко П. С.* Из истории воссоединения униатов в Белоруссии. 1780—1805 гг. — Киев, 1902. — 25 с.
34. *Горючко П.* Материалы для истории архиерейского дома и монастырей Могилевской епархии конца XVIII и начала XIX столетия. — Могилев: скоропечатня и литог. Ш. Фринланда, 1902. — 42 с.

35. *Горючко П.* Материалы для истории воссоединения униатов в Белоруссии. 1780—1795 годов. — Могилев: скоропечатня и литогр. Ш. Фринланда, 1903. — 8 с.
36. *Горючко П.* Материалы для истории Могилевского архиерейского хора (1798—1805). — Могилев: тип. губ. прав., 1903. — 9 с.
37. *Горючко П. С.* Материалы для истории раскола старообрядчества в Могилевской губернии конца XVIII и начала XIX столетий. — Могилев: тип. губ. правл., 1902. — 25 с.
38. *Горючко П.* Материалы для истории церквей Белоруссии конца XVIII и начала XIX столетий. — Могилев: тип. губ. правл., 1903. — 42 с.
39. *Горючко П.* Секретари Могилевской духовной консистории. 1769—1812 г. — Могилев: скоропечатня и литогр. Ш. Фринланда, 1902. — 18 с.
40. *Грыгаровіч І. І.* Беларуская іерархія — Мінск: БелЭн, 1992. — 101 с.
41. Дневники Сестрэнцевича, первого митрополита всех римско-католических церквей в России: В 5 ч. — СПб.: 1913—1917. — Ч. 1, 1797—1798, 1913. — 185 с.
42. Довбутишская мечеть // Ал-ислам. — 1994. — № 4. — С. 18—22.
43. *Довгялло Д. И.* Полоцкая епархия к 1903 г. — Витебск, 1903. — 106 с.
44. Другая міжнародная навукова-практычная канферэнцыя «Ісламская культура татараў-мусульман Беларусі, Літвы і Польшчы і яе ўзаемаадносінны з беларускай і іншымі культурамі: Зб. арт. / Рэспуб. цэнтр нац. культур і інш.: У 2 ч. — Мінск: БДПУ, 1996. — Ч. 1. — 198 с.; Ч. 2. — 147 с.
45. *Дубнов С. М.* Новейшая история еврейского народа (1789—1881). — СПб.: тип. Север., 1914. — 631 с.
46. *Дубнов С. М.* Новейшая история еврейского народа: В 3 т. — Рига: Dzive in kultura, 1937—1938. — Т. 1, 1937. — 339 с.
47. *Думін С. У., Канапацкі І. Б.* Беларускія татары. Мінулае і сучаснасць. — Мінск: Полымя, 1993. — 206 с.
48. *Жудро Ф.* Основание и первые годы Могилевской духовной семинарии (1757—1880 гг.) // Виленский календарь. — Вильна: тип. А. Г. Сыркина, 1895. — 284 с.
49. З гісторыі уніяцтва ў Беларусі (да 400-годдзя Брэсцкай уніі): Зб. арт. / АНБ Ін-т гісторыі; Пад рэд. М. В. Біча і П. А. Лойкі. — Мінск: Экаперспектыва, 1996. — 134 с.
50. Законоположения и правительственные распоряжения до римско-католической церкви в России, относящиеся до времени царствования царя Петра и Иоанна Алексеевичей с 1669 по 1867. — Вильно: тип. А. Киркора, 1868. — 615 с.
51. Записки Василия Лужинского архиепископа Полоцкого. — Казань: тип. имп. ун-та, 1885. — 312 с.
52. Записки Иосифа митрополита Литовского, изданные Императорской Академией наук по завещанию автора: В 3 т. — СПб.: тип. имп. АН, 1883. — Т. 1. — 745 с.; Т. 2. — 786 с.; Т. 3. — 1432 с.
53. *Зверинский В. В.* Материал для историко-топографического исследования о православных монастырях в Российской империи: В 3 т. — СПб., 1890—1897. — Т. 1, 1890. — 365 с.; Т. 2, 1892. — 340 с.; Т. 3, 1897. — 340 с.

54. *Іванова Л.* Рэфармацыйны рух на Беларусі (другая палова XVI — першая палова XVII стст.) // Беларускі гістарычны часопіс. — 1997. — № 2. — С. 54—72.

55. *Ізвеков В. Д.* Исторический очерк состояния православной церкви в Литовской епархии за время с 1839—1889. — М.: печатня А. И. Снегиревой, 1889. — 522 с.

56. Ислам в Республике Беларусь. История и современность: Материалы IV междунар. науч.-практ. конф: Сб. ст. / Гос. ком. по делам религий и др. — Минск, 1999. — 88 с.

57. Исторический архив Литвы.

58. История русской церкви: В 9 т. — М.: изд-во Спасо-Преобр. Валаам. мон., 1994—1997. — Т. 8, 1700—1917. — 1997. — Ч. 1. — 799 с.; Ч. 2. — 798 с.

59. *Канапацкі І. Б., Смолік А. І.* Гісторыя і культура беларускіх татар. — Мінск: Бел. ун-т кул., 2000. — 259 с.

60. *Кандель Ф.* Очерки времен и событий. Из истории российских евреев: В 2 ч. — Иерусалим, 1988—1990. — Ч. 1, 1988. — 235 с.; Ч. 2, 1990. — 240 с.

61. *Киприанович Г. Я.* Жизнь Иосифа Семашки митрополита Литовского и Виленского и воссоединение западнорусских униатов с православною церковию в 1839 г. — Изд. 2. — Вильно, 1897. — 613 с.

62. *Киприанович Г. Я.* Исторический очерк православия, католичества и уни в Белоруссии и Литве с древнейших времен до настоящего времени. — Вильна, 1895. — 45 с.

63. *Климов Н. Ф.* Постановление по делам православной церкви и духовенства в царствование императрицы Екатерины II: Вып. 1. — СПб.: скоропечатня П. О. Яблонского, 1902. — 215 с.

64. *Коялович М.* История воссоединения западнорусских униатов старых времен. — Минск: Лучи Софии, 1999. — 399 с.

65. *Коялович М. О.* О почившем митрополите Литовском Иосифе. — СПб., 1869. — 54 с.

66. *Кузнецова С.* Еврейские общины Беларуси в конце XVIII — начале XX века. — Минск: РИП «Петит», 1998. — 32 с.

67. *Кузьмин И. О.* Материалы к вопросу об обвинении евреев в ритуальных преступлениях. — СПб., 1913. — 230 с.

68. *Куль-Сяльверстава С. Я.* Беларусь на мяжы стагоддзяў і культур / Навук. рэд. П. І. Брыгадзін. — Мінск: БДУ. — 260 с.

69. *Лютостанский И. Н.* Об употреблении евреями (талмудическими сектаторами) христианской крови для религиозных целей в связи с вопросом об отношении еврейства к христианству вообще: В 2 т. — СПб.: тип. «Товарищество общественной польза», 1880—1882. — Т. 2, 1882. — 386 с.

70. *Мальшевский И.* Несколько замечаний по поводу крестьянских при церквях школ в Минской епархии // Труды Киевской духовной академии. — 1860. — Кн. 1. — С. 167—241.

71. *Марозава С.* Уніяцкая царква ў культурна-гістарычным развіцці Беларусі (1596—1839). — Гродна, 1996. — 110 с.

72. Могилевская епархия. Историко-статистическое описание: В 2 т. — Могилев: скоропечатня и литограф. Ш. Фринланда, 1906. — Т. 1. — 410 с.

73. Молитвенное общество // Еврейская энциклопедия. — СПб.: изд-во Брокгауз-Эфрон, б. г. — Т. 11. — С. 230—231.

74. *Морошкин М. Я.* Воссоединение унии // Вестник Европы. — 1872. — Кн. 4. — С. 606 — 643; Кн. 6. — С. 588—648; Кн. 7. — С. 60—111; Кн. 8. — С. 524—593.

75. *Морошкин М. Я.* Иезуиты в России с царствования Екатерины II и до нашего времени: В 2 т. — СПб.: 2 отд. соб. Е. И. В. канц., 1867—1870. — Т. 1. — 501 с.; Т. 2. — 513 с.

76. *Мухлинский А.* Исследование о происхождении и состоянии литовских татар. — СПб.: тип. Э. Веймера, 1857. — 70 с.

77. Национальный исторический архив Беларуси.

78. Национальный исторический архив Беларуси в Гродно.

79. Наш радавод. — Гродна. — Кн. 1—2, 1990. — 296 с.; Кн. 3, ч. 1—3, 1991. — 605 с.; Кн. 4, ч. 1—3, 1992. — 745 с.; Кн. 5, ч. 1—2, 1993. — 444 с.; Кн. 6, ч. 1—3, 1994. — 672 с.; Кн. 7, 1996. — 430 с.

80. *Никотин И. А.* Столетний период (1772—1872) русского законодательства и законодательство о евреях (1649—1876): В 2 т. — Вильна, 1886. — Т. 1. — 207 с.

81. Описание документов архива западнорусских униатских митрополитов: В 2 т. — СПб.: синод. тип., 1907. — Т. 2, 1701—1839. — 1632 с.

82. Памятная книжка Виленского учебного округа на 1874 год. — Вильно: тип. А. Г. Сыркина, 1873. — 152 с.

83. Першая міжнародная навукова-практычная канферэнцыя «Татары-мусульмане на землях Беларусі, Літвы і Польшчы»: Зб. арт. / БДПУ і інш.: У 3 ч. — Мінск, 1995. — 549 с.

84. П. I. Б. Противодействие базилианского ордена стремлению белого духовенства к реформе русской греко-униатской церкви. — Вильно: губ. тип., 1887. — 88 с.

85. Письма епископа Полоцкого Смарагда к князю Н. Н. Хованскому // Русский архив. — 1891. — Кн. 8. — С. 427—440.

86. Письма И. С. Жиркевича // Исторический вестник. — 1892. — № 4. — С. 151—152.

87. *Покровский И. М.* Русские епархии в XV—XIX в., их открытие, состав и предмет: В 3 т. — Казань, 1913. — Т. 2. — 465 с.

88. Полное собрание законов Российской империи: Собр. 1-е с 1649 по 12 декабря 1825 г.: В 45 т. — СПб.: тип. отд. Е. И. В. канц., 1830—1849. — Т. 19, 1830. — 936 с.; Т. 20. — 1054 с.; Т. 21. — 1070 с.; Т. 22. — 1060 с.; Т. 23. — 1045 с.; Т. 25. — 987 с.

89. Полное собрание законов Российской империи: Собр. 2 с 12 декабря 1825 г.: В 55 т. — СПб.: тип. II отд. Е. И. В. канц., 1830—1885. — Т. 5, 1831. — 1070 с.

90. *Преображенский И.* Отечественная церковь по статистическим данным с 1840—41 по 1890—91. — СПб.: тип. Э. Арнольда, 1897. — 236 с.

91. Причины до жыцця і справы м. Мокрыны // *Analekta ordinis s. Basilii Magni*. — Жовква, 1928. — Т. 3, вып. 1—2 — С. 78—89.

92. Пятидесятилетие (1839—1885) воссоединения с православною церковию западнорусских униатов: Сб. ст.: синод. тип., 1889. — 71 с.

93. Развитие русского права в первой половине XIX века. — М.: Наука, 1994. — 315 с.
94. Российский государственный исторический архив.
95. Российская национальная библиотека. Отдел рукописей.
96. *Рубинштейн С. Ф.* Хронологический указатель указов и правительственных распоряжений по губерниям Западной России, Белоруссии и Малороссии за 240 лет, с 1652 по 1892. — Вильно: губ. тип., 1894. — 919 с.
97. *Рункевич С.* История Минской архиепископии (1793—1832 гг.). — СПб.: тип. А. Катанского, 1893. — 574 с.
98. Русское православие. Вехи истории. — М.: Политиздат, 1989. — 719 с.
99. *Сапунов А.* Архив Полоцкой духовной консистории. — М.: печ. А. Снегиревой, 1898. — 102 с.
100. *Сапунов А.* Заметка о коллегии и академии иезуитов в Полоцке. — Витебск: тип. губ. прав., 1890. — 34 с.
101. *Сапунов А.* Исторические судьбы Полоцкой епархии с древнейших времен до половины XIX века. — Витебск: тип. губ. правл., 1889. — 174 с.
102. Семь проповедей синодального члена митрополита Литовского и Виленского Иосифа, говоренная при важнейших случаях служения и о греко-униатской церкви в Западном крае России. Воспоминания архиепископа Антония. — СПб.: синод. тип., 1889. — 38 с.
103. Собрание постановлений по части раскола. — СПб.: тип. при МВД, 1875. — 694 с.
104. *Сосна У. А.* Фарміраванне саслоўна-групавога складу сялянства Беларусі ў канцы XVIII — першай палове XIX ст. — Мінск: БДУ, 2000. — 115 с.
105. Счисление раскольников // Русский вестник. — 1868. — Т. 74. — С. 418—419.
106. *Тихомиров Д.* Могилевские епископы с краткими биографическими о каждом из них сведениями. — Могилев: тип. Ш. Фринланда, 1887. — 19 с.
107. *Толстой Д. А.* Римский католицизм в России: В 2 т. — СПб.: тип. В. Ф. Демакова, 1876. — Т. 2. — 140 с.
108. Тэзісы навуковай канферэнцыі, прысвечанай 1000-годдзю Полацкай епархіі і праваслаўнай царквы на Беларусі / Бел. прав. Царква, АНБ. — Мінск: Бел. прав. Царква, 1992. — 97 с.
109. Упразднение греко-униатских монастырей в Западной России // Русская старина. — 1870. — Т. 1—6. — С. 527—538.
110. Учреждение греко-униатских духовных училищ в Минской и Могилевской губерниях и в Белостокской области // Журнал Министерства внутренних дел. — 1835. — № 1. — С. 177—178.
111. *Філатава А.* «Гродненские епархиальные ведомости» // Энцикл. Гісторыі Беларусі: У 6 т. — Мінск: БелЭн, 1996. — Т. 3. — С. 155.
112. *Філатава А., Каніскі Г.* // Мысліцелі і асветнікі Беларусі: Энцикл. даведнік. — Мінск: БелЭн, 1995. — С. 218—220.
113. *Філатава А.* Канфесійная палітыка царскага ўрада на Беларусі. 1772—1860 // Матэрыялы па гісторыі Беларусі. — Мінск: Нац. ін-т адук., 1997. — С. 66—69.

114. *Філатава А.* Канфесійнае жыццё Кругляншчыны ў канцы XVIII — першай пал. XIX ст. // Гісторыя і сучаснасць Кругляншчыны: Зб. арт. / Пад рэд. В. В. Грыгор'евай і А. А. Яноўскага. — Мінск: БДУ, 1999. — С. 38—41.

115. *Філатава А. Лужынскі В.* // Энцыкл. Гісторыі Беларусі: У 6 т. — Мінск: БелЭн, 1997. — Т. 4. — С. 397.

116. *Філатава А.* Міжканфесійныя адносіны на Беларусі (кан. XVIII — пер. пал. XIX ст.) // Гістарычная навука і гістарычная адукацыя ў Рэспубліцы Беларусі: стан і перспектывы развіцця: Зб. арт. / Пад рэд. М. П. Касцюка, У. Н. Сідарцова і інш. — Мінск: БДУ, 1999. — С. 80—82.

117. *Філатава А.* Міхаіл (Галубовіч) // Энцыкл. Гісторыі Беларусі: У 6 т. — Мінск: БелЭн, 1999. — Т. 5. — С. 213.

118. *Філатава А.* Палітыка царскага ўраду ў адносінах да уніяцкай царквы (1772—1839 гг.) // Брэсцкай царкоўнай уніі — 400 (Матэрыялы міжнар. навук. канф.): Зб. арт. / Пад рэд. І. І. Акінчыца. — Брэст: Брэсцкі дзярж. ун-т, 1997. — С. 84—88.

119. *Філатава А.* Полацк 1818 г: Па матэрыялах часопіса «Miesięcznik Polocki» // Беларускі гістарычны часопіс. — 1993. — № 1. — С. 59—60.

120. *Філатава А.* Скасаванне уніі на Беларусі: гістарычнае асэнсаванне праблемы // Наш радавод. — Гродна, 1996. — Кн. 7. — С. 372—375.

121. *Філатава А.* Сучасная польская гістарыяграфія аб татарых // Вывучэнне і захаванне культурнай спадчыны татарскага народа на Беларусі: Матэрыялы III міжнар. навук.-практ. канф., Мінск, 27—28 сакавіка 1997 года / Пад рэд. В. С. Цітова і інш. — Мінск: Арты-Фекс, 1999. — С. 90—92.

122. *Філатава А., Сямаіка І.* // Мысліцелі і асветнікі Беларусі: Энцыкл. давед. — Мінск: БелЭн, 1995. — С. 568—569.

123. *Філатава А.* Хрысціянскія канфесіі пасля далучэння да Расійскай імперыі (1772—1860 гг.) // Грыгор'ева В. В., Завальнюк У. М., Навіцкі У. І., Філатава А. М. Канфесіі на Беларусі (кан. XVIII—XX ст.). — Мінск: Экаперспектыва, 1998. — С. 5—58.

124. *Філатава А., Антонаў В., Булгак І.* // Энцыклапедыя гісторыі Беларусі: У 6 т. — Мінск: БелЭн, 1994. — Т. 2. — С. 123.

125. *Філатава А., Грыгор'ева В.* 3 гісторыі канфесійнага жыцця Віцебскай губерні (кан. XVIII — пач. XX ст.) // Беларускі гістарычны часопіс. — 1995. — № 2. — С. 45—58.

126. *Філатава А., Грыгор'ева В.* Літоўская праваслаўная епархія // Энцыклапедыя гісторыі Беларусі: У 6 т. — Мінск: БелЭн, 1997. — Т. 4. — С. 385.

127. *Філатава А., Грыгор'ева В.* Магілёўскае рыма-каталіцкае архіепіскапства // Энцыклапедыя гісторыі Беларусі: У 6 т. — Мінск: БелЭн, 1999. — Т. 5. — С. 22.

128. *Філатава А., Грыгор'ева В.* Манастыры // Энцыклапедыя гісторыі Беларусі. — Мінск: БелЭн, 1999. — Т. 5. — С. 66—67.

129. *Філатава А., Грыгор'ева В.* Нехрысціянскія канфесіі на Беларусі (1772—1917) // Грыгор'ева В. В., Завальнюк У. М., Навіцкі У. І., Філатава А. М. Канфесіі на Беларусі (кан. XVIII—XX ст.). — Мінск: Экаперспектыва, 1998. — С. 135—155.

130. *Філатава А., Грыгор'ева В.* Ордэн трапістаў на Беларусі // Французская рэвалюцыя і лёсы свету: Матэрыялы міжнар. навук.-практ. канф., прысвечанай гадавіне Французскай рэвалюцыі (1789—1799 гг.) 21—22 красавіка 1999 г. / Пад рэд. У. С. Кошалева, У. Н. Сідарцова. — Мінск: БДУ, 1999. — С. 91—93.

131. *Філатава А., Грыгор'ева В.* Праваслаўная царква на Беларусі // Энцыклапедыя гісторыі Беларусі: У 6 т. — Мінск: БелЭн, 1999. — Т. 5. — С. 554—557.

132. *Філатава А., Грыгор'ева В.* Хрысціянская царква на Беларусі ў канцы XVIII — пач. XX ст. (некаторыя гістарыяграфічныя аспекты) // Гісторыя Беларусі: новае ў даследаванні і выкладанні: Матэрыялы рэспуб. навук.-практ. канф., Мінск, 27 сакавіка 1999 г. / Мін-ва адуц. РБ, БДПУ: У 2 ч. — Мінск: БДПУ, 1999. — Ч. 2. — С. 101—106.

133. *Філатава А., Грыгор'ева В., Навіцкі У.* Мусульмане сярод іншых канфесій Беларусі (кан. XVIII—XX ст.) // Другая міжнар. навук.-практ. канф. «Ісламская культура татараў-мусульман Беларусі, Літвы і Польшчы і яе ўзаемадзеянне з беларускай і іншымі культурамі» / Рэсп. цэнтр нац. культур і інш. — Мінск, 1996. — С. 3—10.

134. *Філатава А., Грыгор'ева В., Навіцкі У.* Уніяцтва на Беларусі ад Полацкага сабора да нашых дзён // 3 гісторыі уніяцтва ў Беларусі (да 400-годдзя Брэсцкай уніі): Зб. арт. / Пад рэд. М. В. Біча і П. А. Лойкі. — Мінск: Экаперспектыва, 1996. — С. 121—132.

135. *Філатава А., Насевіч В.* Віленская рымска-каталіцкая епархія // Беларуская энцыклапедыя: У 18 т. — Мінск: БелЭн, 1997. — Т. 4. — С. 165—166.

136. *Філатова Е.* Беларуская праваслаўная епархія в 60 — 70-е г. ды XVIII в. // Тэзісы навуковай канферэнцыі, прысвечанай 1000-годдзю Полацкай епархіі і праваслаўнай царквы на Беларусі / Бел. прав. Царква, АНБ. — Мінск: Бел. прав. царква, 1992. — С. 53—54.

137. *Філатова Е.* Миграции мусульман Беларусі. XIX—XX вв. // Ислам и глобальные проблемы цивилизации: Материалы V междунар. науч.-практ. конф. / Мусул. религ. объедин. в РБ и др. — Минск, 2000. — С. 18—20.

138. *Філатова Е.* Мусульмане и межконфессиональные отношения в Белоруссии. XIX в. // Ислам в Республике Беларусь. История и современность: Материалы IV междунар. науч.-практ. конф. / Госкомитет по делам религий и др. — Минск, 1999. — С. 34—37.

139. *Філатова Е.* Полоцкая епархія і народное образование (на примере Полоцкого уезда) // Гісторыя і археалогія Полацка і Полацкай зямлі: Тэзісы дакл. навук. канф., Полацк, верасень 1992 г. / Ін-т гісторыі АБ, Полацкі гіст.-культур. запаведнік. — Полацк, 1992. — С. 61—63.

140. *Філатова Е.* Судьбы трех митрополитов: С. Богуша-Сестренцевича, И. Булгака, И. Семашко // Наш радавод. — Гродна, 1992. — Кн. 4. — С. 628—632.

141. *Філатова Е.* Татары-мусульмане в политических событиях Белоруссии конца XVIII — нач. XIX в. // Першая міжнар. навук.-практ. канф. «Татары-мусульмане на землях Беларусі, Літвы і Польшчы» / БДПУ і інш. — Мінск, 1995. — Ч. 3. — С. 385—388.

142. *Філатова Е.* Униатская церковь в Белоруссии. 1772—1839 гг. Историография // Наш радавод. — Гродна, 1994. — Кн. 6, ч. 3. — С. 662—668.

143. *Филатова Е., Григорьева В.* Католическая церковь в Белоруссии: историография проблемы (конец ХУШ — нач. ХХ в.) // Наш радавод. — Гродна, 1994. — Кн. 6, ч. 3. — С. 652—661.
144. *Филатова Е., Григорьева В.* Православная церковь в Белоруссии в конце ХVIII — нач. ХХ в. (некоторые историографические аспекты) // Наш радавод. — Гродна, 1994. — Кн. 6, ч. 3. — С. 652—661.
145. *Чистович И.* Пятидесятилетие (1839—1889) воссоединения с православной церковью западнорусских униатов. — СПб.: синод. тип., 1889. — 64 с.
146. *Шавельский Г.* Последнее воссоединение с православной церковью униатов Белорусской епархии (1833—1839 гг.). — СПб.: тип. «Сельского вестника», 1910. — 380 с.
147. *Bairasanskaite T.* Lietuvos totarial XIX amziuje. — Vilnius: Mintis, 1995. — 331 s.
148. *Beavois D.* Szkolnictwo polskie na ziemiach litewsko-ruskich. 1803—1832: W 2 t. — Rzym; Lublin, 1991. — T. 1. — 230 s.
149. *Boudon A.* Stolica święta a Rosia. Stosunki dyplomatyczne między niemi w XIX w. : W 2 t. — Kraków, 1928—1930. — T. 1. 1814—1847. — 605 s.; T. 2. — 1848—1883. — 1930. — 660 s.
150. *Busch G.* Materialien zyr gejechechtenen statistis des kirchen und schilmefews. — Spet, 1866. — 23 s.
151. *Busch G.* Materialien zyr geshi kosciol augsburski w Wilnie. — Wilno, 1888. — 48 s.
152. *Charkiewicz W.* Zmerzch unji koscielnej na Litwie i Bialorusi. — Slonim, 1929. — 158 s.
153. *Chotkowski W.* Dziej zniweczenia sw. Unii na Białorusi i Litwie i w swietle pamiątnikow Siemaszki. — Kraków: Spółka wyd. Polska, 1891. — 205 s.
154. *Dylągowa H.* Duchowienstwo katolickie wobec sprawy narodowej (1764—1864). — Lublin: wyd. Tow-wa Nauk. Un-ta Lubel., 1983. — 199 s.
155. *Filatova E.* The confessional Policy of Tsarist Government in Belorussian — Lithuanian Provinces. The end of the 18-th — the first half of the 19-th centary // Christianity in East Central Europe and its Relations in the West and the East. — Lublin, 1996. — s. 100.
156. *Gach P. P.* Kasaty zakonow na ziemiach dawniej Rzeczypospolitej i Śląska. 1773—1914. — Lublin: wyd. katolic. un-ta Lubel., 1984. — 254 s.
157. *Gach P.* Popowniowa kasaty klastorów w guberniach zachodnich Cesarstwa Rosyiskiego w 1832 // Roczniki Humanistyczne. — 1980. — T. XXVIII. — s. 198—201.
158. *Godlewski M.* Monumenta Ecclesiastica Petropolitana: W 5 cz. — Spb., 1906—1913.
159. *Gozdawa M.* Wspomnienie o pijarach witebskich. — Kraków, 1909. — 25 s.
160. *Grzebień L.* Duchowieństwo Polskie w Stanach zjednoczowych przed wielką emigracją (do 1863 r.) // Studia z historii jezuitow. — Kraków, 1983. — S. 255—270.
161. *Klier J.* Russia gachers her Jews. The origins of the «jewish question» in Russia. 1772 — 1825. — Illinois, 1986. — 205 s.

162. *Kolbuk W.* Kościoły wschodnie na ziemiach dawnej Rzeczypospolitej. 1772—1914. — Lublin, wyd. KUL, 1992. — 260 s.
163. *Kosman M.* Litewska jednota ewangelicko-reformowana od połowy XVII w. do 1939. — Opole, 1986. — 234 s.
164. Krótka wiadomość o mieście Połocku. — Miesięcznik Połocki. — 1818. — № 1. — S. 8—11.
165. *Kryczyński S.* Tatarzy litewscy: Proba monografii historyczno-etnograficznej. — Warszawa: Rada cent. związku kult.-oswiat. tatarow, 1938. — 318 s.
166. *Kumor B.* Początki i organizacja kapituły metropolitalnej w Mohylowie nad Dniepriem // Rocznik Teologiczno-kanoniczne. — 1975. T. XXII, zes. 4. — S. 154—163.
167. *Kumor B.* Ustrój i organizacja kościoła polskiego w okresie niewoli narodowej. 1772—1918. — Kraków: Polskie Towro Teologiczne, 1980. — 700 s.
168. *Lachnicki I.* Biografia włościanina nad brzegami Niemna powyżej Łososny. — Warszawa: druk. W. Dąbrowskiego. — 97 s.
169. *Likowski E.* Dzieje kościoła unickiego na Litwie i Rusi w XVIII i XIX wieku uważane głównie ze względu na przyczyny jego upadku: W 2 cz. — Warszawa: Gebether i S-ka, 1906. — Cz. 1. — 277 s.; cz. 2. — 311 s.
170. *Likowski E.* Plan zniesienia kościoła greko-unickiego w Rosyi. Dokument historyczny. — Kraków, 1882. — 12 s.
171. *Litak S.* Kościół łaciński w Rzeczypospolitej około 1772 ro-ku. — Lublin: In-t Europy Srodkowo Wschodniej, 1996. — 639 s.
172. *Monumenta Ukrainae Historica. 1774—1807.* — Romae, 1969. — T. VIII, 1774—1807. — 435 s.
173. *Miller A.* Pierwsza porozbiorowa konspiracja Litewska. Spisek ks. Ciecierskiego przeora dominicanów wileńskich (1796—1797). Studium historyczne. — Kraków, 1936. — 174 s.
174. *Ruchlikowa I.* Carat wobec polskiej szlachty na ziemiach zabranych w latach 1772—1831 // Kwartalnik historyczny. — 1991. — T. XCVIII. — № 3. — S. 52—83.
175. *Schiper I.* Dzieje handlu żydowskiego na ziemiach Polskich. — Warszawa: druk. narodowa, 1937. — 440 s.
176. Spis synodów i sesji prowincyjnych jednoty Litewskiej. 1611—1913. — Wilno, 1913. — 62 s.
177. Spisek łacińskiego duchowienstwa Mohilewskiej archi-dycezyi r. 1808 w Mohilewie. — Mohilew, 1808. — 23 s.
178. *Stanislawski M.* Tsar Nicolas I and the Jews. The transformation of Jewish society in Russia. 1825—1855. — Philadelphia, 1983. — 345 s.
179. *Studia Teologiczne. 600 lat (arhi) diecezji Wilenskiej.* — Białystok; Drohiczyn; Łomża, 1987—1988. — № 5—6. — 365 s.
180. *Studnicki W.* Kościół ewangelicko-reformowany w Wilnie. Historia — organizacja — świątynia. — Wilno: wyd-wo wilen. synody ewan.-reform., 1935. — 65 s.
181. *Szadkowski Z.* Geografia ziem W. K-Litewskiego // Alma Mater Vilmensis: prace społeczności Akade mickiego Uniwersytety Stefana. Batorego na obczytnie. — London, 1953. — S. 28 — 31.

182. *Szantyr S.* Wiadomości do dziejów kościoła i religii katolickiej panowania rossyjskiemu podległych: W 2 cz. — Poznań: wyd. i druk W. Stefańskiego, 1843. — Cz. 1. — 145 s.; Cz. 2. — 123 s.
183. *Tyszkiewicz J.* Tatarzy na Litwie i w Polsce. Studia z dziejów XIII—XVIII w. — Warszawa: PWN, 1989. — 343 s.
184. *Tyszkiewicz J.* Z historii tatarów polskich. 1794—1944. — Pułtusk: wyższa szkoła human., 1998. — 164 s.
185. Wołyniak. Notatka o niektórych naszych siedzibach trynitarских. — Kraków: druk. W. L. Anczyka i Spółki, 1912. — 109 s.
186. Wołyniak. Wiadomości o dominikanach prowincji Litewskiej: W 2 cz. — Kraków: druk. W. L. Anczyka i Spółki, 1917. — Cz.1. — 322 s.
187. Wołyniak. Wykaz klasztorów dominikańskich prowincji Ruskiej: W 2 cz. — Kraków: druk. W. L. Anczyka i Spółki, 1923. — 400 s.
188. Wołyniak. Z przeszłości karmelitów na Litwie i Rusi: W 2 cz. — Kraków: druk. W. L. Anczyka i Spółki, 1918. — 351 s.
189. Z Gunterow Gabrijela Puzynina. W Wilnie i w dworach litewskich. 1815—1843. — Kraków: Krajowa Agencja Wyd., 1990. — 389 s.
190. *Zalęski S.* Jezuita w Polsce. — Kraków: druk. W. L. Anczyka i Spółki, 1908. — 370 s.
191. *Żytkowicz L.* Rządy Repnina na Litwie w latach 1794-7. — Wilno: Tow-wo Przyjaciół Nauk, 1938. — 464 s.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	3
Глава 1. Историография и источники	5
Глава 2. Унификация церковного управления и структур конфессий	14
2.1. Начальный период реорганизации. 1772—1796 гг.	18
2.2. Изменения в церковном управлении и пересмотр границ епархий. 1797—1825 гг.	27
2.3. Завершение реорганизации. 1826—1860 гг.	42
Глава 3. Меры по укреплению статуса православной церкви	62
3.1. Ликвидация униатской церкви.....	62
3.2. Ослабление влияния католической церкви	77
3.3. Положение православия и его особенности	88
Глава 4. Правовое регулирование межконфессиональных отношений	99
4.1. Переходы и их регламентация	99
4.2. Смешанные браки	114
4.3. Ритуальные убийства	118
Приложения	126
Заключение	178
Литература	181

Научное издание

Филатова Елена Николаевна

**КОНФЕССИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА
ЦАРСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА В БЕЛАРУСИ
1772—1860 гг.**

Редактор *И. Л. Дмитриенко*

Художественный редактор *В. А. Жаховец*

Технический редактор *Т. В. Летьен*

Компьютерная верстка *О. А. Толстая*

Подписано в печать 24.02.2006 г. Формат 84×108^{1/32}. Бум. офсетная № 1.
Гарнитура TimesET. Усл. печ. л. 10,08. Усл. кр.-отг. 10,5. Уч.-изд. л. 9,0.
Тираж 200 экз. Заказ 85.

Республиканское унитарное предприятие «Издательский дом «Белорусская наука». ЛИ № 02330/0131569 от 11.05.2005 г. 220141. Минск,
ул. Ф. Скорины, 40.

Отпечатано в РУП «Издательский дом «Белорусская наука».